

80.371
к36
к

К.Ш. Кереева - Канафиева

Русско-
казахские
литературные
отношения

513609

Ж.Ш. Кереева - Канафиева

Русско- казахские литературные отношения

*(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX —
ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX В.)*

Издание второе, доработанное

АЛМА-АТА •КАЗАХСТАН• 1980

ББК 83.3Р1+83.34К23
К 36

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

513609

Кереева-Канафиева К.

К 36 Русско-казахские литературные отношения.— Ал-
ма-Ата: Казахстан, 1980.— 280.

В книге в историко-литературном плане прослеживаются истоки дружбы русского и казахского народов, сближения их культур. Раскрывается характер отражения казахской тематики в творчестве русских классиков второй половины XIX — начала XX века, а также в русской демократической литературе этого периода.

Эта содержательная, популярно написанная книга, вышедшая первым изданием в 1975 году в издательстве «Казахстан», представляет большую познавательную и воспитательную ценность и адресована широкому кругу читателей.

ББК 83.3 Р+83.3 Каз
8 Р+8 Каз

02

К $\frac{70202-124}{401(07)-80}$ 164-80 4603000000 36

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН», 1980. /

ВВЕДЕНИЕ

Истоки русско-казахских отношений уходят в глубь веков, о чем свидетельствуют древнейшие памятники русской письменности. Однако начало систематического изучения жизни и быта казахского народа, первые публикации сведений о его устном поэтическом творчестве в русской литературе и журналистике относятся к первой половине XVIII в., когда значительная часть казахских степей добровольно приняла российское подданство и создались реальные условия для широкого проникновения в казахскую степь более передовой культуры России.

Внимание первых русских исследователей Средней Азии и Казахстана привлекали, как отмечал В. Бартольд¹, «по своей многочисленности и по обширности занимаемой... территории киргиз-кайсаки»².

Вначале отрывочные, неточные, порой с экзотическим налетом путевые очерки о казахах стали со временем сменяться обстоятельными и объективными произведениями писателей, ученых и путешественников, в которых описывались экономический строй, правовое положение, своеобразные обычаи и нравы казахов, давались образцы их устного поэтического творчества. Постепенно русская прогрессивная, демократическая общественность узнавала о нуждах и чаяниях казахского народа.

В монографии обобщены материалы, относящиеся к русско-казахским литературным отношениям второй половины XIX и первого десятилетия XX в.— периода, который в истории взаимосвязи двух литератур занимает особое место. Нами учитывалась вся сложность разработки данной проблемы. Главное внимание было сосредоточено на основном вопросе: характере отраже-

ния в русской литературе и журналистике темы казахского народа и Казахстана, характере, который менялся от десятилетия к десятилетию.

Рассматривая русско-казахские отношения и их отражение в дореволюционной печати России, следует иметь в виду, что они сложились не вдруг и не сразу. Этот процесс был длительным, постепенным, а в ряде случаев и противоречивым. Политика царизма отнюдь не способствовала развитию и укреплению прогрессивных тенденций во взаимоотношениях двух народов. Не удивительно поэтому, что отдельные русские авторы прошлого выступали со статьями, очерками, заметками, в которых отражали взгляд верхов на «инородцев», писали о казахам как о «номадах», лишенных культуры, весьма примитивно рассуждали о их поэзии и музыке. Но даже и в этих сочинениях можно найти крупницы познавательного материала.

В. И. Ленин учил нас рассуждать диалектически, то есть видеть и верно оценивать те условия, в которых создавалось произведение, находить в нем рациональные зерна. И если автор, будучи сыном своего века и своего класса, честно заблуждался, не следует выражать недоумение, удивление или возмущение³.

В книге предпринята попытка выделить и обосновать значение прогрессивных, гуманистических тенденций в русской литературе, а также противоречивых взглядов и художественных принципов многих русских авторов исследуемого периода в отражении жизни и быта казахского народа, не нивелируя границ между целеустремленным общественным интересом одних и случайными записями других.

Методологической основой анализа произведений русской литературы, отразивших в той или иной степени казахские мотивы и темы, являются труды классиков марксизма-ленинизма и, прежде всего, учение В. И. Ленина о партийности литературы, о наличии двух культур — демократической и реакционной — в каждой национальной культуре классового общества, его оценка творчества Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского и др.⁴.

История взаимоотношений русской и казахской литератур представляет собой часть истории социальной жизни общества, классовой борьбы в России и Казахстане.

Одна из многих благородных задач советской науки

состоит в том, чтобы показать объективно-прогрессивное значение добровольного присоединения национальных окраин к России, в широкой исторической перспективе способствовавшего укреплению дружбы народов нашей страны и дальнейшему их сближению.

Глубокую разработку основополагающих принципов политики партии в области советской науки и в целом идеологической жизни страны дают материалы XXIV, XXV съездов КПСС, труды Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, особенно его «Ленинским курсом», «О коммунистическом воспитании трудящихся», «Актуальные вопросы идеологической работы КПСС».

Как известно, XXV съезд нашей партии определил политику дальнейшего развития советского общества, направленную на достижение коммунистической социальной однородности, полного равенства людей. Неослабное внимание уделяет партия нарастающему процессу сближения наций, пронизывающему ныне все сферы жизни нашего общества. Характеризуя ленинскую национальную политику как политику равенства и дружбы народов, товарищ Л. И. Брежнев в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» (2 ноября 1977 г.) подчеркнул: «Вражда и недоверие в отношениях между нациями уступили место дружбе и взаимному уважению. Там, где веками насаждалась психология национального эгоизма, прочно утвердился интернационализм. Новыми яркими красками засияли взаимно обогащенные национальные культуры, образующие единую советскую социалистическую культуру.

Равенство, братство, нерушимое единство народов Советского Союза — все это стало фактом. Сложилась новая историческая общность людей — советский народ»⁵.

Говоря о гигантских преобразованиях, осуществленных в нашей многонациональной стране за более чем 60 лет Советской власти, нельзя не сказать о достижениях Советского Казахстана. В прошлом отсталая и бесправная национальная окраина, Казахстан сегодня, накануне знаменательного юбилея — 250-летия вхождения в состав России, по праву заявляет о себе как об одной из ведущих и высокоразвитых республик великой страны социализма. Он имеет экономические связи с 82, а

культурные — с 97 странами мира, оказывает научную и техническую помощь народам многих стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаев писал: «Разве могли бы наши республики одними своими силами достигнуть это? Нет и еще раз нет. Настоящий расцвет, духовное и социальное возрождение народов достигаются не на путях национальной замкнутости и обособленности, а в результате общих, взаимных усилий по созданию новой жизни, счастливой и свободной, пронизанной духом подлинного новаторства, творчества, небылого динамизма»⁶.

В свете сказанного особенно актуальной представляется нам исследуемая тема. Советские литературоведы рассматривают литературные взаимосвязи как одну из важнейших проблем истории мировой литературы. М. П. Алексеев, известный историк и теоретик литературы, отмечал, что «вполне изолированных друг от друга национальных литератур не существует, что все они взаимосвязаны общностью своего происхождения, то аналогиями в своей эволюции, то наличием существующих между ними непосредственных отношений и взаимовлияний, то, наконец, двумя или тремя указанными условиями одновременно в их разнообразных возможных сочетаниях»⁷.

На пленуме правления Союза писателей СССР (январь 1972) подчеркивалось, что процессы взаимообогащения и сближения культур социалистических наций изучаются все еще недостаточно. Значимость этой проблемы объясняется ролью взаимодействия литератур, поскольку этот фактор представляет одно из главных условий социалистической культуры. Этой проблеме уделено большое внимание и в известном постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972), которое было воспринято нашей творческой интеллигенцией как новое проявление неустанной заботы партии о дальнейшем расцвете советской многонациональной литературы и искусства.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979) говорится об актуальных задачах этой работы, о том, что сердцевиной ее «было и остается формирование у советских людей научного мировоззрения,

безаветной преданности делу партии, коммунистическим идеалам, любви к социалистической Отчизне, пролетарского интернационализма». В воспитании этих качеств, в укреплении нравственных убеждений советских людей важная роль принадлежит литературе и искусству.

В докладе на всесоюзном совещании идеологических работников (1979) член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК партии тов. М. А. Суслов подчеркивал, что в современной борьбе трудящихся всех наций и народностей нашей страны за новые успехи коммунистического строительства утверждаются «перушимая дружба, великое чувство общности и неразрывности исторических судеб советских людей»⁸. Поэтому одна из актуальных задач литературы и литературоведения состоит в дальнейшем укреплении братской дружбы народов, пролетарского интернационализма.

К вопросам изучения взаимосвязей и взаимодействий национальных литератур современное марксистское литературоведение подходит с конкретно-исторических позиций, что принципиально отличает его от буржуазной компаративистики⁹, отрывающей сравнительное рассмотрение историко-литературных фактов от конкретно-исторического их изучения¹⁰. Поэтому, анализируя данную проблему, автор исходит из того, что в зависимости от определенных социально-исторических условий развития России и Казахстана в те или иные периоды по-разному проявлялись русско-казахские литературные связи.

Несмотря на то, что оба народа жили на территории единого государства, уровень их экономического, социального и культурного развития был далеко не одинаков. К тому же они придерживались различных обычаев и традиций, исповедовали разные религии, говорили на разных языках и т. д.

Все это, безусловно, определило и специфику русско-казахских литературных отношений. Всестороннее их осмысление позволяет правильно понять общую картину становления и развития казахской письменной литературы, обогащения ее художественным опытом и демократическими традициями прогрессивной русской литературы. Ее воздействие на казахскую литературу было интенсивным, длительным и эффективным, до поры до времени даже и несколько односторонним, хотя сами по себе понятия «взаимосвязь», «взаимодействие» предполагают обоюдную отдачу и обоюдное восприятие.

Первоначальной, но очень важной формой литературных связей России и Казахстана явились изучение, запись и использование русскими писателями произведений казахского фольклора, без которых, как говорил А. М. Горький, нельзя было знать «подлинную историю трудового народа». Песни, предания, легенды, пословицы служили им основой при создании ряда оригинальных произведений. И здесь весьма важным можно считать то положение, что русские писатели, в свою очередь, широко использовали художественно-выразительные средства устного поэтического творчества казахов, различные стороны их жизни, что вело к обогащению новыми красками традиционных жанров русской литературы, к расширению ее идейно-художественного, творческого диапазона. И в этом смысле прав советский литературовед Г. И. Ломидзе (1961), который отмечал, что «национальные художники слова не только учатся у великой русской литературы, но и вносят свою дань в ее развитие».

В истории взаимосвязи двух исследуемых литератур необходимо, на наш взгляд, выделить два периода: 1730—1868 и 1869—1917 гг. Своеобразие первого заключается в том, что в этот период, особенно в XVIII в., многие русские писатели, путешественники, ученые, оказавшись в казахских степях, начинают собирать и записывать устные поэтические творения народа, сохраняемые в памяти многих поколений (П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер, Н. П. Рычков, В. Могутов, Ф. С. Ефремов, Г. Р. Державин, С. Большой и др.). Казахский фольклор служил объектом пристального внимания русских деятелей культуры потому, что в нем они видели мечты народа способного, но лишенного прав на человеческое существование.

В рассматриваемый период появились и первые реалистические произведения на казахскую тематику. Например, известный путешественник и писатель Ф. С. Ефремов в своей книге «Странствование Филиппа Ефремова в киргизской степи...» подробно описывает жизнь казахов, обращает внимание и на естественные богатства края, его климат, реки, леса, животный мир. Книга Ф. С. Ефремова интересна и тем, что она основана на непосредственных впечатлениях самого автора.

Достоверное описание казахской степи, жизни ее населения дал в своих «Записках» Савва Большой. Они

ценны и обилием тех деталей в обрисовке быта, которые очень оживляют историческую ткань повествования. Необходимо также отметить, что автор «Записок» впервые ввел в русскую литературу значительное количество казахских слов в почти правильном написании.

Реальным изображением быта и нравов казахов, художественностью изложения материалов примечательны очерки Н. Мамышева и поэтическое творчество П. Кудряшова, одного из руководителей Оренбургского тайного общества.

В 20—30-е годы XIX в. появились первые значительные художественные произведения о казахском народе. Одно из них — повесть В. А. Ушакова (1779—1838) «Киргиз-кайсак». В ней автор отразил вопиющие факты бесправия, нищеты, унижений, которые терпели простые люди, особенно поработенных национальностей царской России.

Давая жизнеописание своего героя Виктора Славина — сына уральского казака и бедной девушки-казашки, проданного матерью за гроши петербургским господам, писатель правдиво запечатлел некоторые характерные моменты из жизни казахов.

Одним из пионеров развития русско-казахских литературных связей был В. И. Даль (1801—1872)¹¹. В его повестях «Майна» и «Бикей и Мауляна» главные герои — казахи, типичные национальные характеры. Писатель показал тяжелую их жизнь, познакомил русских читателей с широко бытовавшим среди казахов обычаем насильственного брака, ввел в текст много инонациональных слов и выражений, используя их для речевой характеристики персонажей. Казахские мотивы нашли отражение в ряде других произведений Даля: «Уральский казак», «Полуношники», «Письма из похода в Хиву» и др.

В. И. Даль глубоко интересовали многие стороны жизни казахского народа, но особенно его устное поэтическое творчество. Отличное знание казахского языка помогло писателю отметить сходство духа казахских сказок с богатырскими былинами русского народа. Тщательно собранные материалы фольклора не только русского, но и казахского, украинского, башкирского и других народов оказали В. И. Далю неоценимую помощь в подготовке им знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка». Именно этот период в деятель-

ности Даля отмечен благотворным пушкинским влиянием. Оно выразилось прежде всего в реалистическом и гуманистическом изображении жизни казахского и других народов России.

Полноценно художественное изображение инонациональных характеров ведет начало от Пушкина. Великий поэт уделял значительное внимание жизни и поэтическому творчеству народов России. Известно, что за короткий срок пребывания в казахских степях Оренбургского края (1833) А. С. Пушкин заинтересовался устным творчеством казахов, что нашло отражение в некоторых крупных произведениях поэта.

Казахская тематика занимает определенное место и в творчестве В. А. Жуковского, посетившего казахские степи и проявившего большой интерес к жизни кочевого народа.

Исследование многочисленных литературных источников показывает, что во второй период (1869—1917 гг.) русско-казахские литературные связи достигли еще более широкого размаха, обусловленного рядом важнейших факторов.

К 70-м годам XIX в. завершился процесс присоединения Казахстана к России. Он вызвал существенные изменения в экономике, общественно-политической и культурной жизни края. Были созданы известные условия для постепенного освоения в казахских степях культуры земледелия, перехода кочевников к оседлости, строительства первых предприятий обрабатывающей промышленности, оживления торговли, зарождения новых производственных отношений, распространения культуры и просвещения. Кроме того, мощная держава гарантировала безопасность и защиту казахского народа от иноземных захватчиков. Все это благотворно сказалось и на развитии взаимосвязей русской и казахской литератур.

Второй период ознаменовался появлением уже значительного числа разнообразных в жанровом отношении художественных и художественно-документальных произведений русских авторов на казахскую тему. При анализе этих произведений нами ни в коей мере не уравниваются место и значение в процессе взаимосвязи таких выдающихся русских писателей, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко и другие, в чьем творчестве нашли отражение казахские

темы и мотивы и кто повлиял на развитие реализма и просветительского направления в казахской литературе, с тем поистине огромным числом русских писателей и ученых, в наследии которых, по существу, отражена вся история жизни, быта и культуры казахов.

Яркой страницей в летописи русско-казахских литературных отношений можно назвать творческие связи Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского.

В книге приведены данные о деятельности Валиханова как писателя, критика, переводчика, литературоведа и журналиста. Вся эта его многогранная деятельность сформировалась под влиянием идей русских революционных демократов, передовой русской печати, прежде всего журнала «Современник», а также тесного общения с Ф. М. Достоевским и другими видными деятелями русской науки и культуры.

В освещении социально-экономических условий жизни казахов немалую роль сыграли «туркестанские» романы и повести, очерки и рассказы Н. Н. Каразина, П. Ильина, П. И. Пашино, Н. П. Стремоухова, Н. Уралова, П. П. Инфантьева. В произведениях этих писателей представлена широкая панорама русско-казахских отношений, картины быта, нравов, обычаев казахов, пропагандируется идея дружбы народов.

Значительный вклад в становление и развитие культурных и литературных связей между Россией и Казахстаном внесли передовые русские ученые и путешественники В. В. Радлов, В. В. Бартольд, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. А. Северцов, Г. Н. Потанин, Д. Л. Иванов, Е. П. Ковалевский и др. Велика их заслуга перед мировой и русской наукой, а также перед казахским народом, ибо в созданных ими научных трудах и документально-художественных произведениях, особенно в путевых очерках, дневниковых записях и воспоминаниях сохранены на века не только лучшие образцы устного творчества казахов, но и правдивые картины их жизни и быта, запечатленные без ложной романтики и без грима экзотики. Неоценимое значение имели здесь личные впечатления, наблюдения, выводы. Познавательный материал этих произведений используется сегодня не только при изучении проблем русско-казахских литературных отношений, но и историками, этнографами и другими специалистами. Объединяющим началом, философской основой документально-художественной литера-

туры о казахах являлась идея цивилизации и просвещения их. К сожалению, объем настоящей книги не позволил вместить этот обширный материал.

Благотворное влияние на развитие русско-казахских литературных отношений оказало длительное пребывание в казахских степях политических ссыльных, среди которых, как известно, были выдающиеся писатели Т. Г. Шевченко, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, С. Ф. Дуров, Д. Л. Иванов и др. Их просветительская деятельность способствовала развитию общественной мысли и национального самосознания казахского народа. Не случайно, что именно в это время из его среды выдвинулись замечательные мыслители, просветители и художники слова — Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин.

Первые казахские просветители, понимая важность сближения с русским народом, всячески содействовали этому. Абай, переводя произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова на казахский язык, выступил пропагандистом классических литературных ценностей. И. Алтынсарин создал «Киргизскую хрестоматию», в которую включил свои переводы ряда сказок Л. Н. Толстого, басен И. А. Крылова и произведений других русских писателей. Очерки Чокана Валиханова о Джунгарии явились новым словом в русской литературе о народах Востока.

В развитии казахской литературы значительная роль принадлежит русско-казахским школам, созданным по инициативе И. Алтынсарина. Среди первых выпускников были люди, продолжившие дело своего учителя. В их числе неутомимые собиратели произведений казахского фольклора, известные переводчики.

Переводческое дело уже во второй половине XIX в. становится могучим фактором взаимовлияния русской и казахской литератур. С одной стороны, этот фактор значительно повлиял на формирование казахской письменной литературы, а с другой, через переводы русскими учеными и писателями произведений казахского фольклора словарный состав русского языка пополнился новыми художественно-поэтическими средствами, в него вошли понятия, отражающие жизнь и быт в то время еще малознакомого кочевого народа.

Важнейшим событием в культурной жизни России следует считать появление в русской литературе образцов

казахской поэзии (Иванов, Ковалевский и др.), вначале и в виде вольного перевода, переложения, а в последующем более близких к оригиналу. Так, П. Н. Распопов перевел на русский язык казахскую поэму, воспользовавшись одним из первых подстрочным переводом, осуществленным казахами, знавшими русский язык,

Многое сделали для изучения и пропаганды казахской устной поэзии русские ученые-ориенталисты, труды которых получили всеобщее признание демократической части русского общества и дали материал для раздумий многим русским писателям. Они могли реально убедиться в том, что народы окраин страны имеют своеобразную литературу, свидетельствующую о их богатой духовной культуре. И когда такой знаток Востока, как Г. Н. Потанин, сравнил казахскую поэму «Козы-Корпеш и Баян-Слу» с лучшими образцами мировой литературы, то это произвело большое впечатление: народ, создавший подобные шедевры, достоин уважения.

В русском обществе постепенно утвердилось мнение о необходимости просвещения казахов. Чтобы искоренить взгляд на «инородцев», как на людей, не способных к восприятию культуры, прогрессивные русские писатели и художники, ученые и просветители многосторонне изучают их быт, нравы, обычаи, поэзию и музыку. В казахскую степь начинают проникать цивилизация и культура. И надо вновь подчеркнуть, что могучий толчок этому процессу дали А. С. Пушкин, В. И. Даль, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Т. Г. Шевченко, М. Л. Михайлов, Н. С. Лесков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, Д. Д. Миннаев, Д. Л. Иванов, Н. Ильин и многие другие.

Процесс развития русско-казахских литературных отношений находил отражение и в периодической печати России. На страницах журналов и газет публиковались материалы о русско-казахских общественно-экономических и социально-культурных взаимосвязях. Им посвящались небольшие очерки и «толстые» повести на страницах «Современника» и «Отечественных записок», «Сибирского вестника», «Литературной газеты» и «Газеты для сельских хозяев», а также научные и научно-популярные статьи в журналах Русского географического общества (РГО) («Записки РГО», «Известия РГО» и «Вестник РГО»), в изданиях военного ведомства («Военный сборник») и других. По-разному звучит эта тема.

Наиболее содержательные и серьезные статьи на казахские темы публиковались на страницах демократической печати или близких к ней научных изданий Русского географического общества. В 60-х годах в «Современнике» появился ряд ценных материалов о положении русских и казахских рабочих на рудниках и заводах Сибири и Казахстана. Отдельные сведения о казахах периодически сообщали такие специальные издания, как «Журнал охоты», «Военно-медицинский журнал», «Горный журнал», «Школьное образование» и др. Статьи, очерки, заметки о казахах помещались и на страницах провинциальной печати России, в таких изданиях, как «Астраханский вестник», «Казанский вестник», «Енисейские губернские ведомости», «Кавказ» и др. Все это, несомненно, свидетельствовало о развивающихся многосторонних связях России и Казахстана.

Разумеется, в русской печати о казахах публиковались не только правдивые материалы. Встречались и публикации ретивых чиновников, где рядом с правдой соседствовали досужие измышления и нелепые истории. Популярность «экзотических» тем обусловила появление и таких сочинений, в которых смешивали казахов с другими народами (узбеками, татарами).

Положительным явлением стало зарождение местной печати¹² в Средней Азии и Казахстане. В газетах, сборниках, альманахах Туркестанского, Оренбургского, Западно-Сибирского генерал-губернаторств, выходивших в Ташкенте, Оренбурге, Омске, часто публиковались материалы, посвященные жизни казахских степей. Так, казахская тематика не сходила со страниц «Ежегодника Туркестанского края», «Туркестанских ведомостей», «Русского Туркестана», «Окраины» (последняя выходила в Самарканде, 1890—1895), «Оренбургских губернских ведомостей», «Оренбургских епархиальных ведомостей», «Оренбургского листка» и т. д. В разных областях Казахстана начинают выходить на русском и казахском языках «Киргизская степная газета», «Акмолинские областные ведомости», «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», «Тургайские областные ведомости», «Семипалатинские областные ведомости», «Степной край» и др.

Для исследователя несомненный интерес представляют труды и записки различных комиссий, комитетов, отделов ученых обществ («Труды Сыр-Дарьинского обла-

ского статистического комитета», «Записки Оренбургского отдела Русского географического общества» и т. п.). Некоторые сведения о казахах содержат и так называемые адрес-календари и памятные книжки, издававшиеся в отдельных губерниях и областях дореволюционного Казахстана («Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895 год», Оренбург, 1894; «Адрес-календарь Тургайской области на 1897 год», Оренбург, 1897).

Местные газеты, безусловно, содействовали укреплению взаимоотношений казахов и русских. Так, в «Киргизской степной газете» (1894, № 49) была опубликована статья, в которой рассказывалось о русских крестьянах, вступающих «в частные» сношения с жителями аулов и достигшими доверия и дружбы кочевников. В «Оренбургском листке» (1899, № 3) сообщалось, что казахи Кустанайского уезда живут «ладно» и «не ссорятся» с русскими переселенцами. Напротив, кочевники осваивают русскую культуру, начинают пахать землю, сеять хлеб, строить мельницы и изучать русскую грамоту.

Во второй половине XIX в. на страницах местных газет и журналов стали выступать казахские авторы. Это были в основном учителя, бывшие воспитанники русско-казахских школ и училищ. Они нередко поднимали наиболее острые вопросы жизни своего народа. В этом факте надо видеть результат благотворного влияния русской прогрессивной, демократической мысли. В казахской степи зарождалась национальная интеллигенция, стал заметен рост самосознания казахского народа.

В культурном развитии края и, в частности, в истории русско-казахских литературных связей определенную роль сыграл «Туркестанский сборник»¹³, составленный известным петербургским библиографом В. И. Межовым (1831—1894)¹⁴, в который включались по возможности все сочинения, а также газетные и журнальные статьи (русские и иностранные), касающиеся Средней Азии.

Дело, начатое В. И. Межовым и прерванное в 1887 г., было возобновлено лишь через 20 лет. В 1907 г. составлением сборника занялись члены Туркестанского отдела Русского географического общества, в частности, знаток литературы о Средней Азии Н. В. Дмитриевский (1841—1910), крупный этнограф А. А. Диваев (1856—1932), — заведующий библиотекой И. П. Зыков. «Туркестанский сборник» составлялся до 1916 г.

Указатели к последним 175 томам были подготовлены уже в наше время историками-библиографами О. В. Масловой и Е. К. Бетгер. Последний справедливо считал «Туркестанский сборник» одним из замечательных памятников культурной работы передовой русской интеллигенции в дореволюционном Туркестане¹⁵. Не случайно, что нашлись подражатели уникального сборника. В частности, англичане составляли подобный сборник по Индии¹⁶. В «Туркестанском сборнике» содержится большое число газетных и журнальных статей, посвященных казахам и казахской степи¹⁷. Эти редкие материалы использованы в данной книге.

Важные очаги культуры — библиотеки стали возникать и в казахских степях. Еще в 1895 г. в Оренбургскую пограничную комиссию поступило сообщение о пожертвовании книг библиотеке при школе для казахских детей¹⁸.

В составе различных экспедиций, направляемых в край, были художники — «рисовальщики», запечатлевшие в своих рисунках, этюдах, эскизах и полотнах неповторимые жизнь и быт казахов, пейзажи степных просторов. Правда, некоторые из них нередко прибегали к приемам стилизации, недостаточно четко передавая черты лиц казахов, опуская некоторые детали одежды и бытовой обстановки кочевников и т. д. Однако в 30—50-х годах в казахских степях появляются мастера, творчество которых проникнуто духом критического реализма. В конце 30-х годов XIX в. в Оренбурге работают первые русские профессиональные художники В. И. Штернберг (ученик К. П. Брюллова) и А. Н. Горюнов, а также ученик А. Г. Венецианова местный художник А. Ф. Чернышев. Эти художники создали произведения, познавательная ценность которых по оценке, например, искусствоведа Г. Н. Чаброва (1964), «велика и многообразна». И это верно.

В исследуемый период в казахских степях трудились и отдельные художники-любители, встречавшиеся в среде русского офицерства и чиновничества, ссыльных поляков (например, Бронислав Залесский и др.). Среди них следует назвать имя О. Н. Бутаковой, сопровождавшей экспедицию ученого А. И. Бутакова по изучению Аральского моря, Сырдарьи и Амударьи и оставившей многочисленные рисунки, посвященные казахам, туркменам и природе края. Великий украинский поэт Т. Г. Шевченко, служивший «рисовальщиком» в этой же экспеди-

нии, также оставил серию рисунков, в которых отражены обе стороны жизни казахов.

Виднейшие русские ученые, внесшие определенный вклад в становление и развитие русско-казахских связей, оставили после себя и интересные фотодокументы. Так, этнограф П. Пятницкий, изучая представителей разных народов России, запечатлел на своих снимках типы социальных и национальных групп страны. Его фотографии следует рассматривать не только как документ о прошлом, но и как художественные произведения с образами наиболее типичных представителей народов.

Много сделала в Средней Азии и Казахстане фотограф Л. К. Полторацкая, участница экспедиций В. А. Полторацкого. Ее снимки (Восточный Казахстан — верховья Черного Иртыша и озеро Зайсан) существенно дополняли их исследования, отражали быт казахов. Полторацкая создала этнографический альбом «Виды и типы Западной Сибири», где приведена обширная коллекция снимков Алтая и Семипалатинской области. Это — фотографии казахских аулов и зимовок, национальной одежды, утвари, орнаментов на юртах и т. д. К нему приложен объяснительный очерк. На Московской антропологической выставке 1879 г. автор альбома была удостоена серебряной медали.

В 1869 г. группа ученых в Ташкенте приступила к составлению «Туркестанского альбома». Собственно издание состояло из четырех альбомов: археологического, этнографического, промыслового и исторического. Этнографический альбом знакомил с бытом и типами казахов, узбеков, киргизов, таджиков и туркмен.

«Туркестанский альбом» получил положительную оценку в русской печати. Например, В. В. Стасов считал это «монументальным изданием», явлением совершенно единственным «в своем роде между европейскими изданиями, изображающими быт и занятия народов», и назвал его «целой народной галереей»¹⁹. Высоко оценив коллективный труд русских фотографов, посвященный Туркестану, Стасов одобрительно писал и о другом альбоме, составленном также в Средней Азии для III международного конгресса ориенталистов в Петербурге в 1876 г.²⁰. Следует заметить, что «Туркестанский альбом» украшал русский отдел Парижской международной географической выставки 1875 г. и получил высшую награду²¹.

Можно отметить, что фотографией с любовью занимались П. П. Семенов-Тянь-Шанский, И. В. Мушкетов, Л. С. Берг, Г. Н. Потанин и другие крупные русские ученые, использовавшие фотоаппарат как средство фиксации важнейших сторон жизни людей. Необходимо подчеркнуть, что число русских художников и фотографов, посвятивших свое творчество отображению различных сторон жизни казахского народа, было значительно. Их благородная деятельность заслуживает глубокого и самостоятельного изучения, так как историческая ценность фотодокументов, запечатлевших многотрудную в прошлом жизнь народов Средней Азии, Казахстана и Сибири, исключительно велика. К сожалению, роль фотографии в процессе развития русско-казахских отношений изучена совершенно недостаточно.

Таким образом, всестороннее развитие русско-казахских литературных отношений было обусловлено комплексом факторов: участием в указанном процессе русских писателей-классиков, а также остальной массы художников слова, почти всей русской периодической печати; появлением в казахских степях местных органов печати и большой группы казахских авторов-энтузиастов, занимавшихся публикацией произведений устного народного творчества и переводами произведений родной и русской литератур; прогрессивной деятельностью талантливых русских ученых и путешественников, научных экспедиций и ученых обществ; позитивными результатами развития сети русско-казахских школ и других учебных заведений, способствовавших появлению образованных людей, положивших начало просвещению казахского народа; постепенным развитием сети библиотек.

В настоящей работе русско-казахские литературные отношения рассматриваются в связи с идейно-политическим развитием русского и казахского обществ, их социально-экономическим положением, «в соотношении» и «соприкосновениях» с народным творчеством, музыкой и песнями казахов и т. д. На подобное рассмотрение наталкивает исследователя богатство фактического материала: давние и разносторонние связи России и Казахстана получили свое воплощение не только в русских летописях, специальных исследованиях и обстоятельных трудах русских ученых, но и в очерках, рассказах, повестях, романах писателей.

Автором широко использованы ценные материалы, хранящиеся в различных архивах страны (Центральный исторический архив СССР, Центральный государственный архив литературы и искусства, архив Всесоюзного географического общества, республиканские архивы Казахской и Узбекской ССР, Государственный архив Оренбургской области и др.) и проливающие свет на некоторые литературно-исторические факты и события.

Возможностью написания этой книги автор во многом обязана педагогу, профессору Нургазы Идашевичу Керему, другу и помощнику в жизни и работе.

Изучение литературных связей русского и казахского народов представляет лишь часть проблемы развития нашей многонациональной литературы. Советское литературоведение в этом направлении имеет в своем арсенале известные коллективные труды²² и монографии отдельных ученых²³.

Необходимо отметить, что творчество большинства русских писателей, чьи труды анализируются в настоящей книге, в самой русской критике почти никогда не рассматривалось с точки зрения их роли в становлении и развитии русско-казахских литературных отношений. Правда, казахстанские исследователи, изучая различные аспекты этого процесса, внесли известный вклад в разработку данной проблемы²⁴. Ей посвящен и целый ряд научно-журнальных статей²⁵.

Настоящая монография показывает становление и развитие дружбы русского и казахского народов и отражение этого процесса в русской литературе второй половины XIX — первого десятилетия XX в.

Подлинного расцвета русско-казахские литературные связи достигли лишь в советскую эпоху, когда казахский народ стал равным среди равных в братской семье народов СССР и получил реальные условия для всестороннего развития своей экономики и культуры.

КАЗАХСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ КЛАССИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

XIX век вошел в историю как век расцвета русской классической литературы, могучий подъем которой начался со времен А. С. Пушкина и продолжался в течение всего столетия.

В первые десятилетия прошлого века в России наряду с культурой реакционного дворянства развивалась и культура прогрессивная, культура декабристов и Пушкина. Развитию и укреплению позиций представителей литературы прогрессивного направления способствовало «время от 1812 до 1815 года», которое «было великою эпохой для России»¹. В. Г. Белинский подчеркивал, что «12-й год... пробудил... спящие силы» России и «открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил... способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения». Великий критик особо отметил, что «12-год нанес сильный удар коснеющей старине...»². Этой «коснеющей стариной» был крепостной строй в России.

В. И. Ленин различал три периода в истории русского освободительного движения: «...1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»³.

Каждому из этапов революционного движения России соответствовали своя печать, своя литература. Всемирное значение русской литературы заключалось именно в том, что она руководствовалась наиболее прогрессивными идеями своего времени. Бесценным содержанием пушкинского периода русской литературы явилась победа принципов реализма.

В 40—50-е годы русская литература развивается под идейным влиянием А. И. Герцена и В. Г. Белинского. В этот период для русской литературы характерно дальнейшее сближение с жизнью народа, активное вмешательство в общественный процесс. Не случайно В. Г. Белинский писал, что «в наше время искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов»⁴.

В 40-е годы происходит утверждение критического реализма, основу которого заложили Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Появляется жанр «физиологического очерка». В сборнике «Физиология Петербурга», изданном Н. А. Некрасовым в 1845 г., принял участие и В. И. Даль, один из тех, кто заложил основы развития русско-казахских отношений. К этим же годам относится и деятельность поэта А. Н. Плещеева, сосланного впоследствии в казахские степи.

В конце 40-х годов Ф. М. Достоевский и поэт С. Ф. Дуров (1816—1869)⁵, обвиненные как участники кружка Петрашевского, стали узниками «мертвого дома». По выходе из омской каторжной тюрьмы Достоевский прожил в ссылке в Казахстане почти пять лет, что наложило известный отпечаток на его творчество, обусловив возникновение казахских мотивов в некоторых крупных произведениях гениального писателя. А его творческие связи с Ч. Валихановым составили самостоятельную главу в русско-казахских литературных отношениях.

События 50—60-х годов потрясли империю Романовых. Крымская война (1853—1856), принеся позорное поражение царскому самодержавию, ускорила ликвидацию феодально-крепостнической системы в России. Как известно, отмена крепостного права была осуществлена в интересах сохранения помещиками-крепостниками своих привилегий. И все же «после падения крепостного права в России довольно быстро стал развиваться капитализм, прежде всего в промышленности»⁶. В. И. Ленин отмечал: «19-е февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи»⁷.

Ликвидация крепостного права сопровождалась не только интенсивным развитием капиталистической экономики, ростом городов, появлением новых путей сообщения и т. д., но и некоторым повышением культурного уровня населения. Одновременно усилились русификация

и христианизация коренного населения окраин с помощью «русско-инородческих» школ. В 1865 г. в России было создано «миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками», к последним относились все народности нехристианского вероисповедания.

Начало 50-х годов ознаменовалось для русской литературы успешным выступлением Л. Н. Толстого. Н. Г. Чернышевский уже тогда назвал его великой надеждой родной литературы.

Значительного расцвета русская литература достигла в 60-е годы, когда в развитии освободительного движения в России на смену дворянским революционерам пришли разночинцы.

«Падение крепостного права,— писал В. И. Ленин,— вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности»⁸. Для этого десятилетия характерна активная деятельность Н. Г. Чернышевского, который в сравнении с А. И. Герценом «сделал громадный шаг вперед» (В. И. Ленин) и был идейным вождем и вдохновителем второго поколения русских революционеров XIX в.— поколения революционных демократов 1860-х годов. Широкую известность в этот период приобрела литературная и общественная деятельность соратника Чернышевского, поэта, писателя, критика М. Л. Михайлова, написавшего и серию очерков из жизни казахов.

Демократический подъем в русском обществе в 60-х годах сопровождался развитием прогрессивной периодической печати. В 50—60 годах любимым журналом передовых читательских кругов России стал «Современник», боевой орган пропаганды революционно-демократических идеалов Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова. Они сплотили вокруг «Современника» лучшие прогрессивные силы русской литературы. Он оказывал такое огромное влияние на русское общество, какого не имел ни один журнал того времени.

Революционно-демократическое направление «Современника» благотворно воздействовало и на формирование прогрессивного, демократического мировоззрения у представителей интеллигенции Украины (Т. Г. Шевченко), Грузии (И. Чавчавадзе, А. Церетели), Казахстана (Ч. Ч. Валиханов) и др.

С резкими разоблачениями колонизаторской политики царизма на национальных окраинах, в частности в казахских степях, выступал на страницах «Колокола» А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов и своих трудах указывали на необходимость правдивого описания всех сторон жизни, быта, нравов и культуры народов окраин. Так, Н. А. Добролюбов справедливо считал, что «патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен... Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»⁹.

На позиции именно такого патриотизма и истинного гуманизма стояла вся блестящая плеяда писателей — лучших представителей демократического направления в литературе России прошлого столетия. В их числе достойное место занимает и патриарх русской реалистической прозы **Сергей Тимофеевич Аксаков** (1791 — 1859). Для нас в творчестве этого замечательного писателя представляют определенный интерес инонациональные мотивы, в частности, казахские, хотя они и не нашли у Аксакова столь разнообразного и яркого отражения, как в произведениях его современника В. И. Даля.

Перу С. Т. Аксакова принадлежат широко известные произведения: «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и другие. Именно эти произведения писателя получили высокую оценку видных деятелей русской демократической культуры. Так, анализируя один из журнальных отрывков «Семейной хроники», Н. Г. Чернышевский подчеркнул, что в рассказе С. Т. Аксакова «много правды», что «правда эта чувствуется на каждой странице»¹⁰.

Герцен считал, что «Хроника» Аксакова помогает нам сколько-нибудь узнать наше неизвестное прошлое»¹¹. Добролюбов и Чернышевский силу «Хроники» видели в ее обличительной направленности против крепостничества. С похвалой отзывались об этой книге И. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой и др.

Н. Г. Чернышевский восторженно приветствовал «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»

(М., 1852), назвав это произведение «классическим сочинением», в котором автор одновременно выступает как «художник и охотник вместе»¹².

В «Современнике» появились статьи Н. А. Некрасова и И. С. Тургенева о «Записках...» Аксакова. Некрасов писал, что «превосходная книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» облетела всю Россию»¹³. Тургенев в своих статьях обратил внимание на то, что охотничьи произведения Аксакова обогащают «общую нашу словесность».

«Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» высоко оценили не только виднейшие русские литераторы, но и крупные ученые-естествоиспытатели, как Рулье, Богданов, Мензбир и др.¹⁴.

Наше внимание в этой книге особенно привлекают поэтические картины природы Оренбургского края. Нельзя без волнения читать описания незабываемых пейзажей степи в различные сезоны года. Однако Аксаков с горечью констатировал, что в Оренбургской губернии «все переменялось!»¹⁵ и что теперь (к середине XIX в.— К. К.) там нет и десятой доли «прежнего бесчисленного множества дичи». Автор не смог объяснить причины этих изменений в природе края, хотя и отмечал, что «смолоду мы точно были не охотники, а истребители»¹⁶.

Эти мысли автор продолжил в другом своем крупнейшем произведении — «Семейная хроника», где также воспел степные просторы Оренбуржья: «...Все еще прекрасна... обширна, плодоносна и бесконечно разнообразна Оренбургская губерния!»¹⁷.

Аксаковское видение степных просторов восхищало Н. В. Гоголя. Есть весьма убедительное свидетельство Ю. Ф. Самарина (1877) о глубоком интересе Н. В. Гоголя к природе и жизни населения Оренбургского, или «заволжского», края. Самарин писал, что Гоголь «с напряженным вниманием, уставив... глаза», слушал изустные рассказы С. Т. Аксакова «о заволжской природе и о тамошней жизни»¹⁸. И хотя природа края запечатлена писателем во все сезоны года, однако его описание степного бурана до сих пор является непревзойденным (очерк «Буря», 1834)¹⁹. Аксаков характеризует известную яицкую казачью дорогу, которая от Илецкой Защиты тянется к Янку, далее к г. Уральску, пересекая плоское возвышение под названием Общий Сырт. Следова-

но, Аксаков хорошо знал и казахскую часть Оренбургского края.

Однако превосходные картины степных просторов у писателя нередко чередуются с реальными сценами суровой действительности. Когда слух «о неизмеримом пространстве земель, угодьях, привольях, неопisanном изобилии дичи и рыбы и всех плодов земных» в Оренбургском крае достиг русских помещиков, то среди них нашлось много желающих переселиться в этот край. Сюда же собрался на постоянное жительство и помещик Багров (Аксаков). Десять, двадцать, тридцать и более тысяч десятин земли русские помещики, как Багров и другие, покупали за бесценок (сто рублей целковыми да на сто рублей подарками: владельцев земли башкиры угощали пивом, медом и жирной бараниной...). Следует заметить, что в рассказе Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли надо?» почти тождественно описаны приемы выманивания земли у башкиров: кулак Пахом за подарки-безделушки отхватывает большую «палестину»... Коренное население края постепенно вытесняется с насиженных и удобных земель. Эту жестокую правду не мог не заметить подлинный художник-реалист.

Между тем в пределах Оренбургского края жили многие народности: казахи, башкиры, чувашы, татары, мордва и др. Несмотря на притеснения со стороны имущих классов, простые люди быстро сближались. В процессе тесного общения у них выработался даже «особый» язык: при этом сами русские «немилосердно» коверкали речь, перемешивали ее с татарскими словами, думая, что так будет понятнее²⁰. Аксаков не мог не отметить в своих «оренбургских» произведениях такое замечательное явление, как возникновение и развитие близких взаимоотношений между представителями многих народов края. Об этом писатель повествует во многих местах «Хроники», подчеркивая степень взаимосвязей иногда лишь некоторыми деталями, фактами, придающими им характер подлинности, достоверности. Так, одна из дочерей Степана Михайловича Багрова вышла замуж за Каратаева, «страстного любителя башкирцев и кочевой их жизни — башкирца душой и телом» (139), которого автор еще называет человеком «башкиролюбивым» (125).

Старик Багров очень любил свой халат из тонкой армячины, которая служила предметом торговли на

Меновом дворе Оренбурга. Армячину доставляли казахи. Автор считал, что армячина «равнялась с лучшими азиатскими тканями» (156). Его особая любовь к табуну степных лошадей тоже возникла не случайно, а под влиянием общения с местным кочевым населением.

О заимствованиях лучших достижений одного народа другим рассказывает, например, следующий эпизод из «Семейной хроники»: жизнь людей, зверски наказанных помещиком Куролесовым, «спасали только тем, что завертывали истерзанное их тело в теплые, только что снятые шкуры баранов, тут же зарезанных...» Между тем этот метод лечения под названием «блау» широко использовался в казахской народной медицине.

Любопытно также описание приема лечения кумысом в «Хронике». Когда заболела Софья Николаевна, она была привезена в татарскую деревню, где для нее готовили «этот благодатный напиток... цивилизованным способом, то есть кобылье молоко заквашивали не в турсуке, а в чистой, новой, липовой кадушке. Хозяева утверждали, что такой кумыс менее вкусен и менее полезен, но больная чувствовала непреодолимое отвращение к мешку из сырой лошадиной кожи...» (262). Описание автора в основном правдиво, кроме одной детали: для турсука или сабы (резервуар для хранения кумыса) обычно использовалась лошадиная кожа, подвергнутая длительному копчению дымом.

В «Хронике» отмечается, что доктор, назначивший диету Софье Николаевне, по-видимому, «руководствовался пищеупотреблением башкир и кочующих летом татар (казахов.— К. К.), которые во время питья кумыса почти ничего не едят, кроме жирной баранины, даже хлеба не употребляют, а ездят верхом с утра до вечера по своим степям... Лечение пошло отлично-хорошо...» (263). По воспоминаниям С. А. Берса, именно так лечился кумысом и Л. Н. Толстой во время пребывания в Оренбургском крае, и у него лечение дало отличные результаты.

Интерес представляет и воспоминание Аксакова «Знакомство с Державиным» (1856)²¹, состоявшееся в 1815 г. в Петербурге. Молодой Аксаков понравился «певцу Фелицы», как называли тогда «литераторы и дилетанты русской словесности» Г. Р. Державина. Как известно, великому поэту широкую славу принесла ода

К Фелице», где, пожалуй, впервые казахская тема вошла в русскую поэзию.

Казахские мотивы отразились и в поэтических произведениях самого Аксакова. Например, его стихотворение «Уральский казак»²², хотя, по мнению самого автора, являлось «слабым и бледным подражанием» «Черной шали» Пушкина, тем не менее интересно: в нем описывается «священная брань» уральских казаков с их ближайшими соседями-кочевниками. На фоне непрекращавшейся брани, ставшей причиной длительного отсутствия казака, нарушается обет, данный супругой, и наступает трагическая развязка жизни молодых людей.

Известно, что Оренбургский край был ареной крупных социальных потрясений, лихорадивших царскую Россию. В «Хронике» имеется важное свидетельство о движении крестьян под руководством Е. Пугачева. «Много пронеслось годов, много совершилось событий: был голод, повальные болезни, была пугачевщина. Шайки Емели распугали помещиков Оренбургского края». Их бегство за пределы края приняло широкие размеры.

В русской литературе прошлого века неоднократно обращалось внимание и на такое социальное явление, как купля помещиками казахских детей. В «Хронике» также есть упоминание об этом факте, порожденном эпохой крепостничества. «В те времена в Уфимском наместничестве²³, — писал Аксаков, — было самым обыкновенным делом покупать киргизят (казахских детей. — К. К.) и калмычат обоего пола у их родителей или родственников; покупаемые дети делались крепостными слугами покупателя» (239).

Живя в течение многих лет среди разноплеменного населения края, Аксаков тем не менее не создал произведения, где центральным героем был бы представитель «инородцев»; более того, писатель не создал ни одного законченного, цельного образа казаха, башкира и т. д. Поэтому совершенно прав К. Покровский (1911), сказав о том, что этнографический «элемент» «в произведениях Аксакова играет чисто эпизодическую, случайную роль»²⁴.

Между тем такой писатель, как С. Т. Аксаков, «близко стоявший к жизни простого народа и инородцев... пристально к ним присматривавшийся и проводивший вдобавок половину своей жизни на юго-восточной окраине России, мог бы сообщить в высшей степени интересный

и ценный материал. Но Аксаков, очевидно, не придавал своим сведениям никакого значения, и лишь изредка, по мере надобности, вводил их в свои рассказы, но никогда не пробовал обособить их в отдельную статью, рассказ или исследование»²⁵.

К сожалению, изучению так называемого этнографического материала, связанного с жизнью и бытом казахов, башкир, татар и других народов, в произведениях С. Т. Аксакова не уделено должного внимания и в труде С. Машинского, автора монографии о жизни и творчестве писателя²⁶.

Однако представленный нами материал интересен все же тем, что Аксаков, как писатель-реалист, не смог игнорировать многие социальные явления, имевшие место в Оренбургском крае, и верно, хотя и сжато, коротко отразил их в своих произведениях. При этом он запечатлел весьма важный этап в становлении и развитии добрососедских и дружеских отношений между различными народами, населявшими обширный край.

Наконец, имеет познавательную ценность и тот факт, что сын одного из героев «Семейной хроники» крепостного Михайлушки Ларион ценой неимоверных усилий выбился в люди и был возведен даже в дворянское достоинство. А внук Михайлушки **Михаил Ларионович Михайлов** (1828—1865) известен как революционер-шестидесятник, ближайший сподвижник Чернышевского и Герцена, как крупный поэт некрасовской школы, замечательный критик, переводчик и журналист. Его творческая биография небезынтересна и в свете рассматриваемой проблемы. М. Л. Михайлов немало прочувствованных строк посвятил казахам, с которыми его роднила общая кровь. Отец писателя, горный чиновник, был женат на дочери генерал-лейтенанта русской армии Василия Егоровича Уракова — мелкого казахского князя, выходца, по мнению М. О. Ауэзова, из рода легендарного батыра Орака (Урака)²⁷, жившего в XV веке. Ольга Васильевна, будущая мать Михаила Ларионовича, получила родовое имение — село Яхонтово с 500 десятинами земли и 26 крепостными крестьянами²⁸.

Родился М. Л. Михайлов в Оренбурге. И хотя, по официальным документам, он происходил из дворян, однако «в жилах его текла кровь простого человека, крестьянина». Дед писателя Михаил Максимович, как уже упомянуто, был крепостным в семье Аксаковых.

В «Семейной хронике» этому человеку уделено немало внимания. Молодой писец Михаил Максимович, «необыкновенно умный и ловкий», служил у двоюродной сестры дедушки автора «Хроники» Надежды (в романе Прасковьи) Ивановны и оказал важную услугу семье Аксаковых (в романе — Багровых).

Муж Надежды Ивановны некий Куроедов (в «Хронике» — Куролесов) отличался жестокостью, истязал молодую жену, вел разгульную жизнь, пил, буйствовал. Наконец, он был отравлен двумя крестьянами «из числа самых приближенных к барину». Скоропостижная смерть Куролесова, конечно, «повела бы за собой уголовное следствие», но все было улажено благодаря вмешательству Михаила Максимовича. После этих событий Михаил Максимович, широко известный в Симбирской и Оренбургской губерниях под именем Михайлушки, стал поверенным и главным управителем всех имений вдовы Куролесова. С. Т. Аксаков писал: «Этот замечательно умный и деловой человек нажил себе большие деньги, долго держался скромного образа жизни, но отпущенный на волю после кончины Прасковьи Ивановны, потеряв любимую жену, спился и умер в бедности. Кто-то из его детей, как мне помнится, вышел в чиновники и, наконец, в дворяне». Но, вопреки мнению автора «Хроники», Н. В. Шелгунов, близкий друг поэта-революционера М. Л. Михайлова, в своих «Воспоминаниях» приводит более достоверную версию, дополняющую сведения Аксакова о Михаиле Максимовиче: «Замечательно умный и деловой человек, известный всем и каждому в двух губерниях, был дед Михаила Ларионовича Михайлова; но он умер не потому, что спился на воле, а вот почему. После смерти Прасковьи Ивановны Михайлушка был отпущен на волю, но вольная была сделана не по форме. Этим воспользовались наследники, и всех уволенных Прасковьей Ивановной, в том числе и Михайлушку, опять закрепили. Дед Михаила Михайлова протестовал, за что его заключили в острог, судили и высекли как бунтовщика. Вот отчего он умер; очень может быть, что он и запил, но уж, конечно, не оттого, как объясняет Аксаков... что Михайлушка «держался скромного образа жизни», пока был крепостным, и разбаловался на свободе²⁹.

Трагическая судьба деда произвела глубокое впечатление на М. Л. Михайлова. В 1861 г. на следствии он

говорил: «Дед мой был тоже жертвою несправедливости: он умер, не вынеся позора от назначенного ему незаслуженного телесного наказания. Такие воспоминания не истребляются из сердца»⁶⁰.

Действительно, Михайлов не только бережно хранил в душе образ деда, но и запечатлел его в своем творчестве. По-видимому, судьба этого талантливое самородка, жестоко обманутого хозяевами, послужила основой повести «Былое» (1858), в которой крепостной крестьянин попытался выкупиться на волю, но был подвергнут грубым издевательствам и обману со стороны крепостников-хозяев.

Дети Михаила Максимовича, в том числе и Лармон Михайлович, действительно, вышли «в люди». Последний из мелкого чиновника превратился в барина. Лармон Михайлович занимал крупный пост управляющего Илецкой Соляной Защитой и имел чин надворного советника.

Михаил Михайлов получил первоначальное образование дома. Впоследствии, когда в 1841 г. скончалась мать, а в 1845-м умер отец, осиротевших детей опекают Ураковы, устранивая их в уфимскую гимназию. Михаилу очень легко давались иностранные языки, и поэтому уже в школьные годы он переводит стихи Г. Гейне и отсылает их в столичные журналы.

В 1846 г. юноша Михайлов поступил вольнослушателем в Петербургский университет, где его внимание привлек студент в поношенном форменном сюртуке. Думая, что студент остался на второй год, Михайлов спросил его об этом. Тот ответил просто: «Я старенький (сюртук.— К. К.) купил». Этим студентом был Чернышевский. Так было положено начало их знакомству и последующему сближению. Окончить университет Михайлову не удалось из-за материальных трудностей, и в 1848 г. он уехал в Нижний Новгород на службу.

С 1851 г. началась его литературная деятельность, а еще спустя год он возвратился в столицу, где вскоре стал общаться с крупнейшими писателями того периода (И. С. Тургеневым и др.). Во время поездки за границу М. Л. Михайлов знакомится с Герценом и Огаревым и становится на позиции революционных демократов. В ответ на реформу 1861 г. он вместе с Шелгуновым написал прокламацию «Молодому поколению». Отпечатанная в лондонской типографии Герцена, она была

перевезена Михайловым в столицу. Здесь 14 сентября 1861 г. его арестовали.

М. Л. Михайлов выступил соавтором не только прокламации «Молодому поколению», но и прокламации «Русским солдатам» (1861). В последней приветствовалось начавшееся волнение в Польше.

В. И. Ленин, характеризуя общественную обстановку в России периода деятельности М. Л. Михайлова, писал в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма» (1901): «...мы припомним еще прокламацию «Молодой России», многочисленные аресты и драконовские наказания «политических» преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся беззаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского...»³¹. В. И. Ленин относил Михайлова к числу «сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации»³², которых жестоко истреблял царизм.

О деятельности М. Л. Михайлова высоко отзывались Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Герцен, Огарев и др. Дружба с этими выдающимися представителями русского революционно-демократического движения оказала решающее влияние на формирование его мировоззрения. Михайлов принадлежал к когорте революционеров, мысли и чувства которых были направлены на поиски путей освобождения угнетенных народов России.

Царизм в 60-е годы пытается загнать передовую мысль за тюремные решетки. И Михайлов, как один из носителей этой мысли в России, попадает в Петропавловскую крепость. В одно время с ним в каземате Невской куртины Петропавловской крепости находился и студент университета Евгений Петрович Михаэлис, брат Л. П. Шелгуновой, впоследствии сосланный в казахские степи, где он стал близким другом Абая Кунанбаева.

14 декабря 1861 г. над Михайловым была совершена гражданская казнь. Затем его отправили на каторгу в Нерчинск, где он и умер в 1865 г.

Редактор первого полного собрания сочинений М. Л. Михайлова (1912) П. В. Быков с сожалением отмечал, что после смерти сосланного писателя «о нем совсем забыли, как будто это был заурядный писатель, ничем не проявивший себя». С течением времени многие стали смешивать его с другим Михайловым, псевдонимом, под которым писал А. К. Шеллер. О М. Л. Михайлове если и вспоминали, то лишь как о политическом деятеле, а не

как о литераторе. Только в наше время писатель-демократ занял достойное место в плеяде видных русских художников слова 50—60-х годов XIX в.

В русской поэзии М. Л. Михайлов выступает как продолжатель традиций политической лирики А. С. Пушкина («В Сибирь») и М. Ю. Лермонтова («На смерть поэта»). Отсюда вполне естественно и закономерно его обращение к теме декабристов («Пятеро»). Тема эта, как известно, привлекала внимание Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, Н. П. Огарева. В. С. Курочкина и др.

М. Л. Михайлов известен не только как крупный поэт и прозаик, но и как талантливый переводчик. Современники (Шелгунов и др.) утверждали, что только благодаря его блестящим переводам русские читатели впервые познакомились со многими творениями поэтов Запада и Востока. Популярностью пользовались многообразные критические и публицистические статьи Михайлова, в которых он продолжал и развивал идеи великих русских критиков В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

Следует заметить, что своеобразная, яркая личность М. Л. Михайлова вызывала живейший интерес и противоречивую оценку у его современников. Так, черты казаха (по материнской линии) нашли отражение во внешности писателя. Одна из близких его друзей, Л. П. Шелгунова, писала, что Михайлов не был красив, его маленькие, узко «разрезанные глаза и бледносмуглый цвет лица имели что-то восточно-степное, оренбургское... И это-то некрасивое лицо светилось внутренней красотой, лучилось успокаивающей кротостью и мягкостью, чем-то таким симпатичным и женственно-привлекательным, что Михайлова нельзя было не любить»³³.

В воспоминаниях А. Панаевой отмечено, что Михайлов вошел в кружок литераторов «Современника» в 50-х годах. Однако портрет писателя дан мемуаристкой в негативном плане.

Именно в эти годы некоторые видные русские литераторы принимают участие в деятельности журналов «Военный сборник» и «Морской сборник». Так, Чернышевский — член редакции первого журнала, а Гончаров и Григорович — сотрудники второго участвовали по приглашению морского министерства в путешествии к берегам Японии (фрегат «Паллада») и по Средиземному морю (корабль «Ретвизан»). В 1856 г. в различные районы Вол-

и были направлены Островский и Писемский. В числе других писателей был приглашен и Михайлов, командированный в 1856 г. на Урал и в Оренбургский край.

В конце 1855 г. Михайлов прибыл в Оренбург, имея письмо от морского министерства на имя Перовского. В нем содержалась просьба к генерал-губернатору оказать содействие писателю в изучении быта населения края. Перовский обещал помочь, но в действительности помощь его была незначительной. Морское министерство со своей стороны недостаточно аккуратно высылало необходимые для расходов деньги, и писатель во время разъездов по территории края расходовал собственные средства. Наконец, он был «принужден приостановиться и сидеть на месте». Это вынужденное сидение Михайлов использовал для приведения в порядок собранных им материалов по этнографии и статистике края, среди которых были и памятники народной поэзии казахов и башкир. Изучение в это время татарского языка облегчило ему знакомство с образцами фольклора. Как отмечал писатель в письме к Шелгунову, «нет такой реки, нет такой горы, про которую не существовало бы легенды или песни». Кроме текстов он записал даже несколько мелодий с помощью брата — И. Л. Михайлова.

С февраля 1856 по май 1857 гг. Михайлов изъездил многие казахские районы Оренбургского края. Его заинтересовали крупные волнения среди казахов за Уралом и во Внутренней орде. О масштабах их выступлений летом 1855 г. позволяют судить сведения о численности восставших: более десяти тысяч человек. Восстание было подавлено военной силой. Однако и в 1856 г. волнения среди казахов повторились.

Совершенно прав П. Фатеев (1951), который подчеркивал, что «особенно важную роль в завершении формирования мировоззрения Михайлова сыграла поездка его по Оренбургскому краю». Почти двухлетнее пребывание в крае позволило писателю вплотную познакомиться с тяжелой жизнью не только русских крепостных крестьян, но и угнетенных слоев казахского и башкирского народов. Он с удовлетворением отмечал, что народы края не примирились с политикой царизма, что здесь еще жива память о вождях крестьянских войн и национально-освободительных движений.

Писатель и востоковед П. И. Пашино писал, что Михайлов из оренбургской экспедиции привез «очень

много материалов на татарском языке, касающихся башкирских бунтов»³⁴. Да и сам Михайлов, довольный результатами поездки, сообщал, что она принесла ему «много пользы: и опыт, и встречи с людьми, и ближайшее изучение Руси», чего ему «не доставало»³⁵. Из Уральска он собирался посетить Гурьев, а оттуда на пароходе — Мангышлак.

В письме к Шелгунову из Уральска от 25 февраля 1857 г. Михайлов писал: «В настоящую минуту у меня три желания: во-первых, обнять тебя поскорее; во-вторых, быть таким же хорошим человеком, как ты, чтобы тебе не совестило было обнимать меня; в-третьих, быть богатым, чтобы впредь не брать никаких поручений от морского министерства, и если странствовать, то странствовать по своей воле... В статьях моих об Оренбургском крае будет, надеюсь, кое-что новое».

Собрав обширный и ценный фактический материал, Михайлов не успел все обработать и спустя два года поместил в «Морском сборнике» лишь «Уральские очерки (из путевых заметок 1856—1857 гг.)». В них содержалось описание Уральска. М. Л. Михайлов рассчитывал издать два больших труда: «Очерки Башкирин» и «От Уральска до г. Гурьева». К сожалению, эти замыслы остались не осуществленными. И здесь не вина писателя. Не только отдельные статьи и очерки, но и почти весь его оренбургский материал погиб в III отделении³⁶.

М. Л. Михайлов и сам предвидел печальную судьбу своих трудов. Так, из Уральска он писал, что «везде стараюсь, по мере возможности, говорить откровенно, без прикрас о положении края». Именно поэтому писатель считал, что «половина» его трудов «застрянет в цензуре». Его возмущала политика царизма, жестоко угнетавшего «инородцев». Не случайно в одном из революционных изданий обращалось внимание на то, что «нигде бессистемность, беспутство русской азиатской политики не сказались так резко, как в Оренбурге»³⁷.

1858—1861 гг. были наиболее активными в творческой биографии М. Л. Михайлова. В многочисленных журналах, в первую очередь в «Современнике», он печатает свои произведения. Даже в детском журнале «Подснежник» выходят его сказки «Три зятя», «Кот и пастух», «Бүлат-молодец». Последняя была написана, как подметила редакция, не без влияния степных просторов на автора, о чем свидетельствует и имя героя.

Казахской теме Михайлов посвятил несколько своих публикаций³⁸. Писателя-демократа привлекали не только произведения устного творчества казахов, но его остро интересовали жизнь и быт народа. Обращая особое внимание на «нравственное и умственное образование» казахов, М. Михайлов в очерке «Киргизы» («Казахи» — К. К.) отмечал, что они «с самой колыбели» предоставлены самим себе и «влиянию окружающей... обстановки»³⁹. Казахи, по мнению автора, отличались от других азиатских народов «большой прямою действий и отсутствием вероломства...» Среди кочевников было «мало грамотных людей, «знающих читать и писать, а ученых, то есть знакомых с арабским и персидским языками и восточными древностями, совсем нет», — писал Михайлов. У казахов «домашнее обучение поручалось муллам, которые «сами, не имея необходимых сведений, учат без всякой системы». В результате «зачастую ученики одного муллы не могут прочесть написанное учениками другого муллы».

Царское правительство «...для первоначального образования» казахов учредило школы в Оренбурге, Троицке, Омске, а также в некоторых других городах, степных укреплениях и сырдарьинских фортах. Число учеников в них было от 20 до 30 в год. В школе, учрежденной при Пограничной комиссии, преподавали русский и татарский языки, арифметику, магометанский закон, православный катехизис, священную историю, геометрию, географию, всеобщую историю, черчение и рисование. Однако «прочие школы» имели целью лишь обучение грамоте. Таким образом, просвещение казахского населения в школе находилось, по выражению М. Л. Михайлова, «еще в младенчестве».

Царское правительство было заинтересовано в укреплении своей опоры среди верхушки казахского населения. Поэтому для детей султанов и «почтеннейших» казахов были «учреждены особые вакансии в Оренбургском неплюевском и Сибирском кадетском корпусах, где они оканчивают курс наравне с прочими воспитанниками и выходят в офицеры». Однако Михайлов признавал, что эти учебные заведения «не приносят существенной пользы» казахскому народу. Он рекомендовал «выбирать наиболее способных» казахских мальчиков из «элементарных школ» и помещать их в ближайшие гимназии, чтобы оттуда они могли поступать в университеты.

Автор полагал, что «такие люди, возвращаясь в свою среду, вносили бы в нее с собой элементы современной цивилизации и, занимая общественные должности, искоренили бы мало-помалу то невежество, которое еще так сильно развито в народе».

М. Л. Михайлов писал, что «конечно, еще далеко то время», когда казахи «выйдут на истинный путь просвещения». Он считал, что «с размножением семей в степи весьма естественно размножатся и казахские школы». Сами же казахи обучению своих детей «не противятся». Писатель заметил также, что казахи «прилинейные» и кочующие близ русских фортов «кажутся» более развитыми, чем те, которые блуждают внутри степи.

В очерке «Киргизы» («Казахи». — К. К.) автором рассмотрен большой круг вопросов: деление казахов на роды, их вероисповедание, нравы, обычаи, домашний быт, промыслы, нравственное и умственное образование и пр. Так как многие из этих вопросов освещены Михайловым недостаточно, мы рассмотрим лишь отдельные положения очерка. Автор отмечал, что во всех обрядах казахов «религиозный элемент проявлялся слабо». В православие казахи переходят неохотно, и если иные принимают крещение, «то более для того, чтобы избежать наказания по какому-нибудь уголовному делу и по другим случаям».

Характеризуя домашний быт казахов, Михайлов подчеркивает, что он «незавиден по обстановке». Имущество казахи хранят в сундуках русского изделия. Пища и питье у кочевников не отличаются разнообразием. Скотоводство составляет главное их занятие. Многие из казахов занимались соляным промыслом, а также «промышляли» извозом, то есть перевозили на верблюдах и волах тяжести и товары. Беднейшие же нанимались на полевые и другие работы. Земледелием «прежде» занимались исключительно бедняки, имевшие мало скота. Ныне, пишет автор, за обработку земли взялись и богатые казахи, которые, отправляя свои стада на кочевки, «начинают возделывать поля, огороды и бахчи». Таковы некоторые положения, наиболее обстоятельно рассмотренные Михайловым в очерке о казахах.

Следует заметить, что в исследованиях П. Фатеева (1951), А. Кушакова (1953)⁴⁰, М. Дикмана, Ю. Левина (1958)⁴¹, а также издателя первого Полного собрания сочинений М. Л. Михайлова в дореволюционное время

И. В. Быкова (1912) и других не обращено должного внимания на разработку темы казахского народа в творчестве замечательного писателя-революционера. Между тем М. Л. Михайлов, будучи сознательным и непреклонным врагом тирании и эксплуатации, с большим сочувствием относился к тяжелой судьбе других народов России. В этом сказался гуманизм передовой русской литературы 60-х годов, ярким представителем которой был М. Л. Михайлов.

Как уже отмечалось, писатель-демократ проявлял исключительный интерес к декабристам и петрашевцам. Не случайно, что во время литературно-этнографической экспедиции 1856—1857 гг. он посетил в Оренбурге сосланного по делу петрашевцев поэта А. Н. Плещеева, который служил в линейном батальоне рядовым (1851—1858 гг.). Так же, как и М. Ю. Лермонтов, поэт Плещеев был направлен на театр военных действий. Он участвовал в штурме Ак-Мечети, за что его произвели в прапорщики⁴². Такова была судьба одного из многих талантливых сынов России, обреченных царизмом на смерть под случайные пули.

А. Н. Плещеев за время пребывания в крае написал несколько поэтических произведений, а также повесть «Нашинцев», в которой воссозданы особенности жизни и быта оренбуржцев. М. Л. Михайлов внимательно следил за его творчеством, с радостью отмечая, что поэт после тяжелой ссылки сохранил верность идеалам служения народу. В статье, посвященной новому изданию стихотворений А. Н. Плещеева в 1861 г., Михайлов заметил, что стихи поэта впервые появились в печати лет 15—16 тому назад⁴³. Именно тогда была издана небольшая книжка стихов поэта, и «лучшие журналы» с «презрением отозвались» о ней. «Серьезным рецензентам»,—иронизировал Михайлов,—не понравилось, что Плещеев говорит «о любви к человечеству, о его страданиях и будущих идеалах, о светлых надеждах». Михайлов далее писал: «Дико вспомнить теперь об этом. Неужто благородные чувства, благородные мысли, которыми веяло от каждой страницы небольшой книжки Плещеева, были таким ежедневным явлением в тогдашней русской поэзии, чтобы можно было с пренебрежением отвернуться от них?»⁴⁴.

Знаменательно, что эпиграфом к первой книжке стихов Плещеев взял следующие слова: «Земля иссушена

и уныла, но она вновь позеленеет. Дыхание эта не вечно будет проходить по ней, как дух пополающий».

М. Л. Михайлов, отмечая общий характер идеи, содержащейся в этом эпиграфе, подчеркнул, что «поэты с таким благородным и чистым направлением, как направление г. Плещеева, всегда будут полезными для общественного воспитания и найдут путь к молодым сердцам»⁴⁵. В новом издании стихотворений Плещеева критик особенно выделил «прекрасный гимн» «Вперед»:

Вперед! Без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!
Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет...

Для М. Л. Михайлова, поэта некрасовской школы и соратника Н. Г. Чернышевского, очень важно, что Плещеев сохранил даже после царской ссылки верность идеалам свободы и жажду возрождения, что в лучших своих произведениях он по-прежнему призывал к честному служению обществу, родине.

В заключение следует подчеркнуть, что М. Л. Михайлов был одним из выдающихся деятелей революционеров-шестидесятников, демократические взгляды которых на необходимость проведения широких мер по просвещению и цивилизации народов окраин России получили дальнейшее развитие в творчестве передовых писателей последующих десятилетий XIX в.

Именно в 70—90-годы значительного расцвета достигает прогрессивное, демократическое направление русской литературы. Реалистические традиции А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского в эти десятилетия достигают своих вершин в критическом реализме Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова. Именно на этот период приходится расцвет литературной деятельности Н. С. Лескова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, посвятивших ряд произведений и казахской тематике. Наконец, в 70—80-х годах вошли в литературу А. П. Чехов, В. М. Гаршин и др.

Крупнейшие писатели-реалисты подвергают беспощадной критике крепостнические пережитки, самодержав-

ние, буржуазные порядки. Вместе с тем они утверждают народность литературы как один из главных признаков художественности произведения. Это понятие, как известно, предполагает прежде всего глубину и правдивость освещения жизненно важных для народа вопросов и требует от писателя простоты, ясности и выразительности языка произведения, его доступности широким народным массам. Эти качества были присущи демократической и гуманистической литературе прошлого века, они благотворно воздействовали и на ее межнациональные связи, в частности, русско-казахские.

Великолепным знатоком народной жизни был замечательный русский писатель **Николай Семенович Лесков** (1831—1895), в чьем творчестве нашли любопытное отражение и казахские мотивы. В своем «Очарованном страннике» писатель сумел передать то неуловимое, что называется «душою народа».

Литературная деятельность Лескова началась с 60-х годов. В эти годы писатель создает ряд крупных художественных произведений — рассказ «Овцебык» (1862), повести «Житие одной бабы» (1863) и «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), в которых поднимает социальные проблемы времени. Вместе с тем из-под пера писателя выходят и антидемократические романы («Некуда», 1864 г. и др.). В последующие 70-е годы Лесков создает роман «Соборяне» (1872), повести «Запечатленный ангел», «Очарованный странник» (1873) и др. В этих своих творениях Лесков выступает блестящим беллетристом.

В повести «Очарованный странник»⁴⁶ главным героем выведен беглый крепостной Флягин, человек бурной судьбы, простодушный, «добрый русский богатырь», напоминающий дедушку Илью Муромца в прекрасной картине Васнецова». Дороги скитания привели его однажды в казахские степи. Сам автор также изъездил всю Россию: от Северной Карелии до солончаков Прикаспия. Бывал он и в казахских степях Оренбуржья, видел собственными глазами серебряное море ковыля. Эти впечатления позволили писателю создать романтическую обстановку пребывания Флягина в плену у кочевников.

По-былинному могучий Иван Северьянович Флягин родился в крепостном звании и происходил из дворянских людей, был сыном графского кучера. Его образ олицетворяет талантливость, духовную и физическую силу

русского народа. Первое упоминание о казахах связано с тем, что отец Флягина правил казахским «шестериком». А когда подросток Иван Северьянович, то его «в этот же шестерик форейтором посадили».

Знаток и укротитель бешеных коней, Флягин с похвалой отзывался о казахских конях, говоря, что эти «лошади были жестокие... были просто зверь, аспид и василиск,— все вместе: морды эти одни чего стоили, или оскал, либо ножищи, или гривы... ну, то есть, просто сказать ужас! Устали они никогда не знали»⁴⁷.

В казахских степях Флягин видит конские косяки и «при них же тут и татары в кибитках». Следует оговориться, что речь идет о казахах, а не о татарах, хотя Флягин и казахского хана Джангара (Джангира.— К. К.) считает важным татарин⁴⁸.

Любопытны первые впечатления Флягина о казахской степи и ее обитателях. Очарованному страннику все кибитки показались одинаковыми, но одна из них была «пестрая-препестрая», а вокруг нее много разных господ находилось, которые ездовых коней пробовали... Посреди толпы штатских, военных, помещиков «на пестрой кошме» сидел «тонкий, как жердь, длинный степенный татарин (казах.— К. К.) в штучном халате и в золотой тюбетейке». На вопрос Флягина, «что это такой за важный татарин?», его собеседник ответил: «Это хан Джангар... Хан Джангар — первый степной коневод, его табуны ходят от самой Волги до самого Урала во все Рынь-пески, и сам он, этот хан Джангар, в степи все равно что царь» (гл. 5, 209).

На вопрос Флягина: «Разве... эта степь не под нами?», собеседник отвечает: «Нет, она... под нами, но только нам ее никак достать нельзя, потому что там до самого Каспия либо солончаки, либо одна трава да птицы по поднебесью выются, и чиновнику там совсем взять нечего, вот по этой причине... хан Джангар там царюет, и у него там, в Рынь-песках, говорят, есть свои шихи, и ших-зады и мало-зады и мамы, и азии, и дербыши, и уланы, и он их всех, как ему надо, наказывает, а они тому рады повиноваться» (гл. 5, 209).

В этих словах много верного и справедливого. Действительно, царские чиновники не забирались в глубь степи, где почти полновластно хозяйничал хан. Он, по мнению очарованного странника, понимал толк в лошадях («в коне все нутро соглядает»). Лесков красочно повест-

ивует об азартной торговле, развернувшейся вокруг дивной кобылицы, которую выставил Джангир для продажи. Очарованный странник сам готов был отдать за нее не только душу, но и «отца и мать родную».

Необычный характер торга автор передает эпическим тоном. В разгар торга «из-за Суры, от Селиксы, гонит на вороном коне борзый всадник». А «всадник — татарище плакий огромный и пузатый, морда загорела и вся облупилась, словно кожа с нее сорвана, а глаза малые, точно щелки, и орет сразу: «Сто монетов больше всех даю!» (гл. 5, 210). А владелец дивной кобылицы «сухой хан Джангар сидит да губы цмокает».

В этот напряженный момент «от Суры с другой стороны еще всадник татарище гонит на гривастом коне, на игренем, и этот опять весь худой, желтый, в чем кости держатся, а еще озорнее того, что первый приехал» (гл. 5, 210). Оказалось, что хан Джангир почти каждую ярмарку устраивал подобный ажиотаж («такую штуку подводит»): в начале он распродал косяки обыкновенных коней, а «потом в последний день... как из-за пазухи выймет такого коня или двух», что любители коней не знают, что делать. А хитрый хан «глядит на это, да тешится и еще деньги за то получает».

Герой повести стал очевидцем очень азартной торговли кобылицы между двумя азиатами-богачами Бакшей Отучевым и Чепкуном Емгурчевым. Последний даже предложил хану прислать свою дочь в приданое за кобылицу... Вот тут-то вмешалась толпа, уговаривая торговцев не доводить себя до разорения. Именно в эту острую минуту азиаты показали герою людьми рассудительными и степенными. Они порешили, «зачем напрасно именоваться терять». «Хану Джангару дадут, сколько он просит, а кому коня взять — с общего согласия наперепор пустят» (гл. 5, 211).

«Наперепор» — оказался своеобразной дуэлью: противники сядились друг к другу лицом, упирались пятками ног, держались за левые руки, а в правой сжимали плетли, которыми поролли друг друга. И сухошавый Чепкун вышел победителем из этого жестокого поединка. Хотя кровь у него струилась по спине, по он и вида не подал: поехал на отвоеванной кобылице.

Но хан Джангир приготовил еще сюрприз: на ярмарке появился «караковый жеребенок, какого и описать нельзя» (гл. 6, 214). Автор сравнивает его с птицей, но

«Он даже не летел, а только земли за ним сзади прибавлялось». И этот конь «только на одну минуту» стал собственностью Флягина, который сел тягаться «на мировую» с Савакиреем, тоже претендовавшим на коня. Савакирей «во всех Рынь-песках» первым батыром считался и «через эту амбицию ни за что не хотел» уступать Флягину. Последний запорол Савакирея до смерти. Присутствовавшие тут же русские чиновники и офицеры обвинили Флягина в убийстве и намеревались вести его в полицию. Тогда Флягин обратился к степнякам: «Спасайте, князья; сами видели, все это было на честном бою» (гл. 6, 216). И героя кочевники скрыли, дав ему убежище и кров: он бежал с ними в степь, «в самые Рынь-пески», где пробыл десять лет, а потом и оттуда бежал. В этом эпизоде автор показывает естественную справедливость кочевников, противопоставляя ее «правосудию» чиновников. Но Флягину в степи было скучно, однако раньше уйти, чем через 10 лет, нельзя было, хотя его и не держали в яме и не караулили постоянно. Очарованный странник о казахах говорил: «Они добрые, они этого неблагородства со мной не допускали, чтобы в яму сажать или в колодки, а просто говорят: «Ты нам, Иван, будь приятель; мы,—говорят,—тебя очень любим, и ты с нами в степи живи и полезным человеком будь,—коней нам лечи и бабам помогай» (гл. 6, 216).

И пленник у кочевников стал лекарем. Но Флягин стремился вернуться на родину с первого дня пребывания в степи. Однако он был лишен этой возможности, так как был «подщетилен»: однажды когда пленник попытался бежать, кочевники собрались и навалились на него, а один из них «на подошвах шкуру подрезал да рубленой коневьей гривы туда засыпал и опять с этой подсыпкой шкурку завернул и стрункой зашил» (гл. 6, 217). После этой операции Флягин не мог нормально ходить, а о побеге и нечего было думать. Затем его женили. Дали двух жеп. Когда Флягин попал в кочевья Агашимолы, ему «еще две дали». Так Флягин стал многоженцем.

И хотя к Флягину все относились хорошо и у него была большая семья, много детей, тем не менее он «тосковал: очень домой в Россию хотелось» (гл. 7, 221). Прошло много лет, но тоска не давала покоя.

Надеялся Флягин, что ему помогут православные миссионеры, которые однажды прибыли в аул Агашимо-

лы. Но миссионеры, показав реестр, где было записано, сколько человек они «присоединили» к христианской вере, отбыли восвояси, порекомендовав Флягину как раба божьему повиноваться и не роптать. Этот эпизод не в лучшем свете показывает представителей христианской религии.

Освобождение к Флягину пришло неожиданно. Он воспользовался суматохой, возникшей в ауле в результате действий конокрадов-хивинцев. Пленный ушел и вскоре добрался до Астрахани. Так закончилась очередная одиссея очарованного странника.

Несмотря на то, что в степях Флягин находился в неволе, он с большой теплотой отзывался о кочевниках, уважая их за справедливость, простоту нравов, добросердечие. В повести много бытовых зарисовок из жизни казахов. Флягин, например, рассказывал: «У меня, спасибо, одна жена умела еще коневые ребра коптить: возьмет как есть коневье ребро, с мясом с обеих сторон, да в большую кишку всунет и над очагом коптит». Здесь верно передана «технология» изготовления национального изделия казахов — «казы».

Великолепны в повести картины степного пейзажа. Тоскуя по родине, Флягин обращал свои взоры на окружающие его просторы. Пленник видел: «травы буйство, ковыль белый, пушистый, как серебряное море, волнуется и по ветерку запах несет; овцой пахнет, а солнце обливает, жжет, и степи, словно жизни тягостной, нигде конца не предвидится, и тут глубине тоски дна нет» (221). Безвыходность положения, безысходность тоски усугублялась этой бескрайностью, безграничностью.

Если ковыльная степь предоставляла пленнику кое-какие радости, то еще тягостнее ему было в солончаках «над самым над Каспием». Там «солнце рдеет, и солончак блестит, и море блестит». Флягин говорил, что там, в солончаках, «все одно блящанье» (гл. 7, 221). С усилением тоски главного героя по родине меняется и характер пейзажа: степь приобретает «знойный вид, жестокий; простор — краю нет» (гл. 7, 221).

Язык повести, особенно в той ее части, где герой рассказывает о своем десятилетнем пребывании в казахских степях, неповторимо красочен и привлекает внимание интонационными нюансами («шихи, и ших-зады, и мало-зады, и мамы, и азии, и дербыши, и уланы...»), в передаче которых очарованный странник допускает мно-

го фантазии и искажений (вместо: «дервиши»—«дербыши» и т. д.).

В разделах «Очарованного странника», посвященных казахским степям, Лесков воспел романтику жизни степных богатырей, готовых ради прекрасного коня жертвовать не только богатством, но даже жизнью. Показав бескрайние просторы степей, писатель говорит, что ее обитатели простодушны, добры и доверчивы, как дети. Но особняком стоит в повести образ хитрого и алчного хана Джангира, которому доставляло огромное наслаждение видеть людские страдания.

Талантливый художник-реалист, Н. С. Лесков, по словам Горького, «знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине... Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооруженный не книжным, а подлинным знанием народной жизни»⁴⁹. Тяга писателя к странствованиям по родной земле, его неподдельная любознательность позволили ему глубоко ознакомиться с жизнью многих народов России, в том числе и казахского. Н. С. Лесков никогда не оставался безучастным, сторонним наблюдателем: он мастерски улавливал актуальные проблемы народной жизни. В этом ценность и «Очарованного странника», где реалистически изображены быт и нравы казахов, воссозданы живые образы кочевников. По мнению Горького, «как художник слова Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров»⁵⁰.

В аспекте исследуемой проблемы нам представляется интересным отметить, что некоторые стороны жизни казахов, в частности, их устное поэтическое творчество не остались без внимания и такого крупного русского писателя, как **Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк** (1852—1912).

Его «особенно интересовало и волновало... положение... народностей», населяющих окраины России. Еще в своих ранних очерках «От Урала до Москвы» («Русские ведомости», 1881—1882 гг.) писатель глубоко возмущался «преступной политикой царизма, обрекавшего многие народы на истребление»⁵¹, и считал, что «вопрос о судьбах населяющих Сибирь инородцев представляет капитальную важность»⁵².

Творчество Мамин-Сибиряка получило высокую

оценку В. И. Ленина. «В произведениях этого писателя,— отмечал Владимир Ильич,— рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России»⁵³.

Путешествуя по Уралу, Мамин-Сибиряк занимался сбором сказок, легенд, поверий, песен и других произведений устного творчества местных народов. Наряду с этим его интересовали вопросы этнографии и «вообще бытовой обстановки... обширного и разнообразного края»⁵⁴.

Восхищаясь героями произведений Мамин-Сибиряка, А. П. Чехов писал: «Когда, читая его книги, попадаешь в общество этих крепышей—сильных, ценных, устойчивых черноземных людей—то как-то весело становится. В Сибири я встречал таких, но, чтобы избраться им, надо, должно быть, родиться и вырасти среди них. Тоже и язык. У нас народничают, да все больше понаслышке. Слова или выдуманные, или чужие. Я знаю одного писателя-народника, так он, когда пишет, усердно роется у Даля и в Островском и набирает оттуда подходящих «народных» слов. А у Маминна слова настоящие, да он и сам ими говорит и других не знает»⁵⁵.

Казахской тематике Д. Н. Мамин-Сибиряк посвятил несколько произведений. Это так называемые «киргизские» легенды—«Баймаган», «Слезы царицы» (1891), «Лебедь Хантыгая» (1891), «Майя» (1892), в которых писатель, по его же словам, использовал заимствованные им «язык, восточные обороты речи и характерные особенности в конструкции самой темы. Затем из истории взята... основа легенды о Квчуме...»⁵⁶. Помимо легенд, сюда примыкают очерк «На кумысе» (1891), повесть «Охонины брови» (1892), рассказы «Исповедь» (1894), «Ак-Бозат» (1895).

Баймаган—главный герой одноименной «легенды», бедный пастух, влюбленный в Гольдзейн, дочь богача Хайбибулы, который, намереваясь жениться на «молодой», запрашивает за дочь огромный калым: сто лошадей и пятьсот рублей. Баймаган «часто видел во сне... проклятых сто лошадей», а «деньги даже искал у себя под

изголовьем». Но не сбылись мечты пастуха. Он не пошел по пути Хайбибулы, который воровал лошадей, сбывал краденый скот и тем разбогател, а вынужден был жениться на Макен, дочери бедняка.

«Баймаган» нельзя безоговорочно отнести к жанру легенды. Скорее, это рассказ, сюжет которого почерпнут из жизни казахского народа. Да и конец его противоречит типичной концовке легенды: бедный пастух женится на дочери бедного пастуха, что вполне реально, а богатая Гольдзейн остается по-прежнему любимой героем... в мечтах.

В этом произведении Мамин-Сибиряк использовал много казахских слов, терминов и имен; впервые введя их в русскую литературу, дал им развернутые пояснения. Так, слово «кош» (вернее — «кос». — К. К.) писатель объяснил следующим образом: «Кош — круглая киргизская палатка из войлока»; «баранчук (искаженное от «бала») — ребенок, дитя»; «салма — лапша из конины», «курпе — стеганое одеяло», «батыр — богатырь» и др.

В «легенде» отчетливо и выпукло изображены бедняки-пастухи Баймаган и Урмугуз. Первый — мечтатель, поэт-импровизатор, смелый и добрый человек. Но ни его ум, ни благородные мысли не имеют цены, поскольку даже Урмугуз убежден, что у бедняков не может быть никаких мыслей.

Контрастен доброму Баймагану богач Хайбибула, конокрад, старый, коварный и жестокий человек. Даже на родную дочь он смотрит лишь как на предмет продажи.

Менее четко обрисованы образы девушек — Гольдзейн и Макен, но ясно представляется старая Ужина, робкая, покорная, подчинившаяся своей нелегкой судьбе.

Правдивость и жизненность сюжета произведения бесспорна.

В очерке «На кумысе»⁵⁷ с большой теплотой нарисован портрет казахской девушки. У нее были большие темные глаза «с писаной бровью». Матово-смуглое, с слегка выдающимися скулами лицо «эффектно» оттенялось смолью черных волос. Одета она была в красное платье, поверх которого был накинут пестро-шелковый бешмет. Нашитые на одежде девушки серебряные монеты позванивали при ее движении. На обращение русских она «чуть-чуть улыбнулась».

Ее отец был толстый человек со скуластым лицом,

узкими глазами и жидкой бородой. Одет он был в длинный бешмет из черного ластика, на голове фиолетово-бархатная тюбетейка. Он «походил»... «на духовную особу» и на людей смотрел со «смесью простодушия и хитрости».

Подробно описывается юрта. Не только внешней формой, но и внутренним убранством («где все было устроено с таким удобством») понравился русскому писателю «кош» Баймагана, как Геродоту, завидовавшему «подвижным домам кочевавших скифов».

Как известно, Мамин-Сибиряк создал довольно большой цикл художественных произведений, посвященных детям. И в очерке «На кумысе» писатель дал небольшую сценку, связанную с казахским ребенком. Пока русские гости пили кумыс, «спавший маленький степняк проснулся и с детским кокетством улыбался из-под своего курпе; переливавшая кумыс мать любовно поглядывала на будущего батыра и тоже улыбалась».

У хозяина «коша» Баймагана «в обращении» с русскими «кумысниками», то есть с лицами, употреблявшими кумыс, было «что-то джентльменское». Писателю нравились его «простота» и «достоинство».

Мамин-Сибиряк характеризует общество кумысников (сравните — «водяное общество» у М. Ю. Лермонтова в «Герое нашего времени»). Среди них был учитель Егор Григорьевич, знавший казахский язык и ставший «прекрасным переводчиком» писателя в его общении с местным населением. Со знанием описана и процедура приема кумыса.

В очерке, как и в других произведениях Мамин-Сибиряка на казахскую тему, выражено сочувствие бедным казахам («бедные-разбедные киргизы»), которые нещадно эксплуатировались чиновниками царской администрации.

В легенде «Лебедь Хантыгая» (1891)⁵⁸ писатель обращается к сложному философскому вопросу о смысле жизни. Герой легенды престарелый хаким (учитель) Бай-Сугды, прозванный за свой поэтический дар «лебедем государства Хантыгай», покидает родину в поисках ответа на мучивший его вопрос. Он встречается с известными мудрецами, которые по-разному определяют смысл жизни. Наконец, в далекой стране «лебедь Хантыгая» встречает другого хакима, жившего в шалаше из пальмовых веток, который разъясняет, что «правда жизни —

в совести» и ее «смысл совсем не в том, что ты будешь есть или во что будешь одеваться. Голодный и голый человек не сделается справедливее оттого только, что он гол и голоден».

После этой встречи поэт Бай-Сугды возвращается на родину, чтобы петь своему народу, ибо «каждая слеза, осушенная... песнью, и каждая улыбка радости, вызванная ею — такое счастье, о котором не смеют мечтать и ханы»⁵⁹. Так писатель оценил значение песни в жизни народа.

Центральное место в легенде «Майя» (1892)⁶⁰ занимает страстная любовь хана Сарымбета к пленнице-красавице Майе, которую он пощадил в кровавой сече. Долго добивался он ее взаимности. Но память Майи о необычной жестокости хана, проявленной им в бою по отношению к старикам, женщинам и детям, оказалась сильнее ее ответного чувства. Счастье их было кратковременным, потому что, утверждает писатель, любовь и насилие несовместимы. Даже долгие годы отшельничества не искупили вины хана за содеянное.

В рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Исповедь» (1894 г.)⁶¹ повествуется о трагической гибели в степи во время бурана золотопромышленника Голохватова, его «жалкого приживальца» Легашова, по прозвищу Иван Дурак, и кучера-казаха Абдулка.

Голохватов, убедившись в безвыходности положения и понимая смертельную опасность, нависшую над ним, исповедует перед стариком Иваном Дураком. Он говорит: «Весь грешен... Места живого нет. Завидовал, кто сильнее был меня, обижал, кто слабее, и все мне было мало... Все хотел нахватать больше, а под старость покаяться... Сирот не жалел, отнял наследство у двух племянниц и их же теснил за свою неправду». Орудовал золотопромышленник в казахских степях Оренбургского края, где «обманывал в степи малоумных киргизишек, а они мерли от голоду и холоду» из-за его зверств. Таково признание этого матерого человека-волка.

А кучер-казак Абдулка, как кличет его хозяин, показан в рассказе покорным судьбе человеком. Он суверен до фанатизма. Сбившись с дороги во время бурана, он говорит сидящим в возке: «Большой шайтан играет». По велению Голохватова, пытавшегося выбраться из снежной метели, Абдулка идет впереди лошадей, которых под уздцы ведет хозяин. Окоченевшими руками кучер рас-

прягает измученных лошадей и садится около них на корточки. Затем забирается в возок, но беспрекословно покидает его по настоянию хозяев. Абдулка идет на верную смерть. Но разбушевавшаяся стихия не пощадила никого. Погибли люди, лошади и приставшая к ним маленькая собачка.

Значительный интерес представляет и другой рассказ Мамина-Сибиряка «Ак-Бозат» (1895)⁶², где реалистически показаны социальные условия жизни в казахской степи.

В 1895 г. в журнале «Русская мысль» (№ 11) рецензент писал: «Рассказ «Ак-Бозат» взят из киргизского (казахского.— К. К.) быта и представляет одновременно и этнографический очерк, и тонкий психологический анализ, настроение, которое испытывает страстный наездник при потере коня, которого он любит больше всего на свете,— и интереснейший по разнообразию приключений и сцен рассказ, который проникнут живым юмором и читается с одинаково жадным интересом от начала до конца»⁶³.

В центре рассказа образ степного богача молодого Бухарбая, растерявшего отцовское наследство и превратившегося в нищего («байгуша», как пишет Мамин-Сибиряк). По совету матери он уходит далеко от родных мест и нанимается пастухом к незнакомому казахскому баю. От бывшего богатства у Бухарбая остался жеребенок, которого еще отец назвал Ак-Бозатом (имя лошади писатель перевел как «Звезда»). Жеребенок был «рожден от кости Исек-Кыргана» («Вечерняя зарница» — так перевел автор) и должен был суметь своему хозяину доставить честь и славу. Хозяин имел дочь красавицу Мечит. Она, как и все казахские девушки, отмечает автор, была смелой и ходила без покрывала. Девушка-то и заметила, что Бухарбай не простой пастух. Но за три года суровой пастушеской жизни, когда бай «давал своим пастухам столько, сколько было нужно, чтобы не умереть с голоду»⁶⁴, резко изменилась его внешность: «заглубели руки... заветрело лицо». Поэтому дочь бая перестала обращать на него внимание.

Но случилось так, что Бухарбай со своим Ак-Бозатом — единственной его отрадой в трудные годы жизни — участвует в байге (скачках). Придя первым, нищий пастух получает право называться женихом Мечит. Но богач, изменив своему слову, требует большого выкупа

(калыма) за дочь. А когда слава Ак-Бозата распространилась по степи, то скупой бай согласился отдать дочь за пастуха, чтобы заполучить эту лошадь.

Когда Бухарбай после долгих раздумий решил отдать лошадь богачу взамен красавицы Мечит, в этот момент Ак-Бозата угощает вор. Погоня была безуспешной. И хотя Бухарбай все-таки женился на Мечит, это не принесло ему счастья. Он бросает семейный очаг, молодую жену и пускается на розыски Ак-Бозата. Вскоре в народе стал идти слух, что по степи «бродит сумасшедший джигит и все ищет какую-то белую лошадь» (95). Безуспешные поиски ее продолжались долго. Наконец, тело несчастного было найдено у степного колодца: «Он прижимал оконечными руками к груди свою белую войлочную шляпу» (95). Такова трагическая судьба человека, который до дна испил горькую чашу унижений и нищеты и в довершение ко всему лишился единственного утешения и друга — умной и доброй лошади.

В этом рассказе, пожалуй, более, чем в других произведениях Маминна-Сибиряка, посвященных казахам, реалистически передана картина быта кочевого народа. С одной стороны, показана необыкновенная роскошь: «В поле... раскинута зеленая бухарская палатка», «вся грудь» красавицы Мечит «покрыта золотыми монетами». С другой стороны, — пастушья дырявая и грязная кибитка, в которой живет Бухарбай.

Интересы богатых защищает и соответствующий институт. Это «седобородые казы (судьи)» (84), казахские «старшины из разных аулов» (стр. 89) и «сам бий» (89). С именем аллаха на устах («как хочет аллах, так и будет») (89), богач совершает клятвопреступление, отказывая бедному пастуху в невесте, требуя за нее огромный калым.

Но и бедного пастуха и хозяина-богача, имевшего три косяка лошадей, «объединяет» одна страстная любовь к необыкновенной лошади Ак-Бозат, ибо, как пишет автор, какой же казах может себя считать счастливым без нее? («Какой же киргиз без лошади?») (85).

Сюжет рассказа позволяет автору раскрыть картину подлинного социального неравенства в казахском ауле.

Образы представителей казахского народа, особенности его быта и нравов запечатлены и в других произведениях Маминна-Сибиряка. В повести «Охонины

брови»⁶⁵ привлекает внимание эпизод, возможно, имевший место в ранний период русско-казахских отношений. Дьячок Арефа рассказывает, что его три раза посылали в «орду» (казахские степи.— К. К.) «на неводьбу» и все «ходило благополучно. А когда Арефа вновь поехал на степные озера, то с ним увязалась и дьячиха. Путники благополучно добрались до озера, где прожили целую неделю. Но однажды ночью на них «наехали» кочевники, один из которых дьячка «копьем к земле приколол», а другой «ухватил дьячиху и уволок». Через полгода дьячиха «выворотилась» из степи. Но «отяжелела в орде... дьячиха... Ну, а потом разродилась этою самою Охоней». О происшедшем повествует впоследствии сам дьячок, который как бы с пониманием относится к необычным нравам кочевников.

Юная Охоня обращала на себя внимание окружающих людей своеобразными внешними данными, унаследованными от отца-казаха. «Это была среднего роста девушка с загорелым и румяным лицом. Туго заплетенная черная коса ползла по спине змеей. На скуластом лице Охони с приплюснутым носом и узкими темными глазами всего замечательнее были густые, черные сросшиеся брови — союзные, как говорили в старину. Такие брови росли, по народному поверью, только у счастливых людей. Одета она была во все домашнее, как простая деревенская девка»⁶⁶.

Арефа любил ее как родную дочь, и Охоня отвечала ему тем же. Когда дьячок был посажен в «судную избу», девушка жалела отца и горько плакала.

В другом месте повести Охоня охарактеризована автором, как «проворная и могутная», смело вступившая в рукопашный «бой» с солдатами. Охоня блюдет и свою девичью честь: когда один из солдат говорит, что она «девка», девушка с гордостью заявляет: «Не девка, а отецкая дочь». Даже воевода под натиском «вострой» девушки вынужден отпустить дьячка, считая ее «удалой» (319).

Оригинальная красота девушки оказалась роковой: в ней влюбляются и юноша Герасим, постригшийся в монахи, и сподвижник Е. Пугачева казак Белоус, и престарелый воевода. После недолгой жизни с последним Охоня снова попадает в жестокие монастырские условия. Освобождает ее пугачевский атаман Белоус, чтобы свершить над ней свой суд и расправу. Так, образ Охони,

дочери казаха и дьячихи, оказался в центре всех коллизий повести.

Между тем все важнейшие события происходят на фоне разгорающейся крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева: «На Яике объявился не прост человек, а именующий себя высокою персоною» (44), под знаменем которого собираются угнетенные и обездоленные. Страх перед этим движением руководит жестокими мерами со стороны игумена монастыря, воеводы и заводчика Гарусова.

Мамин-Сибиряк, как и многие известные русские писатели, проявлял большой интерес к крестьянскому движению. Его «Охонины брови» (1892) — это «историческая повесть о пугачевщине в Зауралье»⁶⁷, «документальная и достоверная в своей основе»⁶⁸. Вместе с тем в этом произведении писатель уделил большое внимание кочевникам (башкирам, казахам и др.), в частности, участию их в восстании под предводительством Е. Пугачева.

Умирая от бесчеловечных истязаний Гарусова, рабочий Трофим говорит: «Вот побегут казаки с Яика да орда из степи подвалит, по камушку все заводы разнесут... К казакам и заводчина пристанет и наши крестьяне» (375). Действительно, вскоре темной ночью на заводе Гарусова поднялся народ. Владелец скрылся. Со всех сторон слышались крики: «Орда валит!», «Казаки идут...» (383).

Убегая с завода, Арефа впервые слышит о человеке с «прозвищем Пугач». Молва о нем «облетела по казачьим уметам и станицам, перекинулась в орду и дошла до заводов» (387).

Об активном участии казахов и башкиров в движении Е. Пугачева свидетельствует и следующий эпизод повести. Дьячка Арефу и заводчика Гарусова «накрыл разезд, состоящий из башкир, киргизов (казахов, — К. К.) и русских лихих людей». Пленников привезли в казахский аул («стойбище»), откуда «навстречу вылетела стая высоких киргизских псов». «На стойбище сбилось народу до двух тысяч. Тут были и киргизы, и башкиры, и казаки, и лихие русские. Последние укрывались «в орде и по казачьим станицам» (388).

О широком размахе крестьянского движения свидетельствует бежавший из стана восставших Гарусов: «Смута разливается уже по Южному Уралу. Мятеежники захватили заводы, и сами льют себе пушки» (422).

Насколько широкими были связи русских и казахов в крае свидетельствуют и те, казалось бы, незначительные детали, которые часто встречаются в повести. Так, воевода, чтобы «проучить» супругу за «поносные слова», пользуется ничем иным, как казахской нагайкой, которая у него висела на стене. В трудную минуту побега с завода Гарусова, когда «десятки рук ухватились за кобылу», дьячок сказал верному коню какое-то «заветное киргизское словечко, и кобыла взвилась на дыбы» (383—384), спасая жизнь Арефе.

Характеризуя чрезвычайную чуткость дьячка, автор связывает это с влиянием жизни в казахской степи: «Чуткое дьячковское ухо, сторожливое, потому как привык сызмала в орде беречься: одно ухо спит, а другое слушает» (385). Во время пленения дьячок вынужден был есть вместе с казаками и «ордой» «кобылятину», рассуждая, что «не сквернит входящее в уста, а исходящее из уст» (389). Опасаясь за судьбу своей кобылы, Арефа говорил, что не может вернуться к «апайке» (к жене — как перевел автор) пешком (390). Находясь среди повстанцев, он не только лечил больных, но был «у них в чести и подметные письма» писал.

Образ Арефы в повести является одним из самых привлекательных.

Другой персонаж, заводчик Гарусов, разбогател, зарезав в степи какого-то богатого казаха (369). Гарусов пещадно эксплуатировал своих рабочих, а раньше «опутывал задатками киргизов и калмыков» (370).

Автор описывает и жестокости «орды», совершавшей набеги на русские деревни (390). Он считал, что эти жестокости были «далеким откликом кровавого замирения Башкирии» при генерале Соймонове под Оренбургом (391).

Таким образом, писатель объективно показывает наличие довольно широких связей между русскими крестьянами и заводскими рабочими, с одной стороны, казахами и башкирами, с другой. Эти связи наиболее отчетливо проявились в ходе крестьянской войны, где плечом к плечу выступили трудящиеся русские, казахи, башкиры, калмыки, татары и др. Работая над повестью, писатель глубоко проникся духом времени, в ней чувствуется большое влияние народного эпоса, героических народных сказаний.

Повесть «Охонины брови» советский писатель Ф. Gladkov⁶⁹ относил к классическим созданиям Мамин-Сибиряка, а А. Груздев называл ее исторической.

«Большое общественное значение повести «Охонины брови» состоит в том, что писатель выступил с изображением народного восстания в мрачную пору царствования Александра III и тем самым содействовал активной борьбе трудящихся России с царизмом»⁷⁰.

Таким образом, в том интересе, который, как мы видим, проявлял Д. Н. Мамин-Сибиряк к казахской теме, выражено его стремление понять психологию одного из народов России, узнать особенности его национального характера, обычаев, нравов. В этом благородном стремлении выражены гуманизм и «настоящий патриотизм» (Н. А. Добролюбов) еще одного большого русского писателя.

Глубокий анализ вопросов, имевших жизненно важное значение и для казахского народа, дал в ряде своих произведений Глеб Иванович Успенский (1843—1902).

В. И. Ленин с особым вниманием относился к творчеству этого писателя, которого считал одним из самых правдивых летописцев жизни народов России второй половины XIX в. Успенский как художник-реалист обладал «громадным артистическим талантом,— писал В. И. Ленин,— проникающим до самой сути явлений»⁷¹. В произведениях писателя получили многостороннее отражение новые социально-экономические процессы, развивавшиеся в пореформенной России. Зоркие наблюдения и ценные свидетельства писателя-демократа были очень важны для В. И. Ленина.

1 мая 1902 г. ленинская «Искра» в статье «По поводу смерти Г. И. Успенского» писала, что он «неизмеримо больше всех легальных писателей 70-х и 80-х гг. оказал влияние на ход нашего революционного движения».

А. М. Горький не без основания назвал Г. И. Успенского «великим народолюбом»⁷², который в своих произведениях выражал думы и чаяния трудового народа и, что особенно характерно, пристально следя за его судьбой, умел вовремя отметить важнейшие перемены в его жизни.

Социальные условия в России пореформенного времени породили такое массовое явление в жизни русского крестьянства, как переселенческое движение. Русская печать широко информировала читателей о различных

сторонах этого движения. Оно глубоко заинтересовало и Г. И. Успенского.

В течение 1877—1882 гг. Г. И. Успенский публикует цикл произведений («Из деревенского дневника», «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли»), в которых с беспощадным реализмом показывает обнищание мужика в результате проникновения капитализма в деревню, усиления налогового бремени из-за войны 1877—1878 гг., голода, вызванного неурожаем в 1879 и 1880 гг.

В 1878 г. писатель жил в Самарской губернии, где наблюдал, как крестьяне, не вынеся более своего бедственного положения, вынуждены были массами покидать насиженные места в поисках хлеба насущного и переселяться в пределы Урала, Казахстана и Сибири. В последующие 80—90-е годы движение это приняло огромный размах.

Стремясь ближе познакомиться со сложным процессом переселения крестьян, писатель летом 1888 и 1889 гг. совершает поездки в места массовых поселений крестьян в Сибири, Уфимской и Оренбургской губерниях. Во время этих поездок писатель собрал богатый фактический материал. На основе его, а также личных наблюдений, глубокого запаса знаний народной жизни, встреч и бесед с многими переселенцами, писем от них писатель создал ряд очерков, которые публиковались в газете «Русские ведомости» («Письма с дороги», «От Оренбурга до Уфы» и др.). В последующем они вошли в цикл «Поездка к переселенцам» (1888—1890).

Г. И. Успенский с горечью писал о полной неразберихе и неорганизованности переселенческого дела, о темноте и наивности крестьян (очерк «Бородатые младенцы»). Он видел, что «приволье, простор, обилие сил природы» недостаточно полно используются переселенцами из-за отсутствия четкой организации этого дела.

Массовое движение крестьян требовало заботы и внимания правительства. Однако последнее проявляло бюрократизм и бездушие. С удивлением и возмущением писатель отмечал, что «на такое важнейшее дело», как переселение, «не находится почти никаких средств»⁷³. Поэтому основная масса крестьян на новых местах оказалась неустроенной. Отсюда те «безлюдность и пустыньность» (очерк «Простор и безлюдье»), которые приходилось наблюдать Успенскому в местах заселения на всем пути от Оренбурга до Уфы.

Вместе с тем писатель восхищается заботливой матерью-природой, которая дарит счастье своему любимому детищу — человеку, но он зачастую лишен возможности разумно использовать эти дары. Вот почему переселенцы на необъятных и благодатных просторах испытывают нужду и лишения, гнет и беззаконие (очерки «Непрочность переселенческих покупок и аренд», «Хутор недоимщиков крестьянского банка», «Подставные депутаты» и др.). О их тяжелой судьбе Успенский писал взволнованно и гневно, образно называя свои очерки «прикорбными страницами о переселенцах».

В отличие от многих русских писателей, объяснявших причины массового переселения крестьян религиозными гонениями царского правительства в отношении сектантов, Г. И. Успенский справедливо считал, что большинству русских крестьян чужда подлинная религиозность и что переселение вызвано малоземельем и безземельем крестьян, фактически «освобожденных» от земли реформой 1861 г. Это была точка зрения революционных демократов.

Г. И. Успенского волновала судьба не только крестьянина-переселенца, но и «иностранца» населения Урала, Сибири и Казахстана, которому пришлось испытать всю тяжесть последствий переселенческой политики царизма. Так, в очерке «Башкир пропадает» Успенский с возмущением показывает драматическую картину колонизаторской практики разного рода грабителей, расхищавших башкирские земли, вследствие чего башкиры оттеснялись все дальше и дальше на север, оставляя насинженные места.

Во время поездки к переселенцам в июне 1889 г. Успенский побывал в оренбургских степях, где познакомился с жизнью казахов. Это нашло отражение в очерке «Кочевники и русские переселенцы» (1891 г.)⁷⁴. В нем писатель рассматривает проблему переселения русских крестьян в казахские степи не только с позиции земледельцев, но и — что очень важно — в аспекте темы настоящего исследования. Писатель объективно рассматривает последствия переселения русских крестьян с учетом положения и интересов кочевников-казахов.

Следует отметить, что указанный процесс проводился согласно положению циркуляра генерал-губернатора Степного края от 1 августа 1888 г., «весьма неласкового по отношению к переселенцам». Однако в 1890 г. новый

генерал-губернатор М. А. Таубе объявил казахам Акмолинской области, что намерен переселить из внутренних губерний России не 8 тысяч, как предполагалось прежде, а до 400 тысяч крестьян мужского пола. Для «обоснования» столь обширных масштабов переселения Таубе привел цифры количества земли, населения, скота в Акмолинской области. Эти показатели были представлены Особым комитетом и Поземельной комиссией.

Однако намерения губернатора совершенно не учитывали интересов кочевого населения. Именно об этом факте и сожалеет Глеб Успенский. Он рассказывает о том, как кочевники, едва узнав о предстоящем переселении, «решили отправить в Петербург депутацию». Успенский считал, что приводимые ими доводы «в доказательство справедливости их ходатайства ни в чем не уступают в своей достоверности доводам, приводимым в пользу переселенцев».

Писатель провел обстоятельный статистический анализ, позволивший ему опровергнуть миф о том, что переселение 400 тысяч крестьян якобы не повлияет на уровень жизни кочевников. Цифровые данные, на первый взгляд как будто бы подтверждающие этот миф, Г. И. Успенский считает непроверенными. И в самом деле, было установлено, что цифры, высчитанные Поземельной комиссией и Особым комитетом, неточны, поскольку не приняты во внимание официальные сведения. Приводя соответствующие данные, Успенский спрашивает: «Где же лишние земли для переселенцев?»

Вместе с тем писатель подчеркивает, что коренные жители Акмолинской области с пониманием относились к процессу переселения крестьян и казаков в прежние годы. Казахи «беспрекословно повиновались всем распоряжениям правительства: признали проведенную нейтральную полосу (в ее законном размере, на 10 верст шириною), уступали лучшие свои земли под постройки городов и станиц». Писатель неоднократно отмечает, что переселенцы получали удобные земли. Так, с 1849 г. поселились «в Акмолинской области, Кокчетавском уезде множество переселенцев из разных губерний России, которые заняли самые лучшие места и... образовали богатые станицы и поселки» (Котуркульская, Щучинская, Аканбурлукская, Лобановская, Арыкбалыкская и др.). Успенский писал, что в конце 70-х годов были предоставлены «более удобные земли под крестьянские

поселения в Кокчетавском и Атбасарском уездах и даже в настоящем году в Петропавлевском и Кокчетавском уездах образованы два русских поселения из крестьян...».

Писатель-демократ с большим сочувствием отмечает, что, несмотря на лишения, казахи «продолжают неутомимо вести свое многотрудное скотоводческое хозяйство, арендуя у казаков и крестьян необходимые для этого земли, безнедоумочно уплачивают подати и повинности и поддерживают обширную торговлю в крае».

Указывая на ухудшающееся с каждым годом положение кочевников, писатель отмечает, что они «во многих местах, особенно смежных с 10-верстной полосой, начинают питаться». Слово «питаться» здесь можно понять и как начало слабого проявления протеста и как результат усиления гнета со стороны богатых переселенцев. Действительно, сами переселенцы видели «большой наплыв обедневших» казахов в казачьи станицы и крестьянские поселки. В связи с этим «слышались жалобы», что бедные казахи «приносят большой вред казачеству, деморализуя его тем, что своим даровым трудом приучают станичников к лени». Эти данные, безусловно, свидетельствуют об обострении земельного вопроса в казахских степях и усилении процесса обнищания казахской бедноты, вынужденной идти в кабалу к казачьей верхушке и богачам-переселенцам. Поэтому далеко не случайно Глеб Успенский с тревогой писал о «натянutom положении» земельного вопроса в крае.

Писатель-реалист утверждает, что при решении проблемы переселения крестьян в казахские степи и вопроса «о возможности безвредности совместного сожительства кочевника и земледельца» необходимо учитывать «исключительно свойственное кочевникам и всему строю кочевой жизни умение извлекать значительную пользу из бесплодных степных пространств». Крестьяне-земледельцы, хотя и занимали в казахских степях «вовсе не пустынные, не бесплодные, а вполне подходящие к земледельческому труду» местности, тем не менее не сразу могли «освоиться и приноровиться к условиям климатическим, различным состояниям почвы и другим особенностям степных пространств». Г. Успенский неоднократно повторяет свой тезис об исключительной приспособленности кочевников к суровым условиям среды и об извлечении пользы из нее.

В глухой, песчаной, безводной, безлесной равнине жалким и необеспеченным представлялось хозяйство кочевника. Оно дорого обходилось ему. Однако умение его вести хозяйство в столь суровых условиях Успенский сравнивает с цепкостью лишайника, живущего «на голом камне скал», где «никакая другая растительность немыслима». Казах-кочевник, пишет Успенский, «населяет даже такие места, которые без него оставались бы уж ровно ни к чему негодны». «Целые века приспособляясь к среде, он ныне способен продержаться со своим стадом там, где, по-видимому, совершенно невозможно существование человека», — замечает писатель. Чтобы убедить читателя в справедливости высказанных утверждений, он ссылается на факт, указанный путешественниками: в Кызыл-Кумах во многих колодцах вода настолько насыщена сероводородом, что употребление ее вызывает «расстройство желудка даже у верблюдов и непривычных лошадей». Между тем кочевники пили эту воду «без всяких последствий».

Казахи использовали колодцы с горько-соленой водой. Они поили ею скот, разводили в ней «квашеное козье и овечье молоко» и пили эту смесь. Как пример «исключительной» приспособленности кочевников к трудным условиям среды указывается на жизнь казахов в 53 зимовках Чимкентского уезда, население которых, лишенное естественных водосмов, пользовалось водой, полученной из растопленного снега.

Из этих немногочисленных примеров Глеб Успенский делает вывод об огромных лишениях и трудностях, переживаемых кочевниками в борьбе за свое существование в «проклятых богом пустынях». Между тем в последние, как говорит писатель, земледельцев и «калачом не заманишь». И хотя переселенцы живут не в «проклятых богом пустынях», а в самых «лучших, удобнейших местах», однако и они страдают от неурожая. Успенский цитирует письмо казачьего урядника из Пресногорской станицы Г. Воронина, который с тревогой писал в «Сельском вестнике»: «Еще в августе 1889 г. наступила засуха... Земля просохла, а затем выпал снег, зима была мало-снежная, весна открылась рано, так мало было снегу, выпавшего на сухую землю... Появились... пожары, леса все погорели, оставшееся от продовольствия скота сено, скирды на полях, а также и клады необмолоченного хлеба — все сгорело... Затем наступила холодная погода,

так что замерзла земля и вода. К посеву хлеба приступили с 15 апреля; но холод и морозы препятствовали полевым работам, посев же все-таки продолжался. Холод и сильные бури продолжались до 20 мая... а с этого времени наступила жаркая погода с сухими и сильными ветрами. Дождя во всю весну ни одного не было и посейчас нет. Ранние посевы взошли и погибают от засухи». Далее Воронин с горечью отмечал: «Старого хлеба запасено мало; цены на него постепенно повышаются. Бог знает, как будет наш народ пропитываться нынешний год, а скот, пожалуй, придется уничтожать».

Перед стихийными силами природы земледелец оказывался порой более беспомощным, чем кочевник, поскольку не мог быстро покинуть обжитое место и был вынужден подчиняться климатическим и почвенным особенностям местности. Успенский иронически писал, что «Великая природа» не всегда сообразует свои действия с решениями всяких комиссий и советов.

В приведенном очерке писатель смело и открыто защищал интересы и права казахского населения, подчеркивая его естественную, природную приспособленность к труднейшим условиям внешней среды. Это являлось одним из главных аргументов Успенского против необдуманного массового переселения крестьян из внутренних губерний России в казахские степи.

Отмечая факты несправедливого захвата лучших земель казаками и переселенцами, Успенский писал о росте обнищания бедных слоев казахского народа, об усилении их эксплуатации со стороны казачьей верхушки и богатых переселенцев. В то же время трудовые массы русского крестьянства сами находились в полной зависимости и от стихийных сил природы, и от власти имущих.

Своим очерком Г. И. Успенский подводит читателя к выводу, который он, естественно, не мог высказать: общая беда и кочевников, и земледельцев заключалась в том, что они вели индивидуальное экстенсивное хозяйство и жили в условиях быстро развивавшихся капиталистических отношений и усиления эксплуатации трудящихся. Никто до Успенского в русской литературе не подвергал такому глубокому и тщательному анализу столь жизненный вопрос, как землепользование в казахских степях. В отличие от некоторых поверхностных наблюдателей, замечавших у «инородцев» лишь экзоти-

ческие стороны жизни, Глеб Успенский объективно показал истоки ее трагизма.

Вместе с тем следует отметить, что писатель не до конца понимал причины переселенческого движения. Царизм, переселяя «излишки» крестьян из центральных губерний в казахские степи, пытался тем самым ослабить остроту крестьянских волнений, связанных с земельной нуждой. Писатель, вставая на защиту интересов кочевников, не видел исторической перспективы. Между тем освоение обширных степных просторов казахских степей неизбежно вело к сближению русского трудового крестьянства с трудящимися коренного населения, к созданию их общего союза против политики царизма. Последний оказался исторически не способным к решению не только аграрного вопроса в целом, но и к решению задачи освоения казахских степей, что стало возможным лишь в условиях социалистического строя. Поэтому переселение крестьян в казахские степи, вопреки реакционным целям царизма, имело далеко идущие последствия: значительно ускорился процесс проникновения капиталистических отношений в степь, процесс ломки патриархального уклада у казахов, распространения в степи передовой земледельческой культуры и др. Именно об этих последствиях массового переселения крестьян писали такие прогрессивные русские писатели, как Д. Л. Иванов, Н. Н. Каразин и др.

Переселенческое движение, охватившее значительные массы крестьян, привлекало внимание многих писателей и журналистов России⁷⁵. Однако лишь Г. И. Успенский сумел рассмотреть эту проблему с позиций широкого гуманизма. Естественно, что В. И. Ленин имел серьезные основания для высокой оценки его литературной деятельности.

Особый интерес представляет изучение инонациональных мотивов в творчестве **Льва Николаевича Толстого** (1828—1910). Известно, что существует огромная критическая литература, посвященная различным проблемам творчества гениального писателя, однако в ней почти нет работ, в которых обращалось бы внимание, например, на казахстанские мотивы в произведениях великого художника. Между тем Л. Н. Толстой, поднимая в своих произведениях животрепещущие проблемы современности, выступая как выразитель идей и настроений миллионов русского крестьянства, не мог остаться без-

участным и к судьбам малых народов окраин России: башкир, казахов и других «инородцев».

Необходимо учитывать, что при характеристике творчества Л. Н. Толстого исследователи опираются на широко известные труды В. И. Ленина, в которых гениально обобщены и истолкованы постоянные идейные искания писателя. В. И. Ленин подчеркивал, что творчество Л. Н. Толстого является «шагом вперед в художественном развитии всего человечества»⁷⁶, но вместе с тем Ленин указал и на противоречия в его взглядах, корни которых были отражением глубоких противоречий того исторического периода.

По определению В. И. Ленина, Л. Толстой, «принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 годов,... поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»⁷⁷.

Именно в этот период совершается ломка патриархального уклада крестьянства, выразителем чаяний которого был великий реалист. Он «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования» (В. И. Ленин)⁷⁸.

Л. Н. Толстой, разумеется, понимал неразрывную связь русского крестьянства с угнетенными народами окраин. Основные противоречия эпохи, конечно, касались в известной мере и «инородцев». Именно об этом свидетельствуют наблюдения художника-реалиста над жизнью кочевников во время его довольно продолжительного пребывания в Оренбургском крае и нашедшие отражение в некоторых произведениях Л. Н. Толстого. Глубокий интерес писателя к жизни народов окраин подтверждают не только его отдельные произведения, но также воспоминания и письма близких людей.

В творческой биографии Л. Н. Толстого Оренбургский край занимал заметное место⁷⁹. Первая его поездка сюда состоялась в 1862 г. в сопровождении слуги А. С. Орехова и крестьянских мальчишек-школьников В. Морозова и Е. Чернова⁸⁰.

В своих воспоминаниях И. Л. Толстой писал: «Папа ездил туда (в оренбургские степи.— К. К.) еще до своей женитьбы в 1862 году, потом, по совету доктора Захарь-

нна, у которого он лечился, он был на кумысе в 1871 — 1872 году и, наконец, в 1873 году мы поехали туда всей семьей». В поездке 1871 года вместе с ним был С. А. Берс, шурин писателя, и слуга И. В. Суворов. Л. Н. Толстой жил в Каралыке. Отсюда он писал в Ясную Поляну: «Живем мы в кибитке, я нашел приятеля. Столыпин⁸¹ — атаманом в Уральске и ездил к нему и привез оттуда писаря, по диктую и пишу мало. Ленъ одолевает при кумысе... Я стреляю уток, и мы ими кормимся, сейчас ездил верхом за дрофами, как всегда, только спугнули, — и на волчий выводок, где башкирец поймал волчонка. Кумыс лучше никто не описал, как мужик, который на днях мне сказал, что мы на траве, как лошади. Ничего вредного самому не хочется: ни усиленных занятий, ни курить (Степа меня отучает от курения, и дает мне, все убавляя...); ни чая, ни позднего сидения. Я встаю в 5, 6, 7 часов, пью кумыс, иду на зимовку, там живут кумысники; поговорю с ними, прихожу, пью чай со Степой; потом читаю, немного хожу по степи в одной рубашке; все пью кумыс, съедаю кусок жареной баранины, и или идем на охоту, или едем, и вечером, почти с темнотою ложимся спать»⁸².

Касаясь времени, проведенного Л. Н. Толстым в Каралыке, Н. Гусев отмечал, что он там ничего не писал, но читал греческих авторов⁸³, ходил и ездил по окрестным деревням, охотился, пил кумыс, беседовал с кумысниками, играл в шашки с башкирами⁸⁴.

За период 1862—1883 гг. писатель десять раз посетил Оренбуржье. Если первые поездки его были вызваны необходимостью лечения кумысом, то последующие — связаны с нарастающим его интересом к жизни народа. В письме к жене он писал: «Ново и интересно многое: и башкиры, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и доброте народа». В другом письме он вновь отмечает: «Для покупки здесь имения особенно соблазняет простота и честность, наивность и ум здешнего народа»⁸⁵.

Но, восхищаясь нравами патриархального крестьянина в заволжских степях, Л. Толстой видел здесь следы голода, нищеты и бедности. Это писатель отразил позже в своих произведениях: «Воскресение», «Много ли человеку земли нужно?», «Ильяс» и др.

В воспоминаниях С. А. Берса⁸⁶ есть немало строк, посвященных общению великого писателя с местными

жителями, кочевниками Оренбургского края. Л. Толстой и С. Берс поселились в нанятой отдельной юрте — «кочевке». По описанию последнего, юрта представляла «деревянную клетку, имеющую форму приплюснутого полушария», которая была покрыта «большим войлоком» и имела «деревянную росписную дверь». Пол в юрте заменял ковыль. Она легко раскладывалась и перевозилась. «Летом, — писал Берс, — в степи жилище это весьма приятно». Описывая процедуру лечения кумысом, автор подчеркивал, что «надо, подобно башкирам, употреблять его, как исключительную пищу, и при этом оставить все мучное, овощное и соль, а есть только мясо». Лев Николаевич, «само собою разумеется, приноровился к этому образу жизни, и оттого кумыс принес ему желаемую пользу». На Каралыке лечились кумысом и другие приезжие лица, которые, однако «не хотели» привыкнуть «к образу жизни кочевников», и результаты у них оказались не совсем хорошие.

Берс далее отмечал, что «по приезде Толстой со всеми перезнакомился и разогнал их уныние». Так, один из отдыхающих, старик, учитель семинарии «стал прыгать с ним (Л. Н. Толстым. — К. К.) через веревку», Вскоре Толстой со своими спутниками побывал в башкирских аулах. Путники охотились на уток, останавливались в юртах, где отдыхали и пили кумыс. Однажды, будучи в гостях у башкир, Лев Николаевич «загляделся на лошадь, отделившуюся из табуна», и сказал Берсу: «Посмотри, какой прекрасный тип дойной кобылицы». И когда через час русские гости уезжали из аула, «хозяин привязал похваленную лошадь» к бричке русских гостей: в подарок Л. Н. Толстому. Гостей «пришлось отдарить за похвалу».

Л. Н. Толстой «находил много поэтичного в кочевой и беззаботной жизни башкир». Позже, уже в Ясной Поляне, заинтересовавшись их религией, Толстой прочел Коран на французском языке. Его также очень интересовала взаимная веротерпимость между простыми людьми разных народов, живших в Оренбургском крае.

В степи со своими спутниками писатель прожил шесть недель и однажды посетил ярмарку в Бузулуке. Поехали в небольших дрогах, взяв с собой «запас кумыса в небольшом турсуке». Берс писал: «Ярмарка отличалась пестротой и разнообразием племен: русские мужики, уральские казаки, башкиры и киргизы (казахи. — К. К.).

И в этой толпе Лев Николаевич расхаживал со свойственной ему любознательностью и со всеми заговаривал». Н. Гусев писал, что на Бузулукской ярмарке Л. Толстой «видел представителей более чем десяти различных народов и табуны лошадей уральских, сибирских и киргизских (казахских.— К. К.)». По-видимому, Толстой очень ценил лошадей киргизской (казахской) породы, и, как писал Берс, в своем имении он ездил верхом «на молодой киргизской лошади». В романе «Воскресение» Л. Толстой писал о казахской лошади: «Приведенный швейцаром гостиницы извозчик на сытой, крупной киргизке, запряженной в дребезжащую пролетку, подвез Нехлюдова»⁸⁷.

Во время пребывания «на кумысе» Л. Н. Толстой «высмотрел» имение и в следующем году купил его. Через два года писатель приехал туда с семьей и пригласил на лето за плату башкира с табуном дойных маток. Старик-башкирец отличался степенностью, вежливостью в обращении и аккуратностью. Л. Н. Толстой не случайно его пригласил в имение: юрта старика внутри «отличалась чистотой и изяществом», и члены семьи писателя ходили туда не только пить кумыс, но и посидеть, побеседовать. Лев Николаевич в шутку называл юрту старого башкира «нашим салоном». Действительно, посередине ее лежал ковер, а на нем подушка. Сбоку стоял небольшой стол с двумя стульями, предназначенными для русских гостей. На решетчатой стене юрты висело «разукрашенное седло». Одна часть юрты была занавешена ярким ситцем, где скрывалась хозяйка, когда появлялись мужчины. Оттуда она «подсовывала турсучок с кумысом и деревянную посуду». Описываемая обстановка не исключает предположений, что здесь идет речь о быте кочевых казахов-кумысников.

В 1878 г. Л. Н. Толстой всей семьей опять посетил свое имение. Берс писал о его поездке в Оренбург с целью нанять жнецов и закупить скот и лошадей. В своем имении он устроил конный завод, рассчитывая путем скрещивания «башкирских маток с рысистой, верховой английской и другими породами получить новый тип хороших лошадей». Однако табун писателя «едва не был угнан» проезжими казахами. Известие об этом пришло в имение поздно вечером. Все отправились в степь. Но «вскоре узнали», что казахи «были преследуемы и прогнаны» работниками.

Летом 1878 г. Л. Н. Толстой устроил в имении «замечательное зрелище» — скачки, о чем было широко «разглашено». Берс отмечал, что «все местные и окрестные национальности — башкиры, киргизы (казахи. — К. К.), уральские казаки и русские мужики — все чрезвычайно любят скаковой спорт». Для победителей скачек подготовили призы: быка, лошадь, ружье, часы и т. п. Не забыли и о зрителях, для которых заготовлены угощения.

К назначенному дню съехалось несколько тысяч человек. Башкиры и казахи приехали со своими юртами, кумысом, котлом и даже баранами. «Дикая степь, покрытая ковылем, — писал Берс, — усталилась рядом кочевков и оживилась пестрой толпой». Почетные гости сидели на возвышенном месте, на разостланных коврах и войлоке. Их угощали кумысом. На этом празднике певцы пели песни, музыканты играли на «дудке». Состязались борцы. В скачках участвовало тридцать лошадей, на которых седоками были мальчики лет десяти, сидевшие без седел. 50 верст они проскакали за час и сорок минут. Наблюдал за часами гувернер-швейцарец. Пир в имении Л. Н. Толстого продолжался два дня и, по словам Берса, «отличался замечательной чинностью, порядком и оживлением. Все гости учтиво поблагодарили хозяина-графа и разъехались очень довольные».

Весьма важно утверждение Берса о том, что Л. Н. Толстой советовал ему «не создавать себе в чужих краях никаких требований, а применяться к местным условиям и относиться к ним с любовью и интересом»⁸⁸. Великий гуманист именно так и относился к коренному населению края.

Его пребывание в Оренбургских степях нашло отражение в письмах самого Л. Н. Толстого, в публикациях сыновей И. Л. и С. Л. Толстых, а также П. И. Бирюкова, Н. Е. Прянишникова, Л. Большакова и др. Последний, изучая письма Льва Николаевича, пришел к выводу, что писатель в 1876 г. был не в Самаре, а в Оренбуржье, хотя Л. Н. Толстой писал А. А. Фету и другим о своем желании ехать в Самару⁸⁹.

Непосредственной причиной поездки в Оренбург явились хозяйственные заботы. В эти годы Л. Толстой увлекался разведением лошадей, за ними он и поехал сюда⁹⁰. Впоследствии И. Л. Толстой вспоминал, что из Оренбурга отец привез «чудного белого бухарского аргамака»⁹¹.

Оренбург привлек внимание Л. Н. Толстого пестрой многоликой своей жизнью. Город, как писал Алекторов (1883), был «наполовину европейский, наполовину азиатский... Русское население его, в летнее время особенно, теряется в разношерстном сборе народов Азии — киргиз (казахов. — К. К.), татар, башкир, хивинцев, бухарцев»⁹². Л. Н. Толстой, по утверждению исследователя Большакова (1964), живя в Оренбурге, «смотрел, расспрашивал, слушал».

Неоднократное посещение Оренбургского края, длительное проживание в нем, конечно, не могло пройти бесследно в творчестве Л. Н. Толстого. И действительно, замыслы и их воплощение в ряде произведений писателя в той или иной мере связаны с Оренбуржьем. Так, рассказ «Много ли человеку земли нужно?» (1885) написан Толстым под впечатлением знакомства с жизнью первых русских переселенцев и башкир, которое состоялось летом 1871 г. Герой рассказа крестьянин Пахом в поисках земли переселяется на новые места, где получает от сельского общества достаточно земли. Однако жадному Пахому «и на этой земле тесно показалось», и он решает купить землю у башкир, тем более, что, по словам заезжего купца, народ там «несмышленный, как бараны», и землю «можно почти даром взять». Следуя советам купца, Пахом покупает в городе для башкир подарки (чай, вино и т. д.) и с работником приезжает к ним.

Далее Л. Н. Толстой дает весьма интересную этнографическую зарисовку жизни башкир, которые «сами не пахут, хлеба не едят. А в степи скотина и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и к ним два раза в день маток пригоняют; кобылье молоко доят, и из него кумыс делают. Бабы кумыс болтают и сыр делают, а мужики только и знают — кумыс и чай пьют, баранину едят да на дудках играют. Гладкие все, веселые, все лето празднуют. Народ совсем темный и по-русски не знает, а ласковый»⁹³.

Башкиры гостеприимно и дружелюбно встречают Пахома: «Свели его в кибитку хорошую, посадили на ковры, подложили под него подушек пуховых, сели кругом, стали угощать чаем и кумысом. Барана зарезали и бараниной накормили». Пахом также не остался в долгу. Он одарил их подарками. Затем речь зашла о земле. Однако землей распоряжался старшина, который, получив от Пахома лучший подарок, сказал, что цена земли

«тысяча рублей за день... Сколько обойдешь в день, то и твое, а цена дню тысяча рублей».

Думал Пахом: «Отхвачу... палестину большую». Целый день шел он, удаляясь все дальше и дальше в степь, отмечая границы «своей земли, а когда вернулся к назначенному пункту перед заходом солнца, то... умер. Работник выкопал хозяину могилу, размером три аршина».

Переселение русских крестьян было вызвано развитием капитализма в России, которое сопровождалось разорением и обнищанием народных масс. Толстой не только остро и мучительно переживал тяжкие и несправедливые их страдания, но беспрестанно думал и размышлял о социальных корнях бесправного положения народа. В этом отношении характерны строки из письма Л. Н. Толстого А. И. Герцену о манифесте царя от 19 февраля 1861 г.: «Не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим... Тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний»⁹⁴.

Находясь в Германии, в апреле 1861 г. Л. Н. Толстой вновь писал Герцену, что «подобные положения» об освобождении крестьян «совершенно напрасная болтовня... Мужики положительно недовольны» реформой, потому что «все это господа делают»⁹⁵.

Особенно потрясли великого писателя страдания народа, вызываемые периодически голодом. В мае 1865 г. он писал А. А. Фету: «Предстоящее народное бедствие голода с каждым днем мучает меня больше и больше... У нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях, рады, что жарко и тень, а там этот злой чорт голод делает уж свое дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыта скотины и всех их проберет и расшевелит, пожалуй, так, что и нам под тенистыми липами в кисейных платьях и с желтым сливочным маслом на расписном блюде — достанется»⁹⁶.

Лето 1873 г. Л. Толстой провел в своем имении в Оренбургском крае. Страшная засуха охватила его. Стремясь ближе узнать размеры голода, возникшего вследствие неурожая, писатель объезжает окрестные деревни. Он обращается с письмом к издателям «Москов-

ских ведомостей», где пишет о страшном бедствии, охватившем народ⁹⁷. Его призыв был услышан, и началась организация помощи голодающим.

Увиденное и пережитое писателем отразилось в известной мере и в романе «Анна Каренина», который был завершен Толстым в период его поездок в Оренбургские степи. Роман интересен, таким образом, и в аспекте рассматриваемой проблемы. В нем получили весьма любопытное освещение некоторые важные стороны жизни коренных народов окраин. Читатели помнят, как Каренин, крупный государственный чиновник, возглавил комиссию «для исследования во всех отношениях быта инородцев», которая работала необычайно быстро и энергично и через три месяца представила отчет. «Быт инородцев был исследован в политическом, административном, экономическом, этнографическом, материальном и религиозном отношениях»⁹⁸, — писал Л. Н. Толстой. Тонко высмеивая работу комиссии, он отмечал: «На все вопросы были прекрасно изложены ответы и ответы, не подлежавшие сомнению, так как они не были произведением всегда подверженной ошибкам человеческой мысли, но все были произведением служебной деятельности»⁹⁹. Бессмысленность и бесчеловечность отчета комиссии видны и из того, что «ответы все были результатами официальных данных, донесений губернаторов и архиепископов, основанных на донесениях уездных начальников и благочинных, основанных, с своей стороны, на донесениях волостных правлений и приходских священников, и потому, — иронизирует писатель, — все эти ответы были несомненны»¹⁰⁰.

Таким образом, решение актуальных политических, экономических и других вопросов, связанных с бытом «инородцев», в конечном счете оказывалось в руках невежественных приходских священников и полуграмотных писарей волостных правлений. Именно из донесений последних создавалось очередное «произведение служебной деятельности». Наконец, иерархическая цепь донесений получает свое «высшее» воплощение в отчете комиссии, которую возглавлял Каренин. Последний имел свое мнение в отношении быта «инородцев», подтвержденное отчетом комиссии, где «все те вопросы о том, например, почему бывают неурожаи, почему жители держатся своих верований и т. п., вопросы, которые без удобства служебной машины не разрешаются и не могут

быть разрешены веками, получили ясное, несомненное решение».

Однако вокруг вопроса о быте «инородцев» разыгрывается сложная интрига, цель которой провалить соперничающую группу чиновников. При этом интересы «инородцев» отодвигаются далеко на задний план, а на авансцену выходят чиновники-карьеристы, заботящиеся о чести мундира, о своем служебном положении и т. д. В этом отношении характерна позиция Стримова, который, «чувствуя себя задетым за живое», применил неожиданную для Каренина тактику. Стромов перешел на его сторону «и с жаром не только защищал приведение в действие мер, предлагаемых Карениным, но и предлагал другие крайние в том же духе».

Когда меры, предложенные Карениным и усиленные Стримовым, были приняты, «обнажилась тактика» последнего. «Меры эти, доведенные до крайности, вдруг оказались так глупы, что в одно и то же время и государственные люди, и общественное мнение, и умные дамы и газеты — все обрушилось на эти меры, выражая свое негодование и против самих мер и против их признанного отца, Алексея Александровича Каренина. Не только Стромов, но и другие члены комиссии выражали свое возмущение, утверждая, что ее донесение «есть вздор и только исписанная бумага». В результате всей этой шумихи «никто не мог понять, действительно ли бедствуют и погибают инородцы, или процветают»¹⁰¹.

Положение Каренина в обществе «стало весьма шатко», и он принял решение «самому ехать на место для исследования дела». Это решение было продиктовано желанием укрепить свое положение в обществе, а не стремлением помочь «инородцам».

Прибыв в Москву, Каренин принимает депутацию¹⁰² «инородцев», которую вызвал сам. Члены ее «не имели ни малейшего понятия о своей роли и обязанности, — писал Л. Толстой. — Они были наивно уверены, что их дело состоит в том, чтобы излагать свои нужды и настоящее положение вещей, прося помощи правительства, и решительно не понимали, что некоторые заявления и требования их поддерживали враждебную партию и потому губили все дело»¹⁰³. Между тем старый и опытный царский чиновник Каренин составляет для депутации специальную «программу, из которой они не должны были

выходить»¹⁰⁴. Таким образом, Каренин пытается использовать самих «инородцев» в борьбе с враждебным лагерем чиновников, нисколько не думая и не заботясь об их истинных нуждах и требованиях.

В крайне реакционных кругах высшего аристократического общества, как у Облонского на званом обеде, шли модные разговоры не только об обрусении «инородцев» (Кознышев, например, утверждал: «Для обрусения инородцев есть одно средство — выводить как можно больше детей»), но и об обрусении Польши (Каренин «доказывал, что обрусение Польши может совершиться только вследствие высших принципов, которые должны быть внесены русскою администрацией»)¹⁰⁵.

«Теоретическую» основу политики обрусения одни (Кознышев) видели в «густоте населения», другие (Каренин) — во влиянии «истинного образования», «высшего развития». Из разъяснения становится ясно, что Каренин понимал под «истинным образованием». Он не отрицал нравственного влияния классических писателей, но резко осуждал преподавание естественных наук, поскольку только с последними связывал этот чиновник высшего ранга «те вредные и ложные учения, которые составляют язв нашего времени»¹⁰⁶.

Каренина мало беспокоили судьбы «инородцев», и если о них он вел салонные разговоры, то, будучи сыном своей эпохи, не хотел выглядеть в глазах общества отсталым человеком. Вернувшись в Петербург, Каренин, поглощенный нелегкими заботами семейной жизни, забыл и об «инородцах», и о комиссии.

Отказался «от лестного и опасного назначения в Ташкент» и Вронский, хотя по его прежним понятиям это «было бы позорно и невозможно»¹⁰⁷.

Внимательно следя за жизнью народов окраин России, Л. Н. Толстой задумал написать ряд произведений из исторического прошлого Оренбургского края. В этой связи он интересуется «Записками Оренбургского отдела РГО», книгой М. С. Бекчурина «Туркестанская область» (1872) и др.

В публикациях Оренбургского отдела Русского географического общества имелись исторические и этнографические работы. Внимание Л. Н. Толстого могла привлечь статья «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона» и другие материалы, опубликованные на страницах «За-

писок» и сохранившиеся в личной библиотеке писателя в Ясной Поляне.

Из видных деятелей края Л. Н. Толстого заинтересовала фигура В. А. Перовского, воспоминания которого о пребывании в плену у французов¹⁰⁸ были использованы им в «Войне и мире» (см. описание пребывания в плену у французов Пьера Безухова). О своем интересе к Оренбургскому краю и к личности Перовского Л. Н. Толстой писал следующее в письме к А. А. Толстой (январь, 1878 г.): «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского. Теперь я привез из Москвы целую кучу материалов для этого. Я сам не знаю, возможно ли описывать В. А. Перовского и, если бы и было возможно, стал ли бы я описывать его; но все, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично. Что бы сказали Вы и его родные? И дадите ли Вы и его родные мне бумаг, писем... хотелось бы поглубже заглянуть ему в душу»¹⁰⁹.

В. А. Перовского современники характеризовали как «личность с необычайной силой ума и железной волей», как человека блестяще воспитанного, обладавшего острой умной речью, всегда элегантно одетого, рыцарски честного, прямого и благородного, но жившего в Оренбурге «пышно и широко, как сатрап». Он много сделал по «устроению... окраины», хотя и «не без промахов, ошибок... не без жертв, вспышек гнева и проч.»¹¹⁰.

Поход русских войск против Хивы, предпринятый в 1839 г. под предводительством В. А. Перовского, получил в литературе довольно широкое освещение. Общественность проявляла неизменный интерес к этому «несчастному походу», по выражению Л. Н. Толстого, поскольку распространялись слухи о жестокостях Перовского. Так, Л. Толстой в беседе с Захарьиным-Якуниным просил сказать: «Правда или нет, что Перовский во время этого похода зарывал в землю живьем молодых киргизов-проводников в присутствии их отцов?»¹¹¹.

По данному вопросу И. Н. Захарьин-Якунин, автор книги о хивинском походе¹¹², привел сведения об участии в нем 1200 казахов. В основном это были верблюдожаты. И когда трое из них не пожелали провожать дальше, то они по приказу Перовского были расстреляны, а остальные согласились идти. Следует отметить, что

казахи всячески помогали походу. Так, автор книги приводит слўчай, когда в русский отряд пришли «родона-чальники-казахи», в том числе султан Айчуваков «с сотней кайсаков, при нескольких стах верблюдов, которые и были у него тут же наняты»¹¹³.

Отказ проводников сопровождать отряд объяснялся боязнью жестокой мести со стороны хивинцев. Захарьин-Якунин приводит следующий слўчай. По дороге, в нескольких верстах от Ак-Булака, хивинцы встретили казаха, который вез почту из Эмбы в Чушкакуль. «На этом несчастном своем единоверце,— писал автор,— разбойники и выместили всю злобу: обыскав его, они нашли пакеты с печатями... улика, следовательно, была налицо». Хивинцы подвергли несчастного «самым ужасным истязаниям и мукам»¹¹⁴.

С другой стороны, в самом отряде разразилась эпидемия, которая усугублялась тяжелым положением солдат. Захарьин-Якунин писал, что в декабре 1839 г. «по бесконечной степи, в тридцатиградусные морозы, среди леденящих буранов, по колено в снегу, без теплой одежды и горячей пищи, оставляя за собою роковой страшный след в виде невысоких снеговых холмов-могил над умершими людьми и круглых горok нанесенного метелями снега над павшими верблюдами»¹¹⁵, шел отряд Перовского.

Офицеры и другие старшие чины отряда беззастенчиво грабили солдат. В этом отношении характерна, например, раздача порции спирта. Автор писал: «Когда фельдфебель получает его на роту, то сначала отнесет его к ротному командиру, который отольет себе часть цельного спирта и поделится с субалтерн-офицером; затем фельдфебель приказывает принести этот спирт в свою джумалейку (палатку), отделит часть себе, а также и всем капральным унтер-офицерам; потом уже позовет артельщика, тот разбавит оставшееся количество спирта теплою водою, и эту смесь выдают каждому солдату по чарке».

И. Н. Захарьин-Якунин писал, что так же делилось и топливо», добываемое «исключительно солдатскими руками из мерзлой земли». В результате «дележа» солдаты не могли даже приготовить себе горячую пищу. «Мясо не уваривалось и в таком полусыром виде поглощалось солдатскими желудками». Естественно, что среди солдат появилась дизентерия. «Заболевшие отправлялись в ле-

дяные фургоны, а оттуда в землю». «Белья солдаты не имели вовсе». Им же не разрешалось на ночь снимать промерзлые сапоги¹¹⁶.

Таким образом, Перовский, руководивший этим беспрецедентным походом, предстает далеко не в ореоле рыцарски честного и благородного человека, каким пытался его представить со ссылкой на Н. Чернавского Л. Большаков, автор интересной работы о Л. Н. Толстом¹¹⁷. Безусловно, Перовский жестоко относился не только к казахам, но и к собственному отряду. И в этом была одна из главных причин неудачи похода. Весь путь был усеян трупами солдат, павших не от руки противника, а из-за бездушного отношения командования во главе с Перовским.

Вместе с тем важно отметить, что в некоторых эпизодах книги показаны дружественные отношения между русскими и казахами, одинаково делившими суровые испытания похода. Любопытен следующий пример. В отряде на каждого офицера и двух топографов унтер-офицерского звания полагалась особая палатка, денщик, два верблюда с проводником-казахом. Молодые унтер-офицеры, будучи одетыми лучше казахов, мерзли больше их. Они спросили проводника о причинах этого явления. Тот рассмеялся и объяснил: «У вас ноги зябнут, потому что не снимаете сапоги на ночь. Кожаные сапоги днем, во время похода, промерзают насквозь, и от них ногам холодно». По его совету унтер-офицеры на ночь стали снимать сапоги и почувствовали облегчение. Но солдаты продолжали страдать, поскольку им «воспрещалось разуваться в предположении тревоги».

Занимателен и другой эпизод, связанный также с казахами-проводниками. Отряд имел более 250 пудов пакетов мясного «бульона». Часть из них была роздана людям на руки, а остальное решили погрузить на верблюдов. Однако казахи «бросали потихоньку бульон в снег, так как они считали плитки эти ни к чему негодными кирпичами». Когда же хватились и стали требовать их от верблюдовожатых, то «наивные сыны степей спокойно объявили, что они по прибытии в Оренбург, взамен этих маленьких кирпичей, обязуются доставить русским войскам большие, еще более тяжелые «настоящие» глиняные кирпичи».

Неудачный поход экспедиционного отряда Перовского получил отражение и в солдатских песнях. Так, А. И. Мя-

кутин в 1903 г. со слов 85-летнего отставного войскового старшины записал песню о походе на Хиву:

Идем, братцы, к хивам в гости,
Разобьем их ворота,
И Бековича¹¹⁸ мы кости
Принесем с собой сюда...
А за смерть и за обиду
Так уж справим панихиду...

Другая песня имела традиционное начало:

На заре было у нас, братцы, все на зореньке...

и заканчивалась:

Наперед-то идет сам Перовский князь,
Да за ним идет сила-армия, конна гвардия¹¹⁹.

Действительно, в составе экспедиционного отряда был «сводный дивизион» из конно-регулярного полка, составлявший личную гвардию генерала Перовского. Дивизион грудью прокладывал путь войскам среди снегов. Почти все лошади его погибли¹²⁰.

В песнях нашли отражение стычки между казаками и казаками, битвы с кокандцами и др.

Именно к периоду оренбургских поездок относится и другой замысел Л. Н. Толстого о большом историческом полотне. Писатель деятельно собирает материал, работает в архивах Москвы и Петербурга. В январе 1878 г. он сообщил: «Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мясо, рыбу, мечтает о том, какой бы он сделал обед!.. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать»¹²¹.

К сожалению, Л. Н. Толстой оказался прав: его мечта об историческом романе о декабристах, попавших в ссылку в Оренбургский край, не осуществилась. Осталось несколько глав романа «Декабристы» и наброски повести «Князь Федор Щетинин»¹²².

Причины, обусловившие повышенный интерес великого писателя к историческим событиям, связаны с тяжелым положением русского народа. Поиски выхода для

него из этого положения становились особенно мучительными во время массовых бедствий, как, например, голода 1891—1892 гг. Писатель вновь принимает участие в организации помощи голодающим Рязанской губернии и пишет статьи «Страшный вопрос», «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая»¹²³.

Именно в это время Л. Толстой очень близко столкнулся со страданиями народа. На его глазах происходило резкое углубление социальных противоречий между различными слоями общества. Капитализм вел активное наступление на патриархальные устои жизни, которые так упорно защищал писатель.

В романе «Воскресение» — вершине критического реализма русской классической литературы, как и в других произведениях последнего периода творчества, Л. Н. Толстой «обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь»¹²⁴.

Вместе с тем «противоречия во взглядах и учениях Толстого»¹²⁵ нашли наиболее яркое воплощение в романе «Воскресение»¹²⁶, где Нехлюдов пытается найти ответы на общественные вопросы в реакционном религиозно-нравственном учении. Именно для этого произведения характерны, с одной стороны, беспощадное обличение и гневный протест против «правительственных насилий, комедии суда и государственного управления»¹²⁷, а с другой — проповедь непротивления, нравственно-моралистическое, реакционное учение, «культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».

В. И. Ленин подчеркивал, что эти «противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века»¹²⁸.

После событий первой русской революции 1905 г. Л. Н. Толстой писал В. В. Стасову: «Я во всей этой революции состою в звании, добро- и самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую»¹²⁹. Вы-

ступая адвокатом народа России, писатель не случайно обратил свои взоры и мысли к движению декабристов, то есть к первому поколению русских революционеров, которые, по выражению В. И. Ленина, хотя и были «страшно далеки... от народа», посеяли добрые семена свободной мысли, подхваченной последующими поколениями революционеров¹³⁰.

Таким образом, Л. Н. Толстой в конце 1860 г. приступает к созданию романа о декабристах. В 1861 г. он читает (во Франции) написанные разделы И. С. Тургеневу, которому «понравились первые главы»¹³¹. Три первые главы незавершенного романа увидели свет спустя почти четверть века¹³². Главным его героем является декабрист Лабазов, прототипом которого был С. Г. Волконский, «знаменитый изгнанник», дальний родственник писателя, возвратившийся из ссылки лишь в 1856 г. С ним Л. Н. Толстой познакомился в 1860 г. во Флоренции.

Л. Н. Толстой писал, что самые известные москвичи считали «в пятьдесят шестом году своей неперенной обязанностью оказать всевозможное внимание» возвратившемуся декабристу, «которого они не хотели бы видеть ни за что на свете три года тому назад», потому что Лабазов был сослан на каторжные работы за события 1825 г.¹³³.

Мысль о завершении «Декабристов» не покидает писателя в течение длительного времени. В феврале 1878 г. он совершает поездку в Москву для сбора материала о декабристах. Здесь же происходят его встречи с декабристами П. П. Свистуновым и М. Н. Муравьевым-Апостолом, а у декабриста А. П. Беляева писатель получает рукопись его воспоминаний и осматривает казематы Петропавловской крепости, где они сидели¹³⁴.

Острый интерес к декабризму сохраняется у великого писателя даже в его преклонные годы. Так, в апреле — мае 1904 г. он продолжает знакомиться с историческими материалами об этом движении. В 1905 г. Л. Н. Толстой читает «Записки» декабристов А. Е. Розена и И. Д. Якунина¹³⁵. Тогда же его внимание привлекли и «Записки» декабриста Д. И. Завалишина, личное знакомство с которым состоялось еще в апреле 1889 г.¹³⁶.

Л. Н. Толстой, по-видимому, знал о том, что Д. И. Завалишина предал родной брат Ипполит, и использовал этот эпизод в своем неоконченном романе.

Между тем «деяния» предателя и авантюриста Ипполита Завалишина заслуживают внимания, поскольку он многие годы провел в казахских степях. Известно, что Казахстан в прошлом был местом ссылки политических противников царизма. Ссылали сюда и декабристов. Однако среди них встречались люди, пытавшиеся ввести в заблуждение общественное мнение, выдавая себя за политических ссыльных. Таким представлял себя и Ипполит, которого отдельные современные исследователи иногда принимают за революционера-декабриста.

Однако И. Завалишин никогда декабристом не был. Более того, он сыграл предательскую роль в судьбе некоторых из них. В архиве журнала «Русская старина»¹³⁷ сохранилось письмо его родного брата Дмитрия Иринарховича Завалишина от 11 декабря 1880 г., адресованное издателю М. И. Семевскому¹³⁸. В нем характеризуется жизненный путь Ипполита. Отец¹³⁹ их овдовел в молодые годы и остался с четырьмя малолетними детьми, старшему из которых было 9 лет и младшему (Ипполиту) — 2 года. Должность генерального инспектора путей сообщения требовала постоянных разъездов, и он вынужден был жениться. Мачеха оказалась неумелой воспитательницей. Поэтому 10-летний Дмитрий стал настойчиво требовать от отца, чтобы его определили в Морской корпус. Ипполита мачеха воспитала взбалмошным. Будучи в артиллерийском училище, он «попал в дурную историю», из которой его спас («выкупил») старший брат. В последующем Ипполит решил, по-видимому, выслужиться и донес на своего родного брата, члена Северного тайного общества декабристов¹⁴⁰. Вот что писал по этому поводу Д. И. Завалишин: «Воспользовавшись тем, что, прибежав ко мне в день отправления моего в отпуск, он (Ипполит.— К. К.) нашел у меня огромное число людей, собравшихся провожать меня: тут были и члены Северного тайного общества с Рылевым¹⁴¹ во главе, по поручению которого я отъезжал; тут были почти все офицеры гвардейского экипажа, и многие знакомые и даже иностранцы».

Впоследствии И. Завалишин, не видя в числе осужденных декабристов многих из тех, кого он видел на проводах брата, донес, что Д. И. Завалишин «скрыл многих, особенно иностранцев», и что брат (Дмитрий.— К. К.) «получил огромные деньги из-за границы». Однако нелепость его доноса на родного брата была немедленно

обнаружена, за что он был осужден «к лишению всех прав и к ссылке в Сибирь».

Но Дмитрий Завалишин, к этому времени уже осужденный, обратился через Левашова¹⁴² к царю с письменной просьбой смягчить приговор Ипполиту, чтобы облегчить участь семьи. Ипполита разжаловали в рядовые, но не лишили дворянства. Он был отправлен в Оренбург. Здесь, «пользуясь тогдашнею безгласностью, в объяснение своего осуждения придумал такую историю, будто бы он был осужден за попытку освободить «Дмитрия из крепости». «В Оренбурге Ипполит выдал себя за декабриста, завлек несколько прапорщиков и юнкеров в сохранившиеся будто бы отрасли тайного общества и затем донес сам же и на них». И опять предатель не избежал наказания: Ипполит был вновь сослан на каторжные работы в Нерчинск. Отсюда он был направлен на поселение, где опять «считался и выдавал себя за декабриста».

Таким образом, Д. И. Завалишин разоблачает Ипполита как самозванного декабриста, который ловко использовал «внешнее сходство с историей декабристов в Сибири» и «сделался... двойником» своего брата — подлинного декабриста¹⁴³.

С пребыванием Л. Н. Толстого в Оренбургском крае связано и появление рассказа «За что», в основу которого положен эпизод из книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга»¹⁴⁴. Герой рассказа Иосиф Мигурский — участник польского восстания 1830—1831 гг. был сослан солдатом в линейный батальон в Уральск. Его жизнь здесь была однообразной и тяжелой, хотя он и «жил не в казармах, а на своей отдельной квартире», что противоречило суровым требованиям Николая I. Действительно, командир батальона, в котором числился Мигурский, «был полуграмотный, выслужившийся из солдат... понимал положение бывшего богатого, образованного молодого человека, лишившегося всего, жалел его и уважал и делал ему всякого рода послабления»¹⁴⁵.

Жизнь Мигурского в Уральске резко изменилась с приездом из Польши Альбины, младшей дочери пана Ячевского, друга отца Иосифа. Из Оренбурга был выпущен ксендз, который и обвенчал молодых людей.

Через пять лет на Мигурских обрушилось страшное горе: умерли после болезни дети. И в это тяжелое для

них время приехал в Уральск ссыльный поляк Росоловский, участник провалившегося «возмущения и побега» поляков из сибирской ссылки. Под его влиянием у Альбины и Иосифа созревает план побега. Мигурский на время должен был скрыться, оставив одежду на берегу Урала. Версия об его «утоплении» должна была быть подтверждена соответствующей запиской. По прошествии известного времени Альбина начинает, как вдова, ходатайствовать о выезде на родину с прахом детей. Для гробов будет сделан специальный ящик, в котором спрячется Иосиф, а гробы — оставлены в могиле. В Саратове беглецы намеревались нанять лодку и по Волге добраться до Каспия, а оттуда в Персию или Турцию. Но беглецов погубила случайность: разговор Мигурских был услышан провожатым казаком-уральцем, выходящим из среды богатого казачества Данилой Лифановым, который незамедлительно донес полиции. «Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь тысячу палок. Его родные... выхлопотали ему смягчение наказания, и его сослали на вечное поселение в Сибирь. Альбина поехала за ним»¹⁴⁶.

Заслуживает внимания в рассказе описание казахстанского пейзажа. Хорошая тройка понесла тарантас ссыльных «по гладкой, как камень, убитой дороге, между бесконечной, непаханной, поросшей прошлогодним серебристым ковылем степью». В полном соответствии с волнением и приподнято восторженным состоянием Альбины и «день был ясный... Со всех сторон расстилалась безграничная пустынная степь, блестящая серебристым ковылем на косых лучах утреннего солнца. Только то с той, то с другой стороны жесткой дороги, по которой, как по асфальту, гулко звучали некованные быстрые ноги... коней, виднелись бугорки насыпанной земли сусликов: на задугах сидел сторожевой зверек и предупреждал об опасности, пронзительно свистел и скрывался в нору. Редко встречались проезжие: обоз казаков с пшеницей или конные башкиры, с которыми казак бойко перекидывался татарскими словами»¹⁴⁷.

К оренбургскому периоду творчества Л. Толстого относится и появление назидательного рассказа «Ильяс»¹⁴⁸. Писатель повествует о судьбе человека, нажившего своим трудом большое богатство, но затем обедневшего и понявшего, что счастье — не в богатстве. К числу причин, способствовавших обеднению Ильяса, относится и случай

угона казахами лучшего косяка лошадей («...косяк лучший киргизцы отбили»).

Итак, приведенные данные вполне позволяют сделать вывод о том, что великий писатель-гуманист проявлял большой интерес к событиям в казахских и башкирских степях, к нелегкой судьбе их кочевых народов.

В 80—90-е годы широкую известность получает имя писателя **Владимира Галактионовича Короленко** (1853—1920), прямым учителем которого в изображении народной жизни был Г. И. Успенский.

Повести, рассказы и очерки Короленко реалистически показывают русскую деревню на рубеже двух веков в период активного наступления капитализма.

Большое общественное звучание имели выступления писателя в защиту прав «иностранческого» населения России, против колонизаторской политики царизма. Короленко внес свой вклад и в освещение казахской темы. В этой связи мы обращаемся к малоизвестным сторонам его творчества.

Летом 1900 г. В. Г. Короленко совершил поездку в область Уральского войска. Заинтересовавшись характером пугачевского восстания, он хотел познакомиться с изустными преданиями народа о вожде Крестьянской войны и его сподвижниках. Намеревался Короленко поработать и в местном архиве. Писатель с семьей поселился на даче, в семи верстах от Уральска, где прожил с июня по декабрь 1900 г. Отсюда он совершил поездки по казахским станицам и казахским степям. Короленко занимали вопросы не только далекого прошлого, но и современной ему действительности. Он внимательно наблюдал своеобразную жизнь уральских казаков и особенности быта местного кочевого населения.

Собранный писателем богатый материал послужил основой для серии очерков, объединенных общим заглавием «У казаков»¹⁴⁹. Впервые они были опубликованы в конце 1901 г. в XI и XII книжках «Русского богатства».

О своих очерках Короленко писал в письме к Ф. Д. Батюшкову от 6 сентября 1901 г.: «Это просто бесхитростное изложение впечатлений, встреч, картин степной природы, вообще то, о чем я много рассказывал в разговорах».

Очерки передают интересные размышления писателя об управлении и административном устройстве в казахских степях. В них критикуется правительственная поли-

тика, анализируются причины взаимного недоверия казахского населения и коренных жителей, приводятся новые данные о проникновении русской земледельческой культуры и первых русских переселенцах, мирно «просочившихся» через границы степи. В очерках содержатся интересные наблюдения писателя за бытом и нравами кочевников, высказывания о казахской песне и музыке. Страницы очерков, посвященные казахам, проникнуты глубоким сочувствием к судьбе народа.

Во время пребывания в казахских степях Короленко вместе со своими илецкими знакомыми посетил аул Ирджана Чулакова, бывшего управителя Карачаганской волости. Сопровождавшие писателя местные обыватели рекомендовали ему быть «поумнее» и «уважать обычаи». «От кумыса не отказывайтесь, ешьте побольше,—напутствовали его.— Да вы смотрите на нас, как мы, так и вы... А первый кусок, который вам подаст хозяин, отдайте обратно. Ему будет лестно».

Писатель дал детальную портретную характеристику Ирджана Чулакова, этого почтенного и даже несколько повелительного человека, хотя илецкие знакомые звали его в разговоре между собой уменьшительным именем Ирджанка. «Вообще вся фигура напоминала скорее солидного степного помещика»,— писал автор. Чулаков «был одет в кафтан, вроде поддевки из чесучи, такие же брюки, засунутые в голенища лакированных сапог; на голове у него была темная войлочная шляпа».

Хозяин принял гостей «с спокойным достоинством». «Внимательно оглядев» их и «как бы взвесив что-то», он подозвал работника и отдал распоряжение. Вскоре огонь около одной из юрт разгорелся ярче, и раздался крик молодого барашка, «невинной жертвы... неожиданного» посещения русских. В. Г. Короленко привлекали этнографические особенности казахов. Он внимательно наблюдал за своеобразной жизнью аула и впоследствии писал: «Вся картина казалась мне обрывком прошлых времен, отголоском какого-то далекого и давно прожитого быта».

В. Г. Короленко интересовало пугачевское восстание. Однако о нем «в киргизской степи сохранилось мало воспоминаний»,— сожалел писатель. Зато в песнях «домрачеев» (домбраши.— К. К.) больше сохранилось «о борьбе киргиз с калмыками». В. Г. Короленко писал, что род хана Абулхана, «современный пугачевскому движению, перевелся». Ирджан Чулаков из четырех сы-

новой хана знал Нурали (о котором рассказали русские историки) и Айчувака. После пугачевского бунта, читаем у Короленко, казах «простого рода батыр Сарым-Дач (Срым Датов.— К. К.) поднял восстание». Ему удалось «склонить на свою сторону семь родов Джетрусской орды (Малой орды.— К. К.), после чего сын Нурали — хан Букей ушел со своей ордой на Волгу». «Один из сыновей Айчувака был известный Бай-Мухамедов, заслуженный боевой генерал, пользовавшийся большим влиянием в Петербурге. Благодаря несчастной случайности, он утонул во время бурного разлива Урала». Чулаков сообщил также писателю, что один из потомков хана Айчувака служит приказчиком у русского купца, другой — кочует в степи.

Внимание В. Г. Короленко привлекло и то, что «на место этих чингисхановичей выдвинулись (благодаря, вероятно, политике правительства) новые люди, незнатного рода». К последним относился и Ирджан Чулаков. Он воспитывался в Оренбургском кадетском корпусе, был на военной службе, участвовал в хивинском походе, за что получил несколько знаков отличия.

Когда же речь зашла о более отдаленных исторических событиях, то «в преданиях о них фигуры батырей в роде Сарыма-Дача закрывают ханов», — писал автор. Имея это в виду, Короленко сожалел, что «историческая перспектива давно потеряна и, отражая действительные события, преломляется смутно, неопределенно и порой странно».

Несмотря на то, что в литературе многократно описаны приемы угощения у казахов, большой интерес представляют и впечатления самого Короленко. Русские гости сидели на полу обширной юрты, по-казахски подогнув ноги. Писателю подали подушки, что показалось ему гораздо более удобным. Когда появился котел с бараниной, хозяин придвинул его к себе и, взяв голову с тусклыми сварившимися глазами, подал ее писателю. Помня наставление своих спутников, Короленко вернул ее хозяйину, который «слегка кивнул головой и стал крошить мясо». «Для этого, вымыв предварительно руки, он брал куски из котла и крошил их ножом в деревянную чашку. Затем, вынув глаза, он с видимым удовольствием съел их и, разломав череп, подавал куски головы гостям».

Когда кушанье было готово, один из спутников писателя сказал: «Ну, теперь смотрите, как надо есть». И да-

лее автор иронически описывает, как этот «знаток» казахских обычаев начал есть: «Он засунул всю пятерню в чашку и, захватив полной горстью куски баранины, закинул голову и поднес все это ко рту. Жир стекал ему на бороду, но он ловко хватал ртом куски и облизывал пальцы. При этом он чавкал, чмокал и жевал так громко, что вся кибитка наполнилась этими звуками».

Заметив, что писатель затрудняется последовать примеру, хозяин кивнул женщинам, и ему тотчас же подали тарелку с вилок. Между тем «знаток» обычаев «совал пальцы в рот еще дальше и обсасывал их еще громче». Сами казахи «делали почти то же, но как-то иначе и проще, так что от столь демонстративного проявления «уважения к обычаю» писателю «становилось неловко». И уж совсем «неловко» стало автору, когда один из захмелевших его спутников-торговцев «руками хватал за талию» женщину, прислуживавшую гостям. Между тем «хозяин следил за этими манипуляциями внимательным взглядом, как бы готовый остановить проявление «русских обычаев» на известной ступени... Но женщины иногда с улыбкой, а большей частью со спокойным достоинством уклонялись и скользили мимо».

Когда в конце ужина гостям преподнесли свежий кумыс, появился и домбрист. Молодой казах, войдя в юрту, поклонился. В его походке и манерах автор заметил «некоторое достоинство». «На ремне через плечо у него висела домбра, нечто среднее между балалайкой и гитарой, с двумя струнами и очень длинным грифом. Ему тоже поднесли кумысу и затем постлали ковер в середине кибитки. Усевшись по-восточному, он настроил домбру, окинул нас взглядом черных быстрых глаз и, слегка приподняв голову с торчащей черной бородкой, стал петь».

Звуки казахской песни показались писателю своеобразными и странными: «Сначала они бежали, нагоняя друг друга и как бы сталкиваясь, потом становились медленнее и заканчивались долгим тягучим отголоском, как бы замирающим в отдалении». Короленко заметил, что «певец, видимо, щеголял этими последними нотами, которые дрожали, волновались, ломались и трепетали, то совсем замирая, то оживая вновь и опять разгораясь, чтобы стихнуть едва заметно, задумчиво, с какой-то особенной печалью, в которой дрожали отголоски каких-то далей... без конца, без края, без определенных образов и только с безграничной унылой тоской».

Звуки казахской песни «настраиwали» автора «особенным образом». Ему казалось, что домбрист «поет что-нибудь о старине этих степей».

Один из захмелевших гостей стал подпевать домбристу, а затем между ним и певцом «установился настоящий диалог». Казахи и русские, «понимавшие значение этого состязания, только улыбались». Однако и те и другие единодушно признали, что если певец и поет «не как настоящий поэт, то во всяком случае, как настоящий казах».

В. Г. Короленко дал правдивое описание «зимнего аула»: его убогих землянок, размытых дождями, «с плоскими крышами, на которых росли степные травы». С писателем произошел любопытный эпизод, связанный с переправой через ветхий мостик. Когда путешественники не без опасности перебрались через речку, к ним подъехал стройный джигит, который потребовал от имени какого-то хана плату за переправу. Получив мелкую серебряную монету из рук Короленко, джигит подскакал к мальчику и почтительно подал ему дань. Тот с детской живостью стал показывать монету женщинам, сидевшим в телеге.

В. Г. Короленко красочно описал базар в Карачагане: «В обширных загонах тупо переминались и по временам глухо ревели быки, косяки лошадей нервно бились на местах, то сбиваясь в кучи, то порываясь в степь. Пастухи в остроконечных шапках и с длинными укрюками (крук.— К. К.) в руках шныряли между ними, водворяя порядок».

Живописные фигуры казахов в ватных халатах (не смотря на знойное утро) заполнили всю площадь. Автор заметил, как «солидные джигиты, закрывшиеся зонтиком от палящих лучей солнца, съезжались кучками и соткнув морды лошадей, беседовали друг с другом, делаясь новостями и, может быть, запасаясь политическими известиями о войне, чтобы развезти их по степи, которая уже претворит и преломит их по-своему».

От острого глаза писателя не ускользнуло и то, что в других местах базара «сходились или съезжались на поджарых и тощих лошадях работники и бедняки». Автор подчеркивает, что ему «нигде не доводилось... видеть таких невероятно живописных лохмотьев». Он обратил внимание и на казахских ремесленников. Так, на самом краю базара кочевой кузнец-казах «раскинул убогую

кибитку, всю просвечивавшую изодранными циновками, и его молотобоец раздувал мехами жаровню».

В Карачагане находилось волостное правление, расположенное в двухэтажном каменном здании, одна из комнат которого была отведена для заседаний выборных биев. Волостной писарь любезно показал писателю дом, а также небольшую каморку — «кутузку», добавив, что «еще недавно существовало для казахов телесное наказание, но оно до такой степени оскорбляло вольных сынов степей, что его упразднили». Короленко считал, что для казахов «и заключение является карой очень суровой». Тем более, что даже писарь говорил: «Очень они этого не уважают... Поверите, плачут, как дети. Народ степной, вольница. Ему лестно на свежем воздухе».

В. Г. Короленко высказал несколько серьезных замечаний о системе управления казахами Оренбургской губернии. В частности, он писал, что казахам «Оренбургского ведомства очень не везло насчет административного устройства и управления». В то время, как при устройстве сибирских казахов «принимались в соображение исторические условия быта и нужды» («что по общим отзывам давало отличные результаты»), приуральные казахские степи «служили ареной постоянных экспериментов другого рода: правительство издавна поддерживало здесь ненавистное народу потомство Абулхаира, стараясь управлять при посредстве высшей аристократии».

По мнению автора, указанные попытки правительства «никогда не удавались», и в среде ближайших казахских «соседей происходили замешательства, беспорядки и непонятные мгновенные вспышки». Причиной их автор считал игнорирование черт родового быта, безнадежную запутанность земельных отношений отдельных родов, неоднократные приемы перекраивания степи «на разные лады». Короленко совершенно верно отметил, что «старое родовое устройство стиралось не в пользу каких-нибудь устроительных начал. Его место занимала простая путаница, ловкие захваты и все большее **утеснение бедноты**» (подчеркнуто мною. — К. К.).

Анализируя административное устройство казахских степей, Короленко обратил внимание на то, что «основанием этой системы внизу является аул... Несколько аулов соединяются в волости с выборным управителем... и волости и управители подчинены уездному начальнику, чиновнику, назначаемому правительством». Писатель

считал, что эта «система очень далека от совершенства», поскольку «управители и бии являются представителями интересов степных богачей... экономически страшно обездоливающих массы».

В. Г. Короленко были известны слухи о предстоящей новой реформе, при которой волостные управители также будут назначаться правительством. Однако писатель был твердо убежден, что и эта «реформа, в направлении чисто бюрократическом» не устранил крупные недостатки в управлении краем. Писатель рекомендовал учитывать истинные интересы народа.

Говоря о «недоверии, с каким относится местное казачье население к видимому спокойствию» в казахской степи, автор считал, что «отчасти здесь говорит, конечно, «старая кровь», память о борьбе и взаимных обидах, незаконченные земельные споры и т. д.». В беседах с писателем некоторые местные жители были склонны считать причиной указанного «недоверия» так называемый «мусульманский прозелитизм». На это Короленко справедливо отмечал, что мусульманство у казахов «еще недавнего происхождения» и потому казахам «чужды до сих пор не только фанатизм, но и особенно усердие в вере».

Ссылаясь на Г. Н. Потанина, указывавшего, что это явление исходит «из глубины мусульманской Азии», Короленко вместе с тем отмечал веяние и с другой стороны. Речь идет об обращении в православие в прошлые века прикамских и приволжских татар «часто недостойными христианства мерами». Писатель иронически замечал «бумажное» обращение: татар заносили в списки православных, а они целыми поколениями оставались в мусульманстве. Однако впоследствии, когда оживилась «административно-миссионерская деятельность», против этих фактических мусульман из-за их бумажного православия было выдвинуто обвинение в «отступничестве», что вызвало цепь беспорядков и волнений. Муллы, ходжи разнесли известия об этих событиях «по всем концам», что дало пищу «мусульманскому прозелитизму» даже в «малозатронутых» до сих пор казахских степях.

Поэтому Короленко внимательно прислушивался к мнению лиц, утверждавших, что «перенесение подобного же миссионерского усердия за Урал (то есть в казахские степи.— К. К.) могло бы стать источником больших усложнений и задержало бы надолго действительное воздействие русской культуры».

Во время поездки Короленко познакомился и с русскими переселенцами — «авангардом мужицкой Руси в дикой степи». Он писал, что «съемка земли у киргиз (казахов.— К. К.) воспрещена законом, русского мужика или казака не пускают с сабаном через границу степи». Но все же мужики проникали в степь, нанимались к зажиточным казахам. Эти наемные работники становились «настоящими учителями нового еще у хозяев земледелия». Вместо платы они получали «право пахать и сеять уже на себя». Автор указывал, что, конечно, положение такого земледельца очень шатко. Юридически посев принадлежит казаху, однако «еще не было случая», чтобы казахи «воспользовались этим формальным правом».

Заключая свою беседу с мужиками, писатель с удовольствием отмечал: «Вообще, в противность отзывам казаков, отзывы о киргизах этих пришлых мужиков чрезвычайно благодущны». В одной из избушек он беседовал со старухой, все лицо которой было в морщинах, и «из каждой морщины глядело что-то необыкновенно привлекательное, простодушное и доброе». Старуха охотно отвечала на его расспросы и заявила, что казахи «народ добрый» и «жить ничего, можно».

В. Г. Короленко писал, что «так тихо и просто просачивается сюда, за степную заветную грань земледельческая Русь, заноса с собой борону, соху, веялку, новое отношение к земле, новые верования или только смутные их искания, новые нравы и... новые могилы».

Автора покоряют красота степи, и ее «спокойная нега, степное раздолье охватывает и баюкает его». Любуется он и чудесным степным закатом. Его внимание привлекают и маленькие степные станции с по-казахски («по-монгольски») звучащими названиями. Писатель видит степной поселок, принадлежащий местному богачу, скотопромышленнику, владевшему «в вольной степи» несколькими хуторами и десятком тысяч голов скота. По степным дорогам двигались телеги с бородатыми мужиками, «ковыляли» верблюды. Во встрече всадника на верблюде с велосипедистом автор увидел символическую встречу величавой Азии с юркой и подвижной Европой.

Таким образом, из сказанного достаточно четко предстает идейно-творческая позиция В. Г. Короленко, последовательного демократа и гуманиста, смело выступавшего в защиту попранных прав казахского и других народов России.

* * *

Как видно из обзора, интерес лучших представителей русской демократической литературы к жизни, быту и поэтическому творчеству казахов был закономерен. Именно во второй половине XIX в. особенно заметно проявился многонациональный характер русской литературы, чему способствовали прежде всего сложившиеся исторические и экономические условия. В этот период утверждаются прочные основы единения русского с другими народами, добровольно вошедшими в состав России, что повлекло за собою важнейшие прогрессивные социально-экономические и культурные последствия. Передовые деятели русской культуры и литературы стремились понять психологию, узнать прошлое и настоящее братских народов, связанных с Россией общей исторической судьбой, помочь им в их движении вперед.

Участие русских классиков в становлении и развитии русско-казахских литературных отношений, несомненно, придало этим связям особый, высокохудожественный характер и оказало огромное влияние на утверждение демократического и гуманистического направлений в казахской национальной литературе. Вместе с тем русские писатели-классики тоже почерпнули немало, используя в своем творчестве материалы казахской устной поэзии, казахские образы, темы, сюжеты.

Таким путем закладывались основы дальнейшего развития взаимосвязей двух литератур.

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ
И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Появление на исторической арене в 50—60-х годах прошлого столетия даровитого казахского ученого, мыслителя и литератора Ч. Ч. Валиханова было обусловлено целым рядом факторов. Семья Валиханова была предана интересам России¹ и многие ее члены, в том числе отец Чокана Чингис, издавна были приобщены к русской культуре. Учеба Чокана в Омском кадетском корпусе, тесное общение его с семействами прогрессивно настроенных русских чиновников, встречи в их среде с образованными литераторами, художниками, путешественниками, чтение русской литературы — все это оказало значительное влияние на формирование личности Чокана.

У юноши быстро развивалась живая любознательность ко всему новому. Он стал мечтать о далеких странствованиях, о проникновении в глубь таинственной Азии. Известно, что эти юношеские мечты нашли реальное воплощение: в 1858—1859 гг. Ч. Валиханов совершает труднейшее путешествие в Восточный Туркестан. Его имя становится в ряд имен выдающихся путешественников XIX в. Однако еще до этого он осуществил поездку «на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов», как пишут в своей рекомендации П. П. Семенов² и В. И. Ламанский³ при избрании его 21 февраля 1857 г. действительным членом Русского географического общества⁴.

Важно следующее указание П. П. Семенова о роли Ч. Ч. Валиханова как первого исследователя «ближайших... частей Тянь-Шаня». Именно им «был проложен»

путь в эти районы. В 1858 г. офицер русской армии, казах Валиханов в «своем национальном... костюме» пробрался с торговым караваном через Заукинский перевал в Ташкент и собрал там много интересных научных этнографических и статистических данных, которые в последующем разрабатывал под руководством П. П. Семенова-Тянь-Шанского⁵.

После блестящих результатов путешествий Валиханова в различные районы Тянь-Шаня, Ташкент и Кульджу по инициативе и при поддержке некоторых видных русских ученых и дипломатов (Е. П. Ковалевского, П. П. Семенова и др.) ему было поручено важное государственное задание — проникнуть в закрытую для европейцев Кашгарию (Восточный Туркестан), входившую в состав Цинской империи. В 1856—1858 гг. Семенов указал генерал-губернатору Гасфорту на то, что Валиханов «был единственным из состоящих в то время при генерал-губернаторе офицеров, который будучи послан в национальном киргизском (казахском.— К. К.) костюме в Кашгар, мог бы, по своему развитию и талантливости, собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алтышара и разъяснить причины происходивших в то время смут в Восточном Туркестане, находивших себе отголосок и в русских пределах»⁶. Как видно, не только выбор кандидатуры Валиханова, но и постановка перед ним очень сложных задач — все это целиком принадлежало знаменитому русскому ученому, который сумел отличить молодого казаха-офицера от окружающих по степени его «развития и талантливости».

Крайне рискованное путешествие Ч. Валиханова, продолжавшееся почти 11 месяцев, закончилось 12 апреля 1859 г., когда он прибыл в Верный. Утомительное путешествие подорвало его здоровье, однако в Омске Чокан продолжал напряженно работать над отчетом. В конце 1859 г. молодой ученый выехал в Петербург, куда он привез ряд ценнейших восточных рукописей, а также образцы горных пород, гербарий, нумизматическую коллекцию и т. д. Участники этой беспримерной экспедиции были награждены⁷.

Результаты экспедиции Ч. Ч. Валиханова в Восточный Туркестан были высоко оценены в научных кругах России⁸.

Особенно плодотворным в творческой биографии Валиханова был 1860-й — петербургский год его жизни. Для Чокана это было время напряженного труда: в печати появляются первые его публикации о путешествии в Восточный Туркестан⁹, он выступает с сообщениями на заседаниях Географического общества, составляет в Генеральном штабе карту Малой Бухарии и долины озера Иссык-Куль, трудится в Азиатском департаменте министерства иностранных дел, посещает лекции в университете, пишет статьи о казахах и т. д. Кроме того, Валиханов заводит широкий круг знакомств среди передовых русских писателей и ученых. У него проявились глубокие интеллектуальные интересы к многообразным сторонам жизни столицы. В «Истории полувековой деятельности Русского географического общества (1845—1895)» есть замечание П. П. Семенова: «Изучив французский и немецкий языки, Валиханов приобрел замечательную эрудицию ко всему, что касалось Центральной Азии».

Вместе с тем неизменным оставался глубокий интерес Валиханова к вопросам истории народов Казахстана, Средней Азии и Сибири и их взаимоотношениям с Джунгарией и др. Об этом свидетельствуют многочисленные рукописные документы XVIII в., собранные казахским ученым, а также его выписки из архивов Омска и путевых записей путешественников. Особенно привлекали внимание Чокана сведения знаменитых европейских путешественников Платона Карпини, Асцелина, Рубрука, и др.¹⁰. Владея некоторыми европейскими языками, он читал их труды в оригинале.

Следует также отметить определенную направленность читательских интересов Валиханова. Так, знакомясь с материалами «Азиатского вестника» (1825, № 1 — 5), он особо отмечает «любопытную статью» «Новейшее описание Великой Бухарии», в «Записках Русского географического общества» изучает и реферiert статью К. Боде «О туркменских поколениях»¹¹ и т. д.

Валиханов внимательно изучает политическую обстановку на Востоке, его интересует даже генеалогическое древо среднеазиатских и джунгарских правителей. Любопытно, что в древе о хонтайше Баторе упоминается имя Шуна, о котором в архиве востоковеда В. В. Григорьева обнаружена запись, принадлежащая, по-видимому, перу Валиханова¹². Вероятно, эта запись попала к Григорьеву во время его работы на посту пред-

седателя цензурного комитета, но, возможно, что ученый получил рукопись непосредственно от самого Валиханова, с которым был знаком лично.

О широте научных интересов Чокана можно судить и по его заметкам о картографических и географических трудах, посвященных Азии, в частности, к «Общему земледоведению» К. Риттера. Прекрасно эрудированный и хорошо знавший Среднюю Азию и Казахстан, Валиханов критически оценивал труды известных европейских ученых А. Гумбольдта, К. Риттера, Клапрота и др.

Ч. Ч. Валиханова следует считать одним из тех, кто впервые в нашей стране положил основу топонимики. Так, в работе «Несколько маршрутов Потанина»¹³ он объясняет происхождение названия речки Атасу (легенда о слезах отца, потерявшего единственную дочь: ата — отец, су — вода (слезы) и горы Чекоман («Будь здоров» — «Чек, аман», — произнесла девушка, проплывая мимо любимого, стоявшего на горе) и др.

Интенсивная работа в различных ведомствах Петербурга и его влажный климат вызвали обострение болезни. Тяжело больным Валиханов в 1861 г. вернулся в родные места, где продолжал заниматься самыми разнообразными вопросами, связанными с изучением казахской степи. Он готовит, например, свои записки по Кашгару для изданий Географического общества, собирает много казахских, киргизских сказок, эпических сказаний, песен, поговорок и пословиц, изучает казахские законы обычного права. Неистребимая жажда деятельности, несмотря на слабое здоровье («Здоровье мое все еще плохо, и доктора не позволяют теперь выехать в дорогу, поэтому я остаюсь до лета, до августа»), толкает Валиханова даже на попытки проведения метеорологических наблюдений, для чего в письме от 2 января 1862 г. он просит профессора А. Н. Бекетова¹⁴ похлопотать в обществе, чтобы ему выслали приборы.

Чокан, как известно, прожил недолгую, но яркую жизнь, полную исканий и творческого горения. Он внес крупный вклад в развитие отечественной географии, этнографии, востоковедения, тюркологии, истории, литературоведения. Это был по-настоящему даровитый и крупный ученый. Однако его таланту исследователя не суждено было полностью раскрыться не только из-за чрезвычайно короткой жизни, но и косности, зависти окружавших его людей и администрации края.

Научные труды Ч. Ч. Валиханова, как уже отмечалось, получили высокую оценку крупнейших русских и зарубежных ученых. О значении его работ писали П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Аристов, И. В. Мушкетов¹⁵ (он упоминает, в частности, о коллекции горных пород, собранных Валихановым в Восточном Туркестане), Г. Е. Грум-Гржимайло, В. В. Бартольд, Ф. Р. Остен-Сакен, Н. М. Ядринцев, Л. С. Берг и др.

Здесь мы ограничимся приведением лишь некоторых отзывов, отослав интересующихся этим вопросом к Собранию сочинений Ч. Ч. Валиханова. Автору «Истории русской этнографии» (1892) А. Н. Пыпину Потанин писал неоднократно, подчеркивая роль Ч. Ч. Валиханова как ученого и исследователя Восточного Туркестана.

Н. И. Веселовский, первый издатель Собрания сочинений Валиханова (1904), писал: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения... Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов»¹⁶.

Будучи офицером русской армии, Ч. Ч. Валиханов оставался верным сыном своего народа, полагая, что судьба его тесно связана с Россией. Ученый мечтал о культурном единении казахов и русских.

Значительную роль в формировании передовых взглядов Валиханова сыграло его непосредственное общение со многими виднейшими деятелями русской науки, литературы и культуры, в частности, многолетняя дружба с Ф. М. Достоевским (их знакомство состоялось в 1854 г. в Омске). Но прежде чем перейти к анализу их отношений и творческих взаимосвязей, важно остановиться на следующем моменте.

В научной литературе еще недостаточно уделено внимания деятельности Валиханова как писателя, критика и переводчика. В самом деле, его рецензия на третью часть известной книги А. И. Левшина¹⁷ поражает читателя четкостью и определенностью позиции молодого критика. Валиханов в ней показал себя знатоком многих вопросов, поднятых маститым автором. Так, он замечает, что «Левшин слишком увлекся невежеством описываемого народа» и при этом допустил путаницу между религией и суевением. Валиханов обращает внимание на

гостеприимство, сострадательность казахского народа и считает, что это достойно подражания и просвещенного европейца.

В своей книге Левшин допустил ряд неточностей при переводе казахских реалий. По этому поводу Валиханов высказал интересные мысли и замечания. Например, он отметил неверный перевод слова «акбура», что означает «белый верблюд», а не «белый волк», как у Левшина¹⁸. При этом рецензент спокойно и по-деловому объясняет причину ошибки.

Заслуживают внимания и неологизмы в замечаниях Валиханова. Вступая в полемику с Левшиным, он отмечал, что казахи «не признают шайтана за божество». Вот почему они, даже «бросая обьедки и кости... произносят бисмилла», то есть «во имя бога». Эту «процедуру» казахи проделывают, будучи уверенными, что «бисмиллованные» кости не доступны злему и нечистому духу¹⁹. Неологизм «бисмиллованные» интересен и в другом отношении: свидетельствует о простом, лингвистическом, даже «святотатственном» отношении молодого Валиханова к словам священной книги мусульман. Не случайно, что впоследствии в одном из своих писем он писал о существовавшем в казахской степи мнении о нем, как о неверующем.

О несомненном литературном даровании Валиханова свидетельствуют его этюды под пародийным названием «Трактация о романах вообще, о романах, написанных е. п. самим (Дневниковые записи 27 февраля 1856)»²⁰, в которых он с тонкой иронией высмеивает хвастовство генерала Гасфорта. Последний в передаче Валиханова напоминает печально знаменитого Хлестакова. Не случайно генерал ненавидит Гоголя, считая его очередным литературным «идолом», а его «Ревизора» — полным бесконечной лжи. Здесь поведение Гасфорта вполне «объяснимо»: он видел в гоголевском герое своего двойника. В самом деле, как по-хлестаковски превозносил себя Гасфорт, говоря: «Конечно, ты, жена, удивишься, когда узнаешь, что я, да я — твой муж, писал тоже романы». Этот новоявленный «романист» высказывает безапелляционное и грубейшее суждение о Гоголе («вот еще один идол — Гоголь») и о Жорж Занд («пресловутая Жорж Занд», «вздорная баба»). К счастью, главным призванием Гасфорта, по его же выражению, оказалось «быть генералом». Вместе с тем верхом хвастовства «романи-

ческого» губернатора является его утверждение: «Сам я писал вроде Диккенса»²¹.

Важно, что сатира Валиханова имела точный адрес. Так, А. Е. Врангель писал о генерал-губернаторе Г. Х. Гасфорте: «Он так пуст и глуп, что много говорить о нем не буду», а о генерале Фридериксе: «Добрый, отличный человек, но глуп, как пробка». Отсюда ясно, что именно эти ограниченные люди служили мишенью ядовитых насмешек молодого Чокана.

Литературные занятия привлекали Валиханова и в относительно более зрелые годы (как известно, он прожил всего 30 лет). Так, прекрасно владея тюркскими наречиями, Чокан свободно переводил на русский язык отрывки из поэмы «Манас» («Смерть Кукотай-хана и его поминки»). Об этом переводе с восторгом писал Н. И. Веселовский. В 1902 г. на заседании Русского археологического общества он сделал доклад на тему «О поэме «Манас» в записи и переводе Ч. Ч. Валиханова». Русский ученый с восхищением говорил, что Валиханов «превосходно усвоил русский язык и до какой степени силы и образности умел передавать по-русски сжатую киргизскую речь»²². В научных трудах Чокана, дневниковых записях и в особенности его небольшом эпистолярном наследии чувствуется особый, валихановский стиль, что также служит показателем его большого литературного дарования.

Литературоведческая деятельность Валиханова, связанная с тщательным изучением образцов произведений устного творчества тюркоязычных народов, заслуживает особого внимания. Помимо записи киргизского эпоса «Манас», Чокан записал также казахскую поэтическую легенду «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», впоследствии опубликованную в «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина (ч. 3, Казань, 1876, стр. 70—162), затем эпос об «Идиге», который был им же переведен на русский язык и опубликован в сочинениях казахского ученого, вышедших в 1904 г. под редакцией Н. И. Веселовского²³.

Литературное дарование Чокана нашло отражение в его научных трудах и дневниках («О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)», «Очерки Джунгарии», «Записки о киргизах», «Аблай», «Киргизское родословие», «Записки о судебной реформе», «Следы шаманства у киргизов», «О мусульманстве в степи» и др.), в кото-

рых читатель обращает внимание на остроту и занимательность изложения, сжатость и образность слога автора, едкий сарказм и тонкий юмор. Именно эти стороны таланта Валиханова позволили Г. Н. Потанину заявить, что «если б Чокан имел в киргизском (казахском.— К. К.) народе читающую среду, он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единоплеменников».

В 1856 г. Валиханов, находясь в Кульдже, изучает китайский язык и отмечает, что он «состоит из односложных звуков». К сожалению, составленный им словарь китайских, монгольских и тюркских слов остался незавершенным. Для ориенталиста Валиханова интересно было отметить наличие смешанного языка у местного населения. По его мнению, этот язык состоял из небольшого числа глаголов, которым придавали множество значений, и нескольких имен существительных.

Любопытны меткие характеристики, данные Валихановым жителям различных районов Восточного Туркестана. Он считал, что «аксуйцы известны за самых добросердечных людей», «но имеют общую всем туркестанцам страсть к тяжбам. Яркендцы от природы робки... любят зрелищные увеселения и пиршества. Женщины хорошо поют, пляшут и знают разные фиглярства... Беки наживаются населением и высасывают все. Хотанцы красивы, добросердечны, нет ни лени, ни притворства. Прилежат земледелию и ткацкому ремеслу»²⁴.

Нельзя без восхищения читать полные сарказма строки Валиханова, посвященные характеристике чинских чиновников: «В Китае,— писал он,— вместилищем разума принимается желудок: если у вас замечательной величины брюхо, то, очевидно, что у вас замечательный ум». Один из китайских чиновников «сильно тщеславился своим «умом», и он «пристально всматривался в... желудки» русских путешественников, «чтобы узнать степень... мыслительной силы» их. «Увидев поджарые... субъекты, он презрительно отвернулся и особенно гордо заковылял, из чего было ясно,— иронизировал Чокан,— что о нас, русских, составил мнение самое невыгодное относительно умственной силы»²⁵.

Вместе с тем автор с резким возмущением писал о социальном зле в провинции. Так, наместник главы Западной провинции Китая, по мнению Валиханова, был «совершенный трехбунчужный паша», потому что «он

пьет, ест за счет народа. Мясники доставляют каждый день мясо, портные шьют платье, каменщики поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят всякие границы». Вместе с тем Чокан нашел много теплых слов, чтобы описать «веселость... безыскусственных детей природы», какими он считал китайских детей.

Валиханова всегда привлекала деятельность журналиста. Его статьи, очерки публиковались не только на страницах изданий Географического общества, но и в «Русском инвалиде» (статьи «О Баян-Аульском округе», 1857, № 195; «Восстание дунган в Западном крае Китайской империи», 1865, № 51). «Русский инвалид», где редактором был друг Ч. Ч. Валиханова Д. И. Романовский²⁶, опубликовал отзывы английской печати на труды казахского ученого, а также сообщение о выходе переводной книги Д. и Р. Митчелл «Русские в Средней Азии по исследованиям капитана Валиханова, М. Венюкова и других путешественников» (Лондон, 1865).

Несомненный интерес представляет факт публикации в герценовском «Колоколе» (1862, № 131, стр. 1089—1092) статьи «Отрывок из письма к издателю», где, по утверждению Г. Н. Потанина, использованы материалы Валиханова²⁷.

Первое знакомство Чокана с «Современником» состоялось еще в годы его учебы в кадетском корпусе. С тех пор и до самой смерти он сохранил верность этому органу печати революционеров-демократов. «Современник» Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова весьма оперативно откликался на события в казахских степях, помещая статьи Е. П. Ковалевского, К. Губарева и др. Особый интерес привлекает статья Губарева, в которой, вопреки официальным взглядам царской администрации, автор подчеркивает, что казахи «очень охотно учатся грамоте и вовсе не имеют предубеждения против нее» и далее: казахи «вообще... очень восприимчивы к цивилизации». В связи с этим автор характеризовал Ч. Ч. Валиханова как личность способную, развитую и дельную²⁸.

Будучи тяжело больным и находясь в степи, Валиханов просил петербургских друзей подписать его на «Современник», живо и остро переживал «вавилонское пленение» — закрытие журнала на долгие восемь месяцев и с огорчением спрашивал, что будет с журналом.

Поддерживая позицию «Современника», Валиханов отрицательно относился к реакционным и консерватив-

ным изданиям. Так, несмотря на глубокую личную дружбу с Ф. М. Достоевским, он критически оценивал его журналы. В письме Майкову Чокан спрашивал: «Что делают Достоевские?.. Как их журнал?.. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почв^у, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним». В этих строках виден критический подход Валиханова к политической позиции журналов «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864), издаваемых великим писателем. Валиханов не только не поддерживал их направления, он дал об этом понять и в своем письме Ф. М. Достоевскому, прося его самого подписать на «Современник». Это письмо свидетельствует о том, что Чокан четко разбирался в литературно-общественных течениях России 60-х годов XIX в. и открыто, недвусмысленно высказывал свою приверженность к позиции русских революционеров-демократов, к их журналу «Современник».

Об особом пристрастии Валиханова к журналистской деятельности можно судить и по его просьбе к Майкову: он хотел бы быть корреспондентом газеты «Санкт-Петербургские ведомости», чтобы писать «о делах среднеазиатских и киргизских степей», желал бы также печатать казахские сказки, «сходные с русскими» в «Отечественных записках». В этом журнале он предполагал напечатать свои исследования о шаманстве, а также песни «о золотоордынских героях, бросающие новый взгляд на историю этой орды и объясняющие причины падения орды»²⁹.

Этот интерес Чокана сформировался во время его петербургской жизни под воздействием известных русских писателей А. Н. Майкова (1821—1897), Я. П. Полонского (1819—1898), Н. С. и В. С. Курочкиных³⁰ и др.

Но особенно благотворное влияние на Валиханова оказала его творческая дружба с гениальным русским писателем Ф. М. Достоевским, с которым он познакомился в 1854 г. в Омске. Весной того же года писатель был переведен в Семипалатинск.

«Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске,— писал Валиханов 5 декабря 1856 г.,— что теперь только о том и думаю, как еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю»³¹.

Ответное письмо Достоевским было написано 14 декабря. «Письмо Ваше, добрейший друг мой, передал мне Александр Николаевич,— писал он.— Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемоний, что в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! А Вы верно и без доказательства верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если бы на эту тему написать 10 книг,—ничего не напишешь, чувство и влечение—дело необъяснимое. Когда мы простились с Вами из возка, нам было грустно целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас и в запуски хвалили.

Чудо как хорошо было, если бы Вам можно было с нами поехать. Вы бы произвели большой эффект в Барнауле. В Кузнецке (где я был один) (N. В. Это секрет) я много говорил о Вас одной даме, женщине умной, милой, с душой и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил о Вас так много, что она полюбила Вас никогда и не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самими яркими красками. Может быть, эту превосходную женщину Вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе ее друзей, чего Вам желаю. Поэтому и пишу Вам об этом. Я почти не был в Барнауле. Впрочем был на бале и успел познакомиться почти со всеми. Я больше жил в Кузнецке (5 дней). Потом в Змееве и в Локте. Демчинский был в своем обыкновенном юморе во все время. Семенов превосходный человек. Я его разглядел еще ближе. Много бы можно Вам рассказать, чего в письме не напишешь, но когда-нибудь кое-что узнаете.

И вот теперь, когда в душе моей вдруг неожиданно (и ждал и не ждал) накопилось столько горя, забот и страху за то, что мне дороже всего на свете, теперь, когда я совершенно один (а действовать надо)—теперь я раскаиваюсь, что не открыл Вам главнейших забот моих и целей моих, и всего того, что уже слишком два года томит мое сердце до смерти, я был бы счастливым. Дорогой мой друг, милый Чокан Чингисович, я пишу Вам загадки. Не старайтесь их разгадывать, но пожелайте мне успеха. Может быть, скоро услышите обо всем от меня же. Приезжайте сюда возможно скорее к нам, а уже в апреле непременно. Не переменяйте своего намерения. Так хотелось бы Вас увидеть, да Вы верно не соскучитесь.

Вы пишете, что Вам в Омске скучно,— еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов: напишите статью о степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если бы Вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, о Вашей жизни там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы, конечно, знали бы что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге, материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью новой дороги для Вас.

Если хотите будущее лето пробыть в степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года Вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию. Год пробыв там, Вы бы знали, что делать. На год у Вас достало бы средств. Поверьте, что их нужно не так много. Главное не с неким расчетом жить и живой взгляд иметь на это дело. Все относительно и условно. В этот год Вы бы могли решиться на дальнейший шаг в Вашей жизни. Вы бы сами, выяснив себе результат, т. е. решили бы, что делать далее.

Воротаясь в Сибирь, Вы бы могли представить такие выводы или такие соображения (мало ли что можно изобразить и представить) родным своим, что они, пожалуй, отпустили бы Вас за границу, т. е. года на два в путешествие по Европе. Лет через 8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, кто бы растолковал в России, что такое степь, что значит Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать: настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно, будьте уверены — не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе Вашей, мой дорогой Валихан.

Я так Вас люблю, что мечтаю о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и делал судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования европейского. Уже один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решать: как сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще): менее забывайтесь и мечтайте, а больше делайте. Хотя с чего-нибудь да начните, хотя что-нибудь да сделайте для разрешения натуры своей, что-нибудь все-таки лучше, чем ничего. Дай Вам бог счастья.

Прощайте, дорогой мой. Позвольте Вас обнять и поцеловать 10 раз. Помните меня и пишите чаще. Цуриков мне нравится, он прям, но я еще мало знаю его. Съедетесь ли Вы с Семеновым и будете ли вместе в Семипалатинске (приписка на полях)? Тогда нас будет большая компания. Тогда, может быть, много переменится и в моей судьбе! Дал бы бог! Вам кланяется Демчинский. Пишу Вам у него на квартире, за тем столом, на котором мы обыкновенно завтракаем или вечером пьем чай, в ожидании обещанных строк. Напротив меня сидит Цуриков и тоже Вам пишет. Демчинский же спит и храпит. Теперь десять часов вечера. Я не понимаю, отчего очень устал, хотелось бы Вам кое-что написать о Семипалатинске: есть вещи очень смешные. Да не упишешь и десятой доли, если писать как следует. Прощайте же, добрый мой друг. Пишите мне чаще. А я всегда буду Вам отвечать, может быть рискну в другой раз написать и о своих делах. Поклонитесь от меня Д-ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренне предан ему. С. Вам кланяется, рассказывала, как Вы и она жили в Омске. Она Вас помнит и очень Вами интересуется».

Письмо отличается ярко выраженной публицистической направленностью. В нем — и это особенно важно подчеркнуть — определена высокая цель общественного призвания Валиханова как просветителя родного народа, исключительно верно оценены незаурядные способности Чокана, дана глубокая характеристика его образа.

По поводу этого единственного дошедшего до нас письма Достоевского к Валиханову Н. Павлова писала: «Письмо Ф. М. Достоевского получено мною в августе 1908 г. от султана Махмуда Валиханова, проживающего

в Акмолинской области. Адресовано письмо к брату Махмуда Валиханова — Чокану Валиханову, с которым Ф. М. Достоевский познакомился будучи в Омске. До самой смерти Чокана Валиханова... Ф. М. Достоевский оказывал ему самое дружеское расположение, живо интересуясь попытками Валиханова написать историю киргизского народа»³². К сожалению, судьба других писем Достоевского к Валиханову неизвестна. Между тем Чокан неоднократно писал Федору Михайловичу о своей жизни, просил совета и т. д. Так, в письме от 18 июля 1859 г. из Петропавловска он сообщал писателю о намерении «ехать прямо к себе в орду», то есть в степь, так как «расстроен нравственно и телесно» и много писать не может. «Здоровье мое не хуже и не лучше, покашливаю, как и прежде, хотя пью кумыс», поэтому быть в Петербурге не только в октябре, но и декабре 1861 г. Валиханов не смог. По совету сибирских докторов он решил зиму провести в степи, так как пришел к грустному выводу, что с его «здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя»³³.

Валиханов писал своему великому другу о желании «получить место консула в Кашгаре»³⁴. Если бы это не удалось, то он намеревался уйти в отставку и служить в степи на выборных должностях с тем, чтобы приносить посильную помощь своему народу. Как видно из этих строк, Чокан наивно верил в просвещенного, «честного чиновника», но уже в следующем письме от 15 октября 1862 г. он с горечью отметил свое разочарование в желании стать «честным чиновником», поскольку окружающая среда всячески препятствовала ему занять выборную должность старшего султана³⁵. Попытка посвятить себя на благо соотечественников, «защищать их от чиновников и деспотизма богатых» казахов не увенчалась успехом. Врагов у Валиханова оказалось много: и чиновничество, и богатые «ордынцы». Чтобы очернить его в глазах народа, они «пускали в ход и то», что Валиханов не верит в бога и с Магометом состоит чуть ли не в личной вражде. «Подобные вещи», естественно, не могли остаться без последствий. И хотя Валиханов на выборах получил большинство голосов выборщиков, однако администрация Западно-Сибирского генерал-губернаторства попросту игнорировала результаты выборов и не утвердила его старшим султаном Атбасарского округа, боясь, что «ладить» с просвещенным и гуманным правителем

будет тяжело. И Валиханов с полным основанием писал Достоевскому, что «генералы не любят (его.— К. К.) потому, что мало этой восточной подобиострастности».

Однако не только царские чиновники «не любили» Валиханова. Между ним и близкими родственниками тоже стояло что-то «неодолимое», и попытки молодого ученого «сблизиться» с «милыми земляками» всегда заканчивались неудачно. Здесь сказывалось тщеславие представителей старейшего аристократического рода, имевших «слишком высокое мнение о себе»³⁶.

В этом плане особого внимания заслуживает письмо Валиханова к А. Н. Майкову³⁷, в котором содержится ряд важных признаний казахского ученого. Объясняя корни расхождения своих взглядов с мнением ближайших родственников, людей, безусловно, умных и опытных, Чокан ссылается на трудности, которые он испытывает, пытаясь «изгнать» неверные заблуждения у людей, близко его окружавших. Положение осложнялось и тем, что казахи еще держались «шаманства, примешивая к нему гомеопатическую дозу ислама». Отмечая, что у них «много песен... бездна поговорок и афоризмов», Валиханов писал, что его оппоненты в них-то «находят готовый аргумент старины и думают, что правы».

Казахские старейшины не одобряли деятельность Валиханова по собиранию произведений устного творчества народа, а его гуманизм считали слабодушием («сказки собирает,— говорят киргизские старейшины про меня,— писал ученый,— слабодушествует»). Но Чокан не сдавал своих позиций, постоянно протестуя. Так, история, связанная с преднамеренным игнорированием результатов выборов его, получила широкую огласку в Петербурге и вызвала возмущение передовых русских деятелей и друзей Валиханова.

Казахстанский период жизни Достоевского, период пребывания в течение пяти лет в ссылке в Семипалатинске, имел весьма важное значение в творческой биографии писателя. Отвергнутый обществом и даже родными, пробыв в заточении в остроге — «мертвом доме», Достоевский в Семипалатинске впервые за прошедшие трудные годы почувствовал тепло человеческих отношений и через всю свою жизнь пронес образы близких людей тех лет, среди которых одним из первых был Ч. Ч. Валиханов.

О своей любви к Чокану Достоевский писал и говорил своим близким и друзьям. Так, в письмах к А. Е. Вранге-

лю и А. И. Гейбовичу писатель называл его «премильным и презамечательным человеком», подчеркивая, что очень его любит и очень им интересуется³⁸.

В воспоминаниях А. Г. Достоевской, супруги писателя, есть эпизод, связанный с рассказом Федора Михайловича (ноябрь 1866) о своем «вещем» сне. Показывая большой палисандровый ящик, Достоевский сказал, что это подарок его «сибирского друга Чокана Валиханова» и что он им очень дорожит. Далее он говорил: «В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне воспоминаниями. Так вот, вижу я во сне, что сижу перед этим ящиком и разбираю бумаги. Вдруг между ними что-то блеснуло, какая-то светлая звездочка. Я перебираю бумаги, а звездочка то появляется, то исчезает. Это меня заинтересовало: я стал медленно перекладывать бумаги и между ними нашел крошечный бриллиантик, но очень яркий и сверкающий»³⁹.

Глубокая и трогательная дружба с Валихановым оставила яркий след и в творческой позиции великого писателя. Продолжением мыслей о будущем казаха Валиханова, а через него и казахского народа, содержащихся в письме Достоевского, следует считать его зрелые суждения, зафиксированные в «Дневнике писателя». И хотя между письмом к Валиханову и записью в «Дневнике» пролегли годы, но мысли автора в них созвучны: «Мы первые объявили миру, что не через подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единстве с ними»⁴⁰.

«Нам бесконечно дорого сознавать,— писал М. О. Ауэзов,— что великий русский писатель Ф. М. Достоевский говорил о своих думах и чаяниях с лучшими представителями казахского народа, что он мыслил будущее этого народа связанным с русским народом, с его борьбой за светлое будущее»⁴¹. Много важных и интересных событий связано у Достоевского с Семипалатинском. Отсюда он пишет брату Михаилу: «Покамест я занимаюсь службой, хожу на учение и припоминаю старое. Здоровье мое довольно хорошее, и в эти два месяца много поправилось, вот что значит выйти из тесноты, духоты и такой неволи. Климат здесь довольно здоров. Здесь уже начало киргизской (казахской.— К. К.) степи»⁴². Семипалатинск, по его мнению, «город довольно большой и людный» и «азиатов

множество»... «Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того». Действительно, город к середине XIX в. постепенно приобретал значение крупного торгового центра, куда стекались купцы и караваны из Сибири, Средней Азии, Восточного Туркестана и казахских степей.

Самое главное, как отмечалось выше, Семипалатинск сыграл определенную роль в духовном, творческом возрождении великого писателя. Уже в этом письме он, будучи солдатом 7-го линейного сибирского батальона, обращается к брату с просьбой прислать ему книги «европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности, всех древних (Геродота, Фукидида, Тацита, Флавия, Плиния, Плутарха и т. д. Они все переведены по-французски)». Наконец, Достоевский хочет иметь «Коран и немецкий лексикон». Кроме этих книг, ему нужны физика и физиология («хоть на французском, если на русском дорого»). Письмо заканчивалось криком истосковавшейся по литературе души: «Пойми, как нужна мне эта духовная пища!»

Благодаря чтению книг, общению с интересными людьми, как Чокан Валиханов и другие, Достоевский достаточно быстро смог вновь заняться литературным трудом. Именно Семипалатинск стал для него местом духовного возрождения после суровых лет Омской каторги. Здесь он после долгого вынужденного перерыва создает первые свои повести: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели». Здесь же рождаются замыслы некоторых романов, начаты главы «Записок из Мертвого дома», их писатель читал А. Е. Врангелю и известному русскому путешественнику и географу П. П. Семенову-Тянь-Шанскому. Восхищенный ученый утверждал: «Можно сказать, что пребывание в «Мертвом доме» сделало из талантливого Достоевского великого писателя-психолога»⁴³.

В мемуарах П. П. Семенова-Тянь-Шанского сохранились описания встреч ученого в 1856—1857 гг. в Омске, Семипалатинске, Барнауле с Ф. М. Достоевским, только что вышедшим из «мертвого дома», и молодым офицером Ч. Ч. Валихановым. Именно эти личности произвели на ученого наибольшее впечатление⁴⁴.

В годы пребывания в Семипалатинске Достоевскому открывается возможность установления связи не только с родными (братьями, сестрой), но и с друзьями. Он на-

лаживает переписку с бывшим петрашевцем поэтом А. Н. Плещеевым, находившимся в ссылке в Оренбурге. Дружеские отношения между ними сохранились и в последующие годы. Так, в 1875 г. Достоевский обратился к поэту с письмом, уведомляя, что он высылает три главы нового романа и обращается к нему «как к старому другу»⁴⁵.

В большинстве произведений Ф. М. Достоевского, начиная с «Дядюшкина сна» и кончая «Дневником писателя» (1873 и 1876—1877), имеются упоминания о казахской степи и ее обитателях. Если, находясь в Омском остроге, в «мертвом доме», узник видел казахскую степь, казахские юрты лишь издали, то за пятилетнюю жизнь в Семипалатинске писатель близко столкнулся с казахами, их жизнью, обычаями и нерешенными проблемами, более глубокому пониманию которых способствовал, безусловно, его друг Ч. Ч. Валиханов.

В романе «Преступление и наказание» (1866) есть эпизод, в котором использованы лично пережитые писателем в Омском остроге чувства, когда он, глядя в степь, завидовал ее обитателям. Любопытно в этом отношении сообщение вдовы писателя А. Г. Достоевской: «Перечитывая произведения моего незабвенного мужа, я часто встречала в них черты из личной его жизни, его привычки, приписанные героям романа, обстоятельства, случившиеся с ним или с его семьей, и, главным образом, его личные мнения»⁴⁶. Это находит подтверждение в чувствах Раскольникова, сосланного в сибирский острог, когда он, как и когда-то сам автор в сибирской ссылке, «стал глядеть на широкую и пустынную реку» Иртыш. Раскольникову «с высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем непохожие на здешних, там как бы само время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила»⁴⁸.

Почти тождественно Раскольникову ведет себя узник «Мертвого дома» (1860—1862). Наступающие весенние дни, по его мнению, «волнуют и закованного человека, рождают и в нем какие-то желания, стремления, тоску».

Весной, даже во время каторжной работы он вдруг замечал «чей-нибудь задумчивый и упорный взгляд в синюющую даль, куда-нибудь туда, на другой берег Иртыша, где начинается необъятною скатертью, тысячи на полторы верст, вольная (разрядка здесь и ниже моя.— К. К.) киргизская степь; подметишь чей-нибудь глубокий вздох, всей грудью, как будто так и тянет человекадохнуть этим далеким, свободным воздухом и облегчить им придавленную, закованную душу»⁴⁹.

Любопытно описание работы заключенных на кирпичном заводе, отстоявшем от острога на расстоянии 3—4 верст. Несмотря на тяжелый характер труда, некоторые ходили туда даже с «охотою», потому что «место было открытое, привольное, на берегу Иртыша». Река манила и узника, от лица которого ведется повествование, тем, что «на берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, в этот необъятный... простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу... Все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза (казаха.— К. К.), приносившаяся с киргизского берега. Всматриваешься долго и разглядишь, наконец, какую-нибудь бедную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуши; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то хлопочет со своими двумя баранами. Все это бедно и дико, но свободно».

Русский писатель обращает внимание читателя не на белоснежные и большие юрты богачей, а именно на бедную и обкуренную юрту байгуши, то есть нищего, несчастного. В остроге были и русские нищие, «проигравшиеся и пропившиеся, или так просто, от природы нищие». Их тоже писатель называл казахским словом «байгуши».

Писатель психологически очень тонко объясняет, почему каторжные с такой тоской смотрели на казахскую степь, где было «бедно и дико, но свободно». Он писал, что свобода казалась у нас в остроге как-то свободней настоящей свободы, то есть той, которая есть в самом деле, в действительности». Писатель подчеркивал, что «арестанты преувеличивали понятие о действительной Свободе, и это так естественно, так свойственно всякому арестанту». Поэтому-то последний завидовал какому-нибудь оборванному офицерскому денщику, как идеалу свободного человека, поскольку он ходил без кандалов и без конвоя»⁵⁰. И казахи, не имев-

шне кандалов и конвоя, казались каторжанам идеалом свободных людей.

Интересен в романе и небольшой эпизод, посвященный пребыванию в остроге подбитого степного орла («карагуша», как писал Достоевский, по-казахски название царя птиц). Описывая измученную птицу, у которой было ранено правое крыло, писатель характеризует ее так: «Орел защищался из всех сил когтями и клювом, и гордо и дико, как раненый король»⁵¹. Орел здесь символичен и олицетворяет образ измученной и раненой Свободы. Не случайно, что он имеет степное происхождение. Сравните ранее приведенное описание казахской степи: «Бедно и дико, но свободно», а в эпизоде с орлом: «гордо и дико». Это понимают и каторжане, которые говорят об орле: «Птица вольная, суровая, не приучишь к острогу-то. И когда они решили выпустить птицу в степь, то все были чем-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу»⁵².

Каторжане «почти с любовью» смотрели «на злую птицу» и восхищенно говорили о ней, как о человеке: «Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку... Знамо дело воля. Волю почуял... «Слобод а значит». Между тем выпущенный из острога раненый орел уходил все дальше в степь, не оглядываясь, «как бы торопясь» туда, где была С в о б о д а.

Орлом входил человек в острог, но затем «он гас... как свечка». Так писал Достоевский о С. Ф. Дурове, который «вошел» в острог «еще молодой, красивый, бодрый, а вышел полуразрушенный, седой, без ног, с одышкой»⁵³. Но как и подбитый орел, Дуров сохранил крепость духа и веру в лучшее будущее. Его беседы оказали огромное влияние на формирование демократических взглядов Ч. Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина.

Ф. М. Достоевский видел некую связь и преемственность между первыми дворянами-революционерами и последующими поколениями.

Касаясь обращения тюремного начальства с «дворянами-преступниками», автор отмечал, что «самое высшее начальство в Сибири... очень разборчиво и даже в иных случаях норовит дать им поблажку в сравнении с остальными каторжными, из простонародья». Одной из главных причин этого писатель считал появление в Сибири дворян-революционеров: «Еще лет тридцать пять тому назад в Сибири явились вдруг, разом, большая масса ссыльных

дворян, и эти-то ссыльные в продолжение тридцати лет умели поставить и зарекомендовать себя так по всей Сибири, что начальство уже по старинной, преемственной привычке поневоле глядело в мое время на дворян-преступников известного разряда иными глазами, чем на всех других ссыльных»⁵⁴.

В «Записках из Мертвого дома» Достоевский отмечал, что в остроге «каждая губерния, каждая полоса России имела тут своих представителей. Были и инородцы, было несколько ссыльных даже из кавказских горцев»⁵⁵. Среди каторжан были и поляки. С теплым чувством описан автором образ черкеса Алея, его «милое лицо», детская, прекрасная радость.

Б. Л. Сучков, оценивая «Записки из Мертвого дома», писал, что это «пронзительно правдивая и человеческая книга, ставшая одним из самых суровых обличений порядков в России»⁵⁶. О документальной достоверности судеб многих политических заключенных, описанных в ней, свидетельствует публикация Николаевского в «Историческом вестнике»⁵⁷.

На Достоевского и «других политических преступников» был заведен официальный документ: «Статейный список о государственных и политических преступниках, находящихся в омской крепости в каторжной работе 2-го разряда, июня 19-го дня 1850 года». В нем есть графа «За что осуждены в работу». Против фамилии Достоевского указано: «За принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии». В другом разделе этого документа отмечалось, что Достоевский в остроге «ведет себя хорошо». Наконец, в графе относительно знания мастерства и умения грамоты отмечено: «Чернорабочий, грамоту знает»⁵⁸.

Выражением интереса писателя к мусульманам вообще, к казахам в частности, может служить упоминание об эпилептике Магомете в романе «Идиот» (1868). Сам страдая таким недугом, Достоевский в уста князя Мышкина вкладывает яркое описание картины болезни. Примечательно, что свое состояние во время коротких предвестников болезни («высочайших минут») князь сравнивает с положением «эпилептика Магомета, успевшего», в

ту секунду, пока длился его припадок, «обозреть все жилища аллаховы», хотя в течение той же секунды «не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой»⁵⁹.

Казахский мотив нашел отражение и в другом известном романе великого писателя — «Игрок» (1866), герой которого вступает в полемику с русским генералом и французом о путях приобретения капиталов. Он говорит, что «возмущает... (его) татарскую породу» немецкий способ «накопления богатств... А я лучше захочу всю жизнь прокочевать в киргизской палатке, чем поклоняться немецкому идолу»⁶⁰.

В черновых набросках романа «Подросток» (1875) сохранилось имя Валиханова. Оно связывалось с именем Версилова — мечтателя, поэта, «парижского коммунара». Таким образом, в чертах характера главного героя романа «Подросток» Версилова автор пытался сохранить образ дорогого ему Чокана Валиханова.

До своей ссылки Достоевский никогда не жил в провинциальном городе. И, естественно, «светская жизнь» провинциального Мордасова в «Дядюшкином сне» во многом отражает картину Семипалатинска.

Таким образом, в ряде романов и повестей Достоевского казахские мотивы нашли определенное отражение, хотя писатель и не создал ни одного произведения, посвященного казахам или героем которого был бы казах.

Великий писатель, оказавшись позже в круговороте сложных противоречий эпохи, как бы отодвинул на второй план казахские впечатления. Однако он никогда не забывал о них, проявляя к судьбе казахов постоянное внимание. В этом отношении характерен следующий эпизод. В период его работы редактором «Гражданина» была опубликована статья «Киргизские депутаты в С.-Петербурге», за что Достоевский был наказан гауптвахтой⁶¹.

«Всеми силами души и таланта, всем усилием мысли и болью совести отозвался» он на сложные и мучительные вопросы трагической поры. Ф. М. Достоевский «пытался заглянуть через голову современности, ища окончательные, вневременные нравственные идеалы, — говорил старейший советский писатель К. А. Федин... — Нет, не смирению учил Достоевский. Всем своим творчеством он сказал: так дальше жить нельзя! И это понимали поколения русских революционеров»⁶².

«И еще я думаю о том,— писал Г. М. Мусрепов о Достоевском,— что для него не была чуждой казахская земля. Пусть бесправный солдат, нижний чин, но все же служба в Семипалатинске не шла в сравнение с каторжным острогом». Казахская земля, ее народ, великий Чокан Валиханов стали родными для гениального писателя, определив казахские мотивы в ряде крупнейших его произведений.

Таким образом, в становлении и развитии русско-казахских литературных отношений огромная роль принадлежит Ф. М. Достоевскому, оказавшему значительное нравственное влияние на формирование личности первого казахского ученого и литератора Ч. Ч. Валиханова. Взаимоотношения между этими выдающимися людьми могут служить примером бескорыстной дружбы сынов русского и казахского народов.

**«ТУРКЕСТАНСКИЕ» РОМАНЫ
Н. КАРАЗИНА, Н. ИЛЬИНА
И ДРУГИХ
НА КАЗАХСКУЮ ТЕМУ**

Начиная с 60-70-х годов казахские степи и различные районы Средней Азии стали чаще посещать известные русские писатели, художники и композиторы. Если в предшествовавшие десятилетия представители русской науки и культуры бывали здесь эпизодически, то с завершением присоединения Туркестана к России их поездки стали более или менее регулярными. А это нашло свое выражение и в характере литературных трудов: вместо небольших и разрозненных заметок и статей, посвященных описанию экзотической стороны жизни «номадов», появились фундаментальные научные, научно-популярные исследования, а также литературные произведения крупных и малых жанров — романы, повести, рассказы, очерки.

Всеобщий интерес к казахским степям и казахам во второй половине XIX в. в русском обществе был обусловлен многими причинами. Если русскую буржуазию край интересовал как возможный рынок сбыта и источник дешевого сырья, то демократическая часть русского общества принимала близкое участие в судьбе казахского народа, стремясь вовлечь кочевников в русло общечеловеческой цивилизации и прогресса.

Заметный вклад в освещение социально-экономических условий жизни казахского народа внесла большая группа русских писателей второй половины прошлого века — Н. Каразин, Н. Ильин, Н. Уралов, Н. Стремоухов, П. Инфантьев, Д. Иванов и др. Их литературная деятельность заслуживает тем более внимательного рассмотрения, что она была тесно связана с Туркестаном. В творчестве этих писателей представлена широкая панорама

русско-казахских отношений, картины быта, нравов и обычаев казахов и узбеков, выражены братское сочувствие и искренняя симпатия к этим народам; наконец, в их произведениях отчетливо отразилось стремление познать внутренний мир человека, к какой бы национальности и вероисповеданию он не принадлежал. Ценно и то, что фактический материал в той или иной степени подвергался осмыслению и обобщению. Авторы стремились правдиво воспроизвести типичные характеры представителей коренного населения, действовавших в типичной для них обстановке. Как известно, Ф. Энгельс именно это обстоятельство считал важным художественным принципом реалистического искусства.

Казахская тематика широко отражена в творчестве русского писателя **Н. Н. Каразина** (1842—1908).

Николай Николаевич Каразин — своеобразный человек, журналист, художник, этнограф, писатель — прошел длинный путь и признания и отрицательной критики. Его романы пользовались успехом в 70-е годы, так как в них описывались «ташкентские рыцари». Впоследствии к ним потеряли интерес, прекратили перепечатывать и романы стали библиографической редкостью. А между тем именно Н. Н. Каразин долго жил в Туркестанском крае, участвовал в двух военных походах как корреспондент и художник и в двух научных экспедициях¹. Будучи наблюдательным художником, он многое сумел уловить в происходящих событиях того времени, познакомился с жизнью местного населения, которую и попытался изобразить в своих произведениях.

Широкую известность Каразину доставили его многочисленные романы и повести, очерки и рассказы, посвященные русско-казахским отношениям, первым шагам России в Туркестане. Не обладая ярким талантом большого писателя, он тем не менее заставил говорить о себе как читающую публику, так и критическую литературу.

Статьи, очерки, рассказы Каразина печатались во многих русских журналах и газетах («Дело», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русские ведомости», «Всемирная иллюстрация», «Нива», «Север», «Природа и люди», «Живописное обозрение» и др.)², а также на страницах английской, швейцарской и другой зарубежной печати³.

Н. Н. Каразин был плодовитым писателем. Его беллетристические произведения составляют около 20 томов,

исключая статьи по этнографии народов Туркестана, а также записи о путешествиях и корреспонденции. Его «туркестанские» романы, повести и очерки («На далеких окраинах», «С Севера на Юг», «В камышах», «Двуногий волк», «Погоня за наживой», «Голые нравы», «Тигрица» и др.), в основном посвященные казахским степям, в свое время наделали много шума, читались нарасхват и сравнительно радушно были встречены критикой.

В произведениях Н. Н. Каразина, в частности, романах «На далеких окраинах» (1875) и «Погоня за наживой» (1876) можно отметить достоверные и тонкие наблюдения за жизнью и бытом народов Туркестана. Вместе с тем Каразин пытался показать действия своих героев на фоне ложного романтизма, рисуя нередко излишне сложную и экзотическую обстановку, описывая неправдоподобные приключения (например, рассказы «Катастрофа на Кастекском перевале в Туркестане» и «Страшное мгновение» написаны, чтобы «растрогать нервы впечатлительных читателей»). Это, конечно, представляло известный интерес в определенном кругу читающей публики.

Русская критика в целом правильно оценивала идейно-художественные достоинства каразинских произведений, отмечая положительные стороны творчества писателя. Так, критик Н. Никитин («Дело», 1875, № 1, Спб., стр. 1—33) писал, что хотя Каразин на литературном поприще и выступает «очень недавно», но «уже успел приобрести литературную известность, составить себе имя, у него есть свой круг читателей и даже почитателей его таланта». Основное достоинство произведений писателя критик видел в том, что в них даны «живые» картины, списанные с натуры. Именно они-то и «драгоценны», поскольку дают некоторое представление о жизни коренного населения Туркестанского края.

В романе «На далеких окраинах» много страниц посвящено казахам. Но, к сожалению, нравы, обычаи, особенности быта, любовь и ненависть и т. д. показаны в основном через восприятие Батогова, вчерашнего петербургского офицера, легкомысленного и вместе с тем бессердечного человека. Прослышав, что «где-то далеко на Востоке открылась какая-то страна» и что «там обещают льготы и можно отхватить куш порядочный», Батогов едет в Туркестан, но попадает в плен к барантам-грабителям.

Находясь в плену у богатого казаха Кадргула, Батов на удивление кочевникам поет песни или рассказывает сказки, иногда пляшет вприсядку и играет «на туземной балалайке» знакомый мотив «барыни». И все же подневольные работники-казахи с неприязнью относятся к нему, хотя во всем равны с пленным: так же таскают воду из колодцев, так же целые дни стерегут от волков необозримые хозяйские отары.

Отчуждение работников к пленнику писатель склонен объяснять различием вероисповедания. Однако не религиозные различия лежали в основе их недоброжелательности, а, надо полагать, несерьезное отношение пленного к своей судьбе и более того его «роман» с Нар-Беби, женой своего владыки. Тяжелые испытания плена «герой» переносит сравнительно легко, надеясь на освобождение, которое ждет от джигита Юсупа, и тот помогает.

Но Батов жестоко пренебрег добрым отношением к себе простых казахских тружеников и полюбившей его женщиной, которую убивает во время побега. Отсюда и грубые его выпады, и отчетливо выраженная тенденциозность в описании казахских женщин, работников богача Кадргула и некоторых сторон кочевой жизни.

Автор лишь внешне очертил не только эпизодичные фигуры казахов, но и образы главных героев. Их психология, переживания, чувства раскрыты поверхностно. Наиболее полно в романе дан лишь образ Перловича — чиновника, коммерсанта, ростовщика, поглощенного жаждой обогащения. Весь он как нельзя лучше раскрывается в одном из своих монологов: «Изучая эти самые потребности, изыскивай все способы к их удовлетворению, предупреждай их, если сможешь. В этом-то и кроется вся сила, вся тайна науки обогащения. С пустыми руками приезжают сюда (в Туркестан. — К. К.) люди, и, смотришь, через год уже ворочают изрядными рычагами, действуют; а ведь люди эти из той же глины сделаны — не из золота. Расщедрилась судьба, послала тебе средства и средства изрядные; мозгами тоже не обидела, — ну, и орудуй».

Действительно, к приехавшему в новый край со скромным имуществом (тюк, чемодан, железная кровать и закопченный медный чайник) Перловичу судьба была милостива: он находит на дороге огромную сумму денег, которую оставили степные грабители, не умеющие ценить бумажные ассигнации. Последние принадлежали друго-

му дельцу, собиравшемуся в Ташкенте строить водочный завод и наживать барыши, но он пал жертвой грабителей. А предприимчивый Перлович между тем орудует. Следуя вместе с войсками, он ловко грабит и русских офицеров и местное население, действует разлагающе на все окружающее. Расчет коммерсанта полностью оправдался. Писатель показывает не только растущую алчность Перловича, но и его бесчеловечность: ростовщик преднамеренно сбивает своим конем старого нищего «туземца» вместо того, чтобы оказать ему помощь.

Следует обратить внимание и на верно подмеченный Н. Н. Каразиным факт, что казахи в основной своей массе относили себя к мусульманам лишь формально. Они «смешивали Магомета с самим Аллахом, не знали ни одного стиха из Корана... чем именно их вера отличается от какой-либо другой, но знали только, что они мусульмане, правоверные» (178).

Официальная критика резко отрицательно встретила роман «На далеких окраинах», считая, что в нем притянуты «за волосы безобразно ужасные» эффекты и что «ташкентская цивилизация положила на... романиста свое клеймо в весьма значительной степени»⁴. Вместе с тем обличительный характер произведения в рецензии был игнорирован.

Роман «Погоня за наживой» является продолжением романа «На далеких окраинах». Н. Н. Каразин создал здесь образ туркестанского Ноздрева, господина «с громадными русыми бакенбардами с проседью», который «громко и энергично» рассказывал своим соседям о жизни в казахских степях и Средней Азии. Он хвастливо заявлял, что едет «туда вот уже третий раз», что его «раз двести кусали фаланги, тарантулы и скорпионы, но «ничего, оттерпелся». Слушателей еще более удивляли невероятные рассказы враня о степных станциях. Его «спасительная опытность» заключалась в использовании нагайки («альфы и омеги путевой премудрости», — говорит он), чтобы добиться лошадей. Между тем существовали «почтовые правила о взимании прогонов и непричинении никаких обид и увечий ямщикам и смотрителю». Каразин разоблачает подобных «господ-ташкентцев», едущих за наживой в новый край и пренебрежительно относящихся к «инородцам», унижающих их человеческое достоинство. Эти мелкие чиновники и обанкротившиеся бывшие «деятели» мстят за свои неудачи в жизни бедным

ямщикам-казахам, которых подвергают подчас тяжелым истязаниям. В романе объективно показана жестокая конкурентная борьба между капиталистическими акулами (Лопатин, Перлович и др.), основная цель которых — приумножение богатства.

Есть в нем и неудачная любовь: молодой геолог Ледоколов случайно оказался свидетелем измены своей жены и решил уехать в Туркестан. Туда же, за пять тысяч верст, где «киргизы, тигры, тарантулы», едут обедневшие аристократы Брозе (мать и дочь), которых пригласил богач Лопатин, обещавший «нежить да холить», чтобы они «как сыр в масле» катались (18—19). Пути неудачников сошлись в Самаре где происходит встреча Ледоколова и Адель Брозе. Завязывается любовная интрига.

Но дальнейший путь на Ташкент Ледоколов совершал вдвоем с Бурченко, наняв ямщиком казаха. Навстречу им попались верховые казахи, которые неохотно уступили дорогу экипажу и хмуро смотрели на путников. Когда Ледоколов сказал об этом Бурченко, то последний ответил: «Не с чего им барашками прикидываться». Действительно, многочисленные искатели счастья, проезжая через степи, вызывали своим поведением недоверие и неприязнь у местного населения. Это и имел в виду Бурченко, который с полным пониманием и искренним сочувствием относился к казахам, очень тесно сблизился с ними, изучил их язык, познакомился с обычаями, нравами и обрядами народа.

Когда экипаж попал в трясины, то по просьбе Бурченко верховые казахи помогли вытащить его. В беседе с ними он выяснил, что кочевники очень дешево продали баранов в Орске, потому и ехали хмурые. В пути Бурченко затянул вместе с ямщиком-казахом песню. Остановку они сделали в казахском ауле, где их гостеприимно встретили. Одна из смуглых красивых девушек подошла к Ледоколову, прося подарок и обещая за это вечером «постель оправить и спину почесать». Бурченко объяснил спутнику, что ничего в этом нет удивительного, если вспомнить, как Коробочка предлагала Чичикову послать ему девочку почесать пятки.

Пока Ледоколов и Бурченко добирались до Ташкента, там крупный делец Лопатин решил перекупить у Перловича фабрику и развернуть производство шелка. Для респектабельности ему нужна красавица Адель, которая теперь, находясь в больших материальных затруднениях,

полностью зависела от него. Возможность подобного исхода взаимоотношений с Лопатиным Ледоколов предвидел и предупреждал об этом Адель. Но она и сама знала, что служит игрушкой в руках денежного туза.

Завершается роман, как и «На далеких окраинах», нападением барантачей, в стычке с которыми погибает Ледоколов, а Бурченко спасается чудом. В насыщенном драматическими событиями и острыми эпизодами произведении его герои опять же изображены лишь отдельными мазками.

Много внимания в романе уделено казахам, о которых приводятся интересные этнографические сведения. Они даны как с позиций Ледоколова и других, впервые встретившихся с кочевниками, так показаны и через призму дружеских взглядов Бурченко, обстоятельно знакомого с их жизнью. Отсюда и противоположные оценки казахов и различные отношения к ним со стороны русских.

Каразин, как и в других «казахских» романах и повестях, с пониманием и симпатией относится к кочевому народу, с большим тактом пишет о его своеобразных обычаях, подчеркивает его гостеприимство, рисует яркие картины вечернего аула.

В одном из разделов романа «Образцы самого точного перевода с киргизского (казахского) на русский» Каразин создал совершенно оригинальный тип чиновника — казаха-переводчика, «лица, по-видимому, самого незначительного по роду своей служебной деятельности, но на самом деле не так уж маловажного, как это кажется сначала». Действительно, там, где власть находилась в руках лиц, незнакомых с местными языками, переводчик (толмач) играл важную роль: он и «передатчик воли и распоряжений начальства, он же бесконтрольный истолкователь того и другого; он неизбежный посредник между жалующимся и лицом, которому приносится жалоба; он докладчик по всякому делу, возникшему между туземцами». Ему, находящемуся между казахом, не знающим русского языка, и русским, не знающим казахского языка, «открывается обширное поприще эксплуатировать и того, и другого».

Переводчики обычно получали образование в России. Но в жизни они становились хитрыми и проницательными, чтобы покорностью и предупредительностью, почти пресмыкательством перед местной администрацией получать выгоды от своей службы. Вместе с тем эти же толмачи

становились крайне высокомерными и нагло надменными с зависящими от них кочевниками. Некоторые из них при казахских султанах исполняли обязанности домашнего секретаря, письмоводителя, адъютанта и ближайшего наперсника интимных дел своего патрона. Пользуясь этим, толмачи оказывали большое влияние на султанов, хотя официально и оставались в тени.

Бурченко, знавший казахский язык, был свидетелем одного неправильного перевода толмачом жалобы казахов генералу, который обещал прислать своего человека, чтобы выяснить истину. И лица последних просветлели, потому что они по наивности поверили словам генерала.

Роман «Погоня за наживой» является важным документом, правдиво свидетельствующим о первых шагах русского капитализма в Средней Азии и Казахстане. В нем нет экзотических сцен, рассчитанных на вкус известной части читающей публики. Несмотря на отдельные художественные недочеты в обрисовке образов, описании событий, роман представляет собой интересное произведение, лучшие страницы которого посвящены развитию русско-казахских отношений.

Анализируя романы Каразина «На далеких окраинах» и «Погоня за наживой», критик Н. Никитин писал: «Проникнувшись важностью своей исторической миссии, мы, не думая долго, «потекли» в Ташкент в хвост «победоносного воинства», — потекли и потащили за собой длинный хвост самой разнокалиберной, цыганской толпы, таких цивилизаторов, которые ничем не лучше завоеванных нами дикарей»⁵. Он делил этих господ-цивилизаторов, двинувшихся «на далекие окраины», на две категории. Одни из них дельцы типа Хмурова, Перловича, Лопатина и К° ехали в Ташкент с целью оживить торговлю, нажить богатство, насадить и развить промышленность и т. д. К другой категории относились разные темные и безродные пройдохи, искатели приключений, чиновники, оставленные за штатом, шулера и т. п. «Цивилизаторы по части нравов, — с возмущением писал критик, — основательно сообразили, что на ум народа дикого, еще не вышедшего из ребяческого состояния, лучше действовать примером... С утра до ночи — пьянство и карты, карты и пьянство».

Никитин писал о возмутительном поведении «нескольких веселых молодых людей», нагрянувших в мирный казахский аул, где они вели себя крайне разнузданно, пока

у населения «не иссякло терпение и их не выпроводили силой». Критик подробно анализирует взаимоотношения двух авантюристов и мошенников — Перловича и Батогова. Но еще более крупным хищником оказался Лопатин, купивший красавицу Адель у ее маменьки. Он же способствовал разоблачению Перловича: крупная акула проглотила щуку. Таковы нравы людей, выведенных в романах Н. Н. Каразина.

Из многочисленных произведений писателя, посвященных казахам, самым замечательным в идейно-художественном отношении является роман «С Севера на Юг» (1875)⁶. Если «герои» предыдущих романов — это всякого рода прожигатели жизни, коммерсанты и офицеры, лишь эпизодически связанные с местным населением, то в романе «С Севера на Юг» впервые широко выведены образы простых людей, представителей русского и казахского народов.

Крестьяне-переселенцы едут в казахские степи в поисках счастья, которое представляется им в виде обширных нив и тучных хлебов. Каразин не идеализирует их, не любит их забитостью и невежеством. В них он отмечает настоящие человеческие чувства, высокие нравственные качества. С искренней симпатией автор рисует и образы казахов, неоднократно подчеркивая их скромность, высокую честность, добросовестность.

Самые сильные места романа — это те, в которых показан процесс возникновения и развития добрососедских отношений между русскими переселенцами и казахскими крестьянами (шаруа). Сказочное представление о землях казахов имели поначалу переселенцы. Как завороченные, слушали они 107-летнего старца Дениса, который рассказывал, что «река Сыр (Сырдарья. — К. К.) течет молоком в кисельных берегах... А когда переселенцы добрались все же до заветной цели, то земля оказалась твердой, как камень». И все-таки русские оседают на этих землях. На первых порах они живут даже в казахских юртах. Так постепенно налаживается их жизнь. И конечно, не без участия казахов. Местный старожил и интеллигентный человек Александр Иванович Габин способствует налаживанию дружеских отношений переселенцев и шаруа. С большой похвалой отзываясь Габин о казахах: «Здесь человек, он тебе первым другом и помощником готов сделаться; он же тебе и первый враг будет, коли ты человеком нечестным себя покажешь».

Видел на своем деле, что значит у них к человеку доверие». И далее обращает внимание русских собеседников на то, что мы больше казаха «знаем, лучше его дело понимаем, мы ему должны показать пример, почему оседлая жизнь лучше ихнего бродяжничества». По твердому мнению Габина (и автора!), казах «не глуп, он сам поймет, где лучше, его за шею веревкою тянуть со степи на поле незачем» (216). Разумеется, за подобные идеи местное начальство не жаловало его. Как пишет Каразин, он «всем в Казалинске поперек горла стоял» (339).

Габин приветствует инициативу переселенца Никона, призывающего крестьян к соединению всех в артель, чтобы совместно обрабатывать и поливать землю, расположенную вверх по течению реки, при этом они обращаются за помощью и к казахам. Работа последних по подъему воды оказалась крайне непроизводительной. Тогда Никон предложил сделку: он соорудит казахам подъемник для воды, а они помогут за это расчистить арыки. Однако казахи, наученные горьким опытом, согласились не сразу. И только старик-казах разрешил переговоры, сказав, что никакой бумаги, ничего не нужно вообще, кроме поручительства Габина. На следующий день казахи и русские начали трудиться сообща.

Когда налетела банда, они, объединив усилия, устояли против нее, а позже совместно боролись против саранчи, спасая урожай.

В этих эпизодах особого внимания заслуживает концепция автора о роли совместного труда, совместной обработки земли в возникновении, укреплении и развитии русско-казахских отношений. Не идеализируя этот вопрос, показывая объективные и субъективные трудности, Каразин художественно верно показал ту почву, на которой возникла и выросла дружба между русскими и казахами.

В романе немаловажное место занимает любовь Степана и джигита Салтыка к русской девушке Марине — человеку цельной натуры, трудолюбивой, правдивой и жизнерадостной. Салтык посылает в русский поселок за нее богатый калым (выкуп). Когда неоднократно калым был отвергнут, он с помощью коммерсанта решает силой увезти Марину. Но здесь возникает цепь сложных событий, в результате которых Никон попадает на каторгу, Степан — в плен, а Салтык, не встречая больше препятствий, женится на Марине.

В литературе⁷ имеется версия о существовании реального прообраза героини романа. В своих воспоминаниях купец Абросимов, ездивший через казахские степи в Хиву, рассказал о том, как в степи он встретил русскую женщину, которая в шестилетнем возрасте была похищена из Краснохолминской станицы Оренбургской губернии. В 15 лет пленницу выдали замуж за казаха, с которым она прожила десять лет и имела детей. Когда купец стал звать ее на родину, она отказалась, не решаясь расстаться с детьми, прибавив при этом, что и язык свой забыла. Абросимов нашел ее случайно, услышав русскую песню около степного колодца.

В романе созданы привлекательные образы Никона и его последователя Степана, который стоит за совместную обработку земли, говоря: «А сообща — первый сорт дело... А вот как сообща с Никоном, так оно и можно жить».

Каразин не скрывает симпатии к казахам. «Народ сговорчивый,— пишет автор,— сами взялись, уже не в счет своей работы, своими лошадьми у чигиря работать ежедневно», чтобы помогать русским переселенцам (215). Любимый автором Никон утверждает, что казах «перенимает хорошее скоро». Он восхищен, что казахи «ловко к русской косе приспособились» (249).

Писатель резко отрицательно относится к представителям царской администрации на местах, которые вместо осуществления законности приносили лишь вред общему делу. Чиновники грели руки на выборах, дележе пахотных и сенокосных угодий, внося во все это суматоху и неразбериху, которые нередко заканчивались дракой, стычками.

Н. Н. Каразин и в этом романе показал первых капиталистов, акул-купцов, грабивших переселенцев и казахов и хищнически уничтожавших естественные богатства — рыбные запасы Урала. Рисуя города Иргиз и Калининск, автор обращает внимание не только на их «крайне неприглядный» вид, но и на отсутствие школ, больниц и вместе с тем наличие церквей.

В целом роман «С Севера на Юг» наиболее правдиво и объективно по сравнению с другими произведениями писателя освещает вопросы становления русско-казахских отношений.

В романе Каразина «Двуногий волк»⁸ события разворачиваются на фоне усилившегося противодействия не-

которых реакционных среднеазиатских ханств продвижению русских войск в Туркестан. Однако Зеравшанский поход 1868 г. (битва за Самарканд и под Зарабулаком) решил участь Бухарского ханства. Спустя четыре года после этих событий в степи начали «ходить тревожные, предостерегательные слухи».

Но к этому времени эмир Бухары еще не мог оправиться после ударов русских войск, а хивинский хан проявлял «уклончивость и нерешительность». Поэтому «во всех свободных кочевых аулах, державшихся более или менее стороны Хивы, только и думали, что скоро придется опять братья за оружие и продолжать борьбу, бог весть когда начавшуюся, бог весть когда кончающуюся». Но кочевники были уверены, что победоносное движение русских в 1868 г. не пройдет «бесследно», отсюда и умышленная нерешительность хивинского хана. Между тем положение Хивы было «самое странное», даже «комическое», подчеркивается в романе. Шах-Назар так обрисовал положение в Хивинском дворце: «У хана Сеид-Магомет-Рахима — два уха и один мозг, две руки и одно тело. В одно ухо говорят ему одно, в другое — другое; за одну руку тащат туркмены в поле, за другую — узбеки дома удерживают».

Что было делать хану? Или пополам разорваться, или на одну какую-нибудь сторону склониться». Между тем именно хивинский хан Сеид-Магомет-Рахим толкал правителя Бухары Музафара, а также туркменские и казахские племена на антирусские выступления. Многочисленные эмиссары Хивы, рассыпавшиеся по степи, стремились привлечь народ на свою сторону. Как характеризует Казан, это были ловкие ищейки, которые имели «длинные носы и гибкие языки, смелость тигра, жадность волка, хитрость лисицы и прыткость зайца». Они пробирались через пустыни между Аральским и Каспийским морями, доходили даже до Эмбы и «волновали» казахов, подстрекая их «к поголовному восстанию». При этом обещали кочевникам самую деятельную поддержку и покровительство со стороны хивинского хана. Однако казахи, уже несколько десятилетий находившиеся в подданстве России и пользовавшиеся ее покровительством, лишь «с большим любопытством и вниманием» слушали эмиссаров Хивы. «Старики подсмеивались и недоверчиво покачивали головами», а молодежь, видя недоверие старших, также воздерживалась от решительного шага. Поэтому

эmissары так и не достигли желанных результатов в казахских степях.

Тем не менее вокруг хивинских «ищеек» стали группироваться люди, склонные к грабежам и набегам. Как раз в это время в степи «загремело» имя Садыка, известного разбоями. К нему «потянулись со всех концов бесшабашные бездомники». Весь награбленный товар, угнанный скот, пленные люди — все стекалось в Хиву и на тамошних рынках находило себе покупателей.

Кровожадный авантюрист и грабитель Садык назван в романе «муллой» и «известным агитатором кочевников». Внешне он был одет как самый «простой» казах: в таком же халате верблюжьем, в такой же войлочной шапке, в красных штанах, вышитых цветным шелком, потертых и засаленных... «Он прилег на ковре, шурясь, поглядывал вокруг своими узко прорезанными, настоящими киргизскими глазами и с хрипением пропускал сквозь зубы струю кальянного дыма» (143).

Внешние портретные данные и внутренний мир Садыка, его миропонимание наиболее полно раскрыты в следующих описаниях автора. «Садык, казалось, совершенно равнодушно относится к предмету разговора; только скулы его, сильно выдававшиеся, слегка вздрагивали и на узких губах показывалась по временам не то насмешка, не то гримаса от боли (старая рана его обычно открывалась летом)».

Садык относился к числу «непреклонных сторонников сопротивления русским» (144). Слушателям он откровенно признавался: «Мне нет расчета попасть в русские когти... Сами мое дело знаете. Волк не пойдет к пастухам, когда не его, а их сила». И далее: «Вам хорошо: помиритесь вы с русскими, вас не тронут, земель ваших, садов и сакель не отберут, нищими не сделают, будете по-прежнему жить и привольно и покойно; разве только силы да власти прежней не будет... Вам хорошо... А вы в мою кожу влезьте... Враг я их заклятый, давний. Мне в руки к ним попасться — живым не быть... Моего добра мне крохи не оставят; мне мир ваш не на руку: все равно пропадать приходится. Когда вся сила выйдет, жив буду, уйду в Мерв, к текинцам, и оттуда стану выглядывать и выжидать, когда в нашу сторону повернет счастье» (146).

На вопрос одного из слушателей: «В Мерв собираешься?», Садык возразил: «Нет, пока еще здесь пошатаюсь: с пустыми руками нечего в чужой край собираться: еще

кое-кого пощупаю». На вопрос: «Своих?» Садык спокойно ответил: «Кого придется». В этих словах — вся его сущность. Им движут жадность, желание скопить богатство. Эти качества определяют и характер поведения: Садык готов даже грабить и «своих».

В романе показан образ и другого «двуногого волка» — Атамкула. Старший сын бия Бикетая, он с молодых лет стал разбойником и много бед, зла принес аулу и соседям. Под его предводительством начались грабежи на русской границе. Это вызывало ответную акцию войск: невинные аулы подвергались разорению. Так продолжалось лет 7—8. Но во время взятия Аулие-Аты Атамкул присоединился к русским, и в аулах стало спокойно. Когда старый Бикетай умер, его наследство перешло Юнусу. Но и Атамкул «в большие люди вышел»: чин ему дали с золотыми наплечниками, крест с птицею, старшим сделали, стал важнее «аулиеатинского бия». Пример Атамкула заставил и Юнуса попытаться выйти в «джигиты у русских», то есть воевать вместе с ними. Между тем война уже шла в Самарканде. Сюда-то и прибыл Юнус в сопровождении бедного Досщак. Здесь же находился Атамкул, у которого было много джигитов и даже сотня казаков. Досщак показало, что Атамкул «по-русски так и режет... вино пьет с начальниками и за руку с самим генералом здоровается».

Во время наступления на Карши джигиты Атамкула и Юнуса, вопреки запрету, стали грабить мирных жителей. Генерал приказал повесить Юнуса за мародерство. Атамкул не заступился за брата и не признал родства с ним, надеясь присвоить его богатство. Между тем генерал спрашивал Атамкула: «Если это твой брат — прошу». Юнус был казнен. Вскоре Атамкул ушел от русских, и вновь стал во главе банды грабителей. К нему-то и примкнул Садык. Атамкул был пленен русскими случайно («на сонного наскочили») и опознан в лагере Досщак. Но ему удалось бежать: пробравшиеся в русский лагерь сподвижники Атамкула освободили своего главаря, который во время бегства «прихватил» и сына Натальи Мартыновны (в нее бандит безнадежно был влюблен еще раньше). И все же Атамкулу не удалось уйти от справедливой кары. Здесь решающую роль сыграл бедняк Досщак.

Образ Досщак в романе противопоставлен «двуногим волкам» — Атамкулу и Садыку. Досщак — бедный

лауча, то есть верблюдовожатый. Он не имел «своей кибитки», не было у него никакого хозяйства, ходил «почти голый, только в меховом бараньем малахае на голове и коротких, кожаных, истертых донельзя штанах». «Приютился он у бия Бикетая, и на его глазах протекала жизнь «двуногого волка» Атамкула, которого Досшак возненавидел на всю жизнь и стал следить за каждым его шагом.

Русские солдаты с любовью относились к Досшаку, называя его «тамыром» (другом), «старым огрызком», «Досшакой», «правдивой душой» (56). Любовь солдат Досшак завоевал еще и потому, что мог в походе безошибочно находить колодцы в пустыне и тем самым спасать людей. За это он получил даже медаль от русского генерала. В лагере все знали старого Досшака и были уверены, что «худого он не делает», а хорошего сделал немало.

Имя «Досшак» символично: оно происходит от слова «дос» — друг. Досшак дружелюбен к людям, ненавидит насилие, измену, ложь, корыстолюбие, жадность. Вот почему, опознав в пленном Атамкула, он идет к генералу и, коверкая русские слова, требует казни «волка». «Джандарал нада — арзым бар», — говорит он. А затем ставит вопрос в упор: «Когда Атамкула вешать будешь?» Досшак с тревогой спрашивает генерала: «Джандарал, зачем не вешал Атамкула? Зачем поймал — не вешал? Убивал будет Атамкулка — нельзя будет вешать... Атамкулка скоро убивал будет — один день, два дня — убивал» (57). Действительно, ему удалось бежать. Тогда Досшак разрабатывает довольно хитроумный план, который свидетельствует о его незаурядных способностях. Этот нищий лауча приглашает в гости писаря Кузьму. «Садыс, пожалиста, садыс тут, плов ашат, махан ашат, садыс, пожалиста», — говорил он писарю, угощая отменным пловом. К вечеру «двухгодовалого барана как ни бывало». Досшак оказывал Кузьке особый почет, величая его муллою, мурзою, подавая лучшие куски мяса (121). И все это он делал потому, что писарь «хорошее дело может сделать. И от этого дела хорошему человеку хорошее будет, дурному — дурное».

Вскоре после этого Досшак «случайно» попадает в руки людей Садыка. При обыске у него обнаруживают письмо, в котором «генерал благодарит Атымкула за важные известия о Хиве и обещает по 10 тысяч рублей

за головы... Садыка и Мат-Мурада, а также крест и чин полковника». План Досшака удался: Атамкул был обвинен Садыком и другими в измене и казнен. Так завершился жизненный путь одного из «двуногих волков». Сбылось страшное проклятие Досшака в его адрес: «О проклятый! О, чтоб кости его ни на земле, ни под землею не знали покоя, чтоб его заживо огненная болезнь пожрала!» (47).

В романе есть и образы женщин. Это прежде всего Наталья Мартыновна Чижикова, дочь старого пушкаря, сестра милосердия, не боявшаяся лишений и опасностей тяжелого похода, смело взявшая на себя заботу о раненых и больных. Как скромную и обаятельную женщину, Наталью Мартыновну в гарнизоне любят все. Страстно любит ее и Атамкул, который ревниво следит за каждым ее шагом и из-за ревности готов убить любого, кто приблизится к ней. Он «все просил замуж за него выйти, десять тысяч баранов в калым предлагал». Не добившись взаимности, Атамкул похищает сына Натальи Мартыновны. Это вынуждает последнюю на крайне рискованный, но самоотверженный шаг: мать приезжает в стан Атамкула. Свое освобождение Наталья Мартыновна получает после казни «двуногого волка». В конце романа Наталья Мартыновна выходит замуж за скромного офицера Головина и живет с ним в старом Чиназе.

В ауле Атамкула Наталья Мартыновна познакомилась со старухой из гарема «двуногого волка». Старуха рассказала сказку, в которой были воплощены ее мечты о лучшей доле: это сказка о хане-женщине, о том, что все слуги ее и даже «диван-беги были... бабы». Хана звали Запай, жила она в городе Самирам. А тот город стоит на тысячах высоких столбов: высоко до него... Но родила Запай сына Искендира, и тогда мужчины взбунтовались и избрали его ханом. Началась битва между женщинами и мужчинами. Одолели женщины. Они связали Искендира и доставили матери, но та не казнила сына, а заколола себя. Тогда Искендир с мужчинами «заполонил» женщин и стал над ними властвовать.

В сказке показана самоотверженность матери, погибшей ради сына. Пришлась себя в жертву и Наталья Мартыновна, «добровольно» приехавшая вслед за сыном в стан Атамкула. Утешая этой сказкой русскую женщину, старуха, проведшая в гареме всю свою жизнь, понимает весь ужас ее положения.

Автор уделяет внимание изображению своеобразного пейзажа, на фоне которого разворачиваются суровые события, завершающиеся гибелью Досцака, достигнутого случайной пулей сторожевых постов. Роман начинается с описания желтого раскаленного песка, в котором торчал деревянный кол, выкрашенный красной краской. На верхней части кола была укреплена поперечная перекладина, где, «нахохлившись», сидел красивый охотничий сокол и дремал. У него были желтоватые, зоркие, разбойничьи глаза. От его неподвижной фигуры на красновато-желтый мертвый песок падала короткая голубоватая тень.

Унылую, безжизненную картину мало оживлял этот неподвижный сокол. Также неподвижно лежали две борзые собаки, очень «тощие, почти голые». Высунув сухие, воспаленные языки, собаки «лежали на боку вразяжку; и если бы только не чуть заметное движение ясно очерчивающихся ребер,— их скорее можно было бы принять за падаль, чем за существа живые, готовые в одно мгновение, по одному призывному свисту стрелою понестись по этим волнистым, сыпучим пескам, которым, казалось, не предвидится ни конца, ни начала».

И сокол, и борзые собаки, и люди в этих мертвых песках лишь кажутся неподвижными, спокойными, мирными. Малейший сигнал — и сокол взвоется в небо, борзые кинутся по следу, а всадники помчатся с гиком за добычей. И Садык, и Атамкул — это хищники: они даже одеты под цвет пустыни, чтобы не выделяться на «красновато-желтом фоне мертвого песка». Таков фон, таков пейзаж в романе. И лишь в рассказе старого Досцака пейзаж оживляется, потому что лауча ярко рисует в своем воображении картину родных гор и могучих рек.

«Двуногий волк», как и другие произведения Каразина, не стал выдающимся событием в русской литературе. Это следует объяснить слабыми художественными достоинствами романа. Автору не удалось создать полноценные, яркие, самобытные образы. И отрицательные и положительные персонажи книги охарактеризованы опять только внешне. Попытки внутренней, психологической мотивировки поступков героев не достигают цели. Однако «Двуногий волк» был встречен русской критикой с позитивных позиций, поскольку тема оказалась актуальной и привлекательной для широких кругов.

Разносторонне представлена казахская тематика в повестях и рассказах Каразина. Среди них привлекает внимание повесть «В камышах» (1879). В основу ее положена идея дружбы между казахами и русскими. Автор художественно достоверно показывает, как эта дружба прошла через суровые испытания. Примечательно, что русского офицера Касаткина, провинившегося перед официальными властями, защищают жители казахского аула. Разумеется, они понимали, какая их ждет кара, если бы мирные переговоры за жизнь и свободу русского офицера — друга казахов закончились провалом.

Образы казахов в повести, особенно Гайнулы-бабая, муллы Ашика, красавицы-девушки, безнадежно влюбленной в русского офицера, мудрецов-колдунов созданы автором реалистично. На них читатель смотрит глазами Касаткина, искреннего друга кочевников. Автор с тонким лиризмом описывает природу и великолепные сцены жизни казахского аула.

В повести «Таук»⁹ писатель на фоне занимательного сюжета, связанного с деятельностью русского разведчика, проникшего на территорию Кокандского ханства, создал запоминающийся образ карлика-горбуна Таука, который «отбил» от бандитской шайки и «пристал» к русским. Последним он оказывал громадную услугу, спасая пленных русских и доставляя необходимые сведения. В самых сложных ситуациях Таук ведет себя смело, проявляя ум, волю и находчивость. И русский разведчик говорит: «Маленький человечек, самую судьбою мне посланный, стал моим руководителем».

Путевые очерки Каразина «От Оренбурга да Ташкента»¹⁰ (СПб., 1886) представляют интерес описанием исторических мест, связанных с движением Пугачева. Любопытны также характеристики типов казахов (они проиллюстрированы авторскими рисунками). Каразин отметил, что между казахскими женщинами «встречаются положительные красавицы, поражающие вас энергией во взгляде, веселым, открытым выражением лица и грацией в движениях» (12).

Как для Оренбурга, так и для других азиатских городов характерно смешанное население. Писатель надеется, что это «упрочивает нашу взаимную связь», то есть он обращает внимание на укрепление отношений между русскими и народами Средней Азии (13). Совершая длительную поездку по казахским степям от Оренбурга до

Ташкента, Каразин часто видел следы древних оросительных систем. Он приходит к выводу, что когда-то этот край населяли оседлые культурные племена (10)¹¹.

Удивили писателя и «оригинальные могильные сооружения» казахов, воздвигаемые ими на вершинах курганов. Пользуясь при жизни легкими переносными жилищами, казахи строили своим покойникам прочные, «почти вековые здания в древнепидийском тяжелом, но крайне оригинальном стиле. Здания подобные имеют форму четырехгранной пирамиды, усеченной на трети своей высоты; верхняя площадка такой пирамиды украшена куполом и обнесена глинобитным решетчатым барьером» (10). Казахские кладбища нередко представлялись Каразину в виде таинственных городов.

В рассказе «Как чабар Мумын берег вверенную ему казенную почту»¹² создан образ простого казаха, гонца-чабара, который с утра, чуть ли не с солнечного восхода самозабвенно несет свою нелегкую службу в управлении степного форта.

Мумын — коренастый казах, чистейший тип степного бегуна. Автор подчеркивает, что у него «кости были ничуть не слабее железа, его мышцы не знали усталости, его прищуренные, заплывшие жиром, узкие, словно щелочки, косо прорезанные глаза видели вдаль даже ночью лучше комендантской трубки с хитрыми стеклами. Прилегли ухом к земле, он мог за час до встречи распознать какое угодно движение в степи: сайгаки ли перебегают по тақыр¹³, верблюд ли бродит где отставший, конные едут ли, каким шагом и сколько».

Мумын безошибочно разбирал и толковал следы в степи. Он поступил на службу к русским давно, когда был еще мальчиком. Обязанности чабара заключались в доставке казенной почты. Кони, одежда и питание были его собственные, а получал он за эту нелегкую службу всего 8 рублей. Только сумка для пакетов была казенная.

Своей многолетней и безупречной службой Мумын заслужил полное доверие. На всякий случай чабар завел себе саблю (клыч), нож у пояса и двухствольное тульское ружье. Его «походная» одежда состояла из белого войлочного головного убора, трех халатов, одетых один поверх другого, а шаровары его были кожаные, сохранившие следы вышивки шелками узора. Сапоги чабара имели острые, загнутыеверху носки и окованные жстью каблучки.

Вот, пожалуй, все детали портрета человека, образ которого создан в рассказе.

Но Мумын не только механический исполнитель служебного долга, а еще и поэт-импровизатор. Когда он едет с почтой, то всегда поет («мурлычит»). «А песня у него какая! — восклицает автор, — что только видит глаз, что только слышит ухо, что ни взбредет зря в голову, — все в эту песню бесконечную, монотонную укладывается». В самом деле, Мумын, по мнению автора, поет так:

Что ты это, серый мой, спотыкаешься?

А ведь это бродят верблюды, каты-магометово...

Козонный пошто вези, давай все коменданту в порядке...

Э...гей, Юлдаш-бай, здорово! Куда едешь, таннаузин...?

Стой, корноухий! Вижу, трет тебе брюхо подруга.

Сейчас поправлю!

Утки на болото сели, беркут серый ударить на них поровит...

Ого...го...гей!..

Вот так якобы шел Мумын, коротая свой 600-верстный утомительный путь по безлюдной степи. Лишь кое-где встречались пастухи, которые приветствовали одинокого чабара, да мелькали табуны испуганных сайгаков.

Но однажды Мумын встретился в степи с барантачами. Чабар думал возвратиться в форт, но боялся пучеглазого, вечно пьяного коменданта, который мог сказать: «Ты, собака ленивая, нарочно так сделал от лени, а не со страха вернулся». Вступив в неравную борьбу с барантачами, Мумын убивает одного из них. Чтобы сберечь почту, он зарывает сумку и ящик в песок. И все же Мумын не одолел барантачей, которые жестоко обошлись с ним.

Прошло полтора года. К коменданту форта привели оборванного, больного, исхудалого, заброшенного казаха, сквозь тряпье одежды которого виднелось голое тело. На спине застарелые кровавые рубцы, одного уха у несчастного не было совсем, а другое — до половины обрезано. На руках не хватало пальцев. Несчастный держал ящик и сумку. Это был Мумын. И хотя он рассказал о встрече с барантачами, комендант приказал его наказать. Больше Мумыну не пришлось возить почту. Вскоре он умер. В форте говорили, что Мумын был чудачком, поскольку на себя такую муку принял «из-за дрянной шляпенки да двух банок ваксы» и старых газет, которыми были набиты ящик и сумка чабара (184).

В этом небольшом рассказе все симпатии автора на стороне бедного простого казаха, добросовестно испол-

нявшего до последней минуты своей жизни служебный долг. Много прочувствованных строчек автор посвятил описанию степного пейзажа, на фоне которого разыгралась трагедия незаметного, маленького казаха-гонца.

В «Среднеазиатских этюдах»¹⁴ Каразина описаны события, связанные с завоеванием Бухарского ханства в 1868 г. Есть в рассказе и эпизоды, посвященные казахам (в частности, автор отмечал, что они «считаются не совсем хорошими мусульманами», стр. 79), особенно казахской женщине, в костлявых пальцах которой проворно шевелится изогнутая игла, а на спине голый ребенок с отвислым животом и полубритой головкой. ●

Н. Н. Каразин принимал участие в работе Аму-Дарьинской экспедиции, направленной для изучения дельты реки, имеющей важное значение в экономике края. В этот период он близко познакомился с этнографическими особенностями местного населения и создал несколько произведений, посвященных казахам и туркменам. Так, в повести «Тьма непроглядная»¹⁵ казахам посвящена глава «Тигрица», в которой воспеваются привольные казахские степи. Каразин с восторгом пишет о том, что в степи «грудь... свободно и легко дышит чистым воздухом», что «теперь только живете полною жизнью путешественника».

На степной станции происходит неожиданная встреча автора с полковником Назновым, с которым когда-то начинал службу в Туркестанском крае и пережил трудности совместных походов и боев. А теперь перед ним сидел почти старик. Он поведал о событиях, вызвавших у него трагические переживания.

Экспедиция, в составе которой работал Назенов, однажды в пути встретила караван из нескольких десятков двугорбых верблюдов, навьюченных разобранными кибитками и всякой незатейливой домашней обстановкой казахов. Поверх вьюков сидели женщины и дети. Мужчины, видимо, гнали скот по другим дорогам к месту кочевки аула. На одном из верблюдов сидела молодая женщина, кормившая грудью ребенка и мурлыкавшая какую-то песню, которая так же шла к монотонному шагу верблюда, писал Каразин, «как наша волжская «Дубинушка» к мерному шагу бурлаков, лямошников».

Услышав звон колокольчика экипажа русских, женщина смутилась и стала торопливо укладывать ребенка в одну из висящих сбоку кожаных торб (коржунов). Но

ребенок выскользнул у нее из рук и скатился вниз на песок. Однако для малыша все обошлось благополучно, поскольку он был завернут в тряпье и упал на рыхлый песок. Но эта сцена неожиданно сильно подействовала на Назенова, который, «испустив почти нечеловеческий, полный тоски и отчаяния вопль... стремительно выскочил из тарантаса и бросился... к ребенку». Между тем казашка подхватила своего малыша, рассмеялась, показав свои белые зубы.

Когда Назенов вернулся к тарантасу, «на нем не было лица».

Второй подобный случай произошел с ним, когда путники остановились в большом казахском ауле, реалистично описанном Каразиным. В далеко отстоящих друг от друга юртах кипела оживленная жизнь, стихающая днем, во время жары, и разгорающаяся к ночи, когда возвращались пастухи со стадами.

Русских гостей аул встретил гостеприимно. Они остановились в юрте зажиточного казаха, который был польщен тем, что русские предпочли его очаг. Владелец юрты высокий старец с выразительным лицом чисто монгольского типа, с реденькой седой бородкой а la Napoleon. Возле юрты был разостлан ковер, в деревянных чашках принесли кумыс. Гости отказались от барана, которого хозяева готовились прирезать тут же.

Вокруг необычных гостей собралось много аульной детворы. И Назенов «что-то развеселился: он хохотал вместе с детьми, как будто сам стал ребенком; он их брал на руки, ласкал и щедрою рукою раздаривал им свои запасы серебряной монеты» (160). Когда же до гостей дошли звуки плача, то Назенов вздрогнул, а услышав, что умер ребенок, он пошел в юрту, где на войлоке, закрытое с головой куском белой материи, лежало маленькое тело. Вокруг него сидели десятка два женщин, которые причитали, раскачиваясь в такт напева.

Назенов пошел прямо к ребенку и сдернул покрывало. Никто его не остановил, лишь только один казах сказал, что «тюре¹⁶—хороший человек, он добрый, он зла не хочет». Затем он крепко поцеловал ребенка в лоб и сунул в руки матери какую-то бумажку. Крупная слеза катилась по лицу Назенова: он с трудом сдерживал рыдания. Между тем с разных сторон слышались возгласы: «Урус якши!¹⁷ Урус добрый! Урус сам отец, должно быть!»

Экзальтированная чувствительность Назенова объяснилась значительно позже, когда произошла стычка участников экспедиции с туркменами. Оказалось, что он был женат на туркменке Агрель. Жили молодые супруги под Оренбургом и в Москве, у них был сын. Но Агрель не могла простить Назенову потерю близких и однажды ночью напала на спящего супруга. Погиб в свалке их ребенок, и поэтому Назенов не мог впоследствии спокойно смотреть на детей.

Из цикла «Рождественских рассказов»¹⁸ Каразина определенный интерес представляет казахская поэтическая былина «Черный наездник». Это произведение отличается как формой, так и своеобразным содержанием, изложенным в пяти песнях (главах).

Вокруг центрального героя «былины» — загадочного Черного всадника — группируются другие персонажи: девушка-красавица с необыкновенно длинной косой Узун-Чаш и белокурая девушка с кристально чистой душой Ак-Джан; упрямый богатый бий Хаким и осторожный Аблай-хан; сладкоголосый, добрый и тихий пастух — жених Узун-Чаш. Все они в той или иной степени связаны с Черным всадником.

Основной смысл былины в воспеании романтики жизни обитателей степи, чьи необъятные просторы и приполье создают идеальные условия для проявления лучших сторон человеческого духа: смелости, отваги, бесстрашия, храбрости, рыцарства. Храбрые сыны степи не знают иной власти, как власть седобородых старцев. Естественно, все это воспевается автором, как давно минувшее, безвозвратно канувшее в Лету.

В этом же цикле привлекает внимание небольшой этюд «Писанка», взволнованно повествующий о самоотверженной дружбе между казахским джигитом Малайкой и русским парнем Миколкой. Во время весеннего паводка друзья оказались на противоположных берегах реки, по которой начался ледоход. А джигиту очень хотелось обрадовать своего русского друга яйцом, на скорлупе которого он выцарапал фигуру молодца с ружьем и саблей и петуха. Несмотря на огромный риск, джигит на коне переправился к Миколке. И когда фигура юноши показалась на противоположном берегу, жители Казалинска восторженно приветствовали героя, смело рискнувшего ради друга на столь опасный шаг. О дружбе казаха и русского с удовлетворением и одобрением гово-

рили жителей городка. Каразин на обыденном примере показал крепнущие дружеские связи между молодыми поколениями казахов и русских.

В повести «Атлар» (1891) исторические события, действительно имевшие место в 1873 г., когда хивинский хан впервые столкнулся с русскими войсками и потерпел поражение, тонко сплетены с религиозными химерами о «святом» Атлар-Мулле.

Один из советников хана по имени Мат-Нияз в детские годы не только посещал могилу Атлара, слава о подвигах которого прошла по всему свету, но и ночевал на ней. За это мальчик удостоился видения. Оно повторилось в момент разгрома хивинских войск. И тогда советник хана Мат-Нияз умолил своего повелителя заключить с русскими войсками мир, говоря, что «политые кровью мертвые пески оживут цветущими садами». Между тем у хана был и другой влиятельный советник — бывший пленный «авганец» Мат-Мурад, ненавидевший русских и толкавший народ на бессмысленную войну. Впоследствии он был пленен и отправлен в Казалинск, где находился в заключении.

О необычной судьбе однажды плененного персидского мальчика сложена легенда: если переночевать на могиле святого, то переночевавший приобретает необыкновенное богатство или талант, счастье или силу и т. д. У Мат-Нияза, переночевавшего на могиле «святого» Атлара, появился замечательный талант государственного деятеля, мудреца.

Интересно также упоминание в повести об изображениях на плитках фронтона мазара из жженого кирпича фигур воинов, пеших и конных, сцен охоты и боя, верблюжьих караванов, боевых доспехов, борзых собак и парящих ястребов и орлов (109). Как известно, ислам запрещал изображение людей, животных, птиц, тем более на могильных плитах.

В верстах 12 от мазара Атлара находились кочевья богатого Букеевского рода, но испокон веков «даже сам грозный хивинский хан не посягал на их истари насиженное право» (110).

В повестях и рассказах, включенных в состав тома под названием «В песках»¹⁹, несколько произведений посвящено казахской теме, в том числе и повесть-легенда «Дауд-караван-баш». Автор указывает, что во время его продолжительного пребывания в Центральной Азии

ему не раз приходилось совершать довольно длинные путешествия с торговыми караванами. Во время перехода «чего-чего нельзя было бы наслушаться вволю». Были разговоры политические — о ханах, разных правителях, о самом эмире (речь шла об эмире Бухарском: караван шел из Бухары). Каразин отмечает, что «азиаты вообще большие любители политических тем — перетолковывая все по-своему, освещая серьезные, часто величественные роковые события своим юмором, доходящим иногда до злой и меткой сатиры. Ведь тут свобода: кругом мертвая пустыня, все свои, подслушать некому, риска никакого» (4).

Рассказывалось о разнообразных дорожных происшествиях, случаях из охотничьей и военной жизни, злых духах, привидениях и т. д. Автор с удивлением констатировал, что «суеверие азиатов развито до крайних пределов — фантастический мир чудес здесь богат, как нигде, давая бесконечный материал для бесед» (5).

Главным героем повести является лауча — верблюдовожатый Дауд. Ленивый, неповоротливый, забитый, заруганный, Даудка-колченогий стал владельцем 7 верблюдов после смерти своего хозяина Джамал-Магомета. Став караван-баши, Даудка «позарился» на товар купца: зарезал его с помощью другого злодея. Но с тех пор «неприкаянным» ходит Даудка, и если его верблюды показываются путникам (миражи) — быть беде.

Творчество Каразина получило в русской печати противоречивые отзывы. Так, анализируя рассказы и очерки Каразина («Ак-Томак», «Богатый купец Бай Мирза Кудлай»), критик Никитин (1874) отмечал не только внешнюю анекдотическую сторону их, но и сюжетную неправдоподобность, а также упрощенность, примитивизм внутреннего мира героев. Никитин писал: «Художник, способный к анализу человеческой души, одаренный психологическою наблюдательностью, никогда не создал бы такого невозможного характера» (как у Ак-Томак, героини одноименного рассказа).

Критик подчеркивал, что действующие лица рассказов и романов Каразина «представляют собой не целостные человеческие характеры со всем психологическим разнообразием, во всей полноте и последовательности их развития, — нет, в них автор рисует нам только некоторые душевные состояния». Писатель в своих произведениях выступает «как живописец», который на полотне

передает «лишь отдельные черты... характеров... переходящие настроения человеческой души, частные эпизоды из ее жизни». Несмотря на «отсутствие творческой фантазии, Каразин оказался большим охотником до драматических эффектов» в своих произведениях.

Е. Гаршин (1888) указывал, что «Каразин, с одинаково смелостью владеющий кистью, карандашом и пером, на радость себе и нетребовательным читателям»²⁰ создаст слабые в художественном отношении произведения.

Указанные недочеты не снижают, однако, познавательной ценности произведений Н. Н. Каразина. Уже после смерти писателя появились статьи, в которых его считали то русским Густавом Додэ, то Майн Ридом. Отмечалось также, что писатель принадлежал к богато одаренным натурам, что он был чутким художником, талантливым беллетристом и пр.

Д. Н. Логофет (1907)²¹, например, отмечал, что горячее солнце Средней Азии, новизна жизни народностей Туркестана, яркое голубое небо способствовали тому, что искра творчества загорелась ярким пламенем в душе чуткого художника и писателя.

В одном из некрологов упоминалось, что писатель Н. Н. Каразин был внуком известного при Александре I общественного деятеля и основателя Харьковского университета В. Н. Каразина, от которого будущий писатель унаследовал пытливый ум и склонность к литературе и искусству²².

Как в дореволюционном, так и в советском литературоведении, к сожалению, встречаются работы (например, рукопись Н. П. Кременцова)²³, в которых туркестанские романы Н. Н. Каразина, носящие разоблачительный характер, оценивались как «недостаточно объективные» лишь на том основании, что писатель не показал «огромную работу по введению в крае новой государственности, землеустройства, судопроизводства, статистики, разработки налоговой системы и др».

Кременцов подробно перечисляет положительные результаты деятельности администрации края (издание газет, открытие школ и пр.), а также отдельных лиц (Северцова, Мушкетова, Федченко, Гейнса, Верещагина, Батыршина) и среднеазиатских научных обществ. При этом он указывает также на «непосредственное и активное участие» писателя Каразина, который вместе с Д. Л. и Е. Л. Ивановыми был учредителем «Общества

любителей драматического искусства», возникшего в Ташкенте в 1868 г. Здесь они играли в пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись».

В этом и других подобных позитивных примерах, не прошедших отражения в творчестве Каразина, критики склонны были видеть некую необъективность писателя. Если идти по отмеченному пути в оценке творчества Каразина, то, видимо, нужно было бы «критиковать» и Н. В. Гоголя за его бессмертные «Мертвые души», где также не показаны как положительные герои чиновники царской администрации.

Необходимо подчеркнуть, что творчество Н. Н. Каразина, несмотря на отдельные недостатки (отсутствие глубокой психологической характеристики героев; любовь автора к нагромождению событий и усложнению ситуаций с целью вызвать острые ощущения у читателя и т. д.), ценно все-таки тем, что на страницах его романов, повестей, рассказов и очерков запечатлена история первых шагов становления русско-казахских отношений. Каразин принадлежал к числу тех авторов, которые своим творчеством способствовали формированию интереса читающей публики к самобытным сторонам жизни народов Казахстана и Средней Азии. Следуя методу критического реализма, писатель создал вполне убедительные типы первых капиталистических хищников в Туркестане, показал их звериную сущность. Вместе с тем он художественно правдиво показал (роман «С Севера на Юг» и др.) деловые и дружеские отношения, возникшие на почве совместного труда представителей двух народов — русского и казахского. Это создавало условия для их взаимосвязи и взаимообогащения во всех сферах жизни.

Среди первых русских людей, прибывших в Среднюю Азию и Казахстан, было немало прогрессивных деятелей, таких, как Н. Н. Каразин и другие, которые с позиций гуманизма изучали культуру, быт и обычаи коренного населения, старались оказать ему помощь в просвещении, пытались оградить кочевников от произвола царских властей и т. д.

Одна из важных особенностей произведений Каразина заключается в том, что на страницах его романов, повестей, рассказов и очерков выступают представители разных народов: русские, казахи, узбеки, туркмены, киргизы, англичане, евреи и др. Рисуя положительные или

отрицательные черты характера того или иного персонажа, Каразин был далек от мысли приписывать их национальным особенностям героя. Вот почему в галерее отрицательных каразинских образов можно встретить капиталистическую акулу Перловича и грабителя мурзу Кадргула. Один приехал из далекого Петербурга, другой — абориген степей.

Вместе с тем писатель создал галерею образов честных и гуманных людей, как Бурченко в «Погоне за наживой», Назенов в «Тьме непроглядной», Касаткин «В камышах» и др. Эти русские люди разделяли боль и радость с местным населением — казахами, а те отвечали им огромным уважением и признательностью.

Замечательной особенностью творческого почерка Каразина являлась его любовь к описанию подробнейших деталей быта казахов, их портретных данных, одежды, головного убора и т. д. Подробно описывались обстановка в юрте, предметы утвари.

Будучи незаурядным художником, Каразин уделял большое внимание точной, яркой, впечатляющей передаче картин степного пейзажа, просторов казахских степей.

Наследие Каразина-художника достойно самостоятельного изучения. Из этого богатого наследия особого внимания заслуживают рисунки, этюды, картины и эскизы, посвященные Казахстану и Средней Азии. В них он запечатлел не только батальные сцены, но и этнографические особенности жизни казахов, узбеков, киргизов и др. Каразин иллюстрировал многочисленные журналы, а также художественные издания «Живописная Россия», где опубликован целый ряд его рисунков из жизни казахов: казахи на молитве; казахские скачки; казахи на телеге, на волах и верблюде; голова старой казашки; табун в казахской степи и др.²⁴ Собственные литературные произведения писатель также иллюстрировал своими оригинальными рисунками. Так, его книга «От Оренбурга до Ташкента» (СПб., 1886) содержит 26 рисунков автора, большинство которых посвящено казахам (казах на верблюде; казах в шляпе; перекочевка богатого казахского аула; юрта бедного казаха; казах и русский; казах на лошади и т. д.).

В 1874 г. в разделе «Литературная хроника» газеты «Голос» (№ 335) было опубликовано сообщение о выставке акварельных рисунков И. Н. Каразина, члена

сырдарьинской экспедиции. Выставка была организована в помещении Русского географического общества и состояла из трех разделов. Первый посвящался окрестностям Аральского моря и типам казахов, населяющих Приаралье. Внимание привлекала сценка из казалинской уличной жизни «На базаре», в которой достоверно изображены характерные фигуры казаха и казашки, сидящих верхом на лошади и погоняющих небольшое стадо баранов. Зритель как бы ощущал пыль, поднятую бегущими животными, глаза казахов, ослепленных этой пылью. Вся картина представляет собой реальное воплощение кусочка жизни далекой окраины. Типы казахов (кзыл-кумских) показаны и в других разделах выставки.

Рецензент писал, что небольшая выставка рисунков Каразина «как по содержанию, так и по художественному выполнению вполне достигает своей цели»: знакомит русскую публику с неизвестным ей краем.

Н. Н. Каразин был современником многих выдающихся представителей русской культуры. Он состоял в переписке с известными деятелями России, о чем свидетельствуют как архивы самого писателя, так и Д. В. Григоровича, В. А. Мазуркевича, С. Е. Добродеева и собрание В. И. Яковлева, хранящиеся в Пушкинском доме²⁵.

Следует также отметить, что известные исследователи истории и культуры Туркестана О. В. Маслова²⁶, Б. В. Лунин,²⁷ Г. Н. Чабров²⁸, П. И. Данилов, Н. П. Кременцов и другие дали в целом объективную оценку творчеству Н. Н. Каразина, что нашло отражение как в трудах названных ученых, так и в докладах, обсуждавшихся на заседаниях Узбекского филиала Всесоюзного географического общества.

Положительное значение произведений Каразина заключалось в их гуманизме по отношению к беднейшим представителям казахского и узбекского народов. В этих произведениях сохранилось живое дыхание далекой эпохи, эпохи сближения народов Казахстана, Средней Азии и России в рамках единого государства.

Казахской теме посвятил несколько крупных произведений известный в свое время путешественник, дипломат и писатель **Н. П. Стремоухов**²⁹. В его творчестве заметное место занимает трилогия «В Бухару», «Среди басурман» и «Домой из Бухары», которая полностью вышла в свет в 1905 г. Первая книга этого многопланового романа целиком посвящена жизни, быту и нравам казахов. Анализ

ее в исследуемом плане, безусловно, представляет определенный интерес.

В книге дано описание долгого, трудного и опасного пути купеческого каравана из Оренбурга в Бухару. Караван вез массу разнообразных товаров (ситец, сукно, кисей, бархат, чай, сахар, московские конфеты и т. д.), сложенных в обтянутые железом красные, зеленые и синие сундуки со звонкими «музыкальными» замками. Сундуки закрывались в кошмы-войлоки, которые производили казахские женщины. Они же изготовляли и крепкие волосяные веревки: ими обвязывались сундуки.

Владелец товаров оренбургский купец Задеев направил в Бухару Николая Михайловича Гуренева. Караван-баши стал казах Барак. Стремоухов дает следующее портретное описание караван-баши, начиная с ног: «На черные ичиги»³⁰, одетые в кауши³¹, опускались широчайшие, желтые, кожаные чимбары³², на которых красными и синими шелками были вышиты крупные розы. Чимбары были опоясаны поверх пестрого, широкого, с неизмеримо длинными рукавами халата; на кожаном, белом поясе, едва обхватывающем жирное туловище, ...висели два ножа и бритва. Черный, остроконечный, суконный малахай³³, подбитый и опушенный бараньими шкурками», составлял наряд караван-баши. Первое впечатление о нем складывалось неблагоприятное, однако Барак очень скоро расположил к себе людей добродушием и прямоотой, чистосердечной и бесхитростной улыбкой. Вот почему маклер, с помощью которого караван-баши и купец договорились об условиях доставки товаров до Казань и далее до Бухары, рекомендовал Гуреневу подружиться с Барак, который и совет может дать дельный и помощь оказать, когда в этом возникнет необходимость. Он говорил также, что казахи «угостительны (т. е. гостеприимны.— К. К.) и любят тех, кто их гостеприимством не гнушается».

Многие страницы романа имеют этнографическое значение: автор подробно описывает устройство казахской юрты, внутреннее убранство ее, приемы угощения у казахов. Стремоухов уделил много внимания казахской женщине. Если вообще в мусульманском мире «женщины не пользуются никакими правами и преимуществом: на них смотрят как на неизбежную принадлежность, собственность каждого семьянина», то у казахов, по мнению автора, женщины, «напротив, совершенно свободны и ни

в чем не ограничены, они равноправны с мужчинами». Причину этого писатель видел в том, что хотя казахи и «считаются мусульманами, на самом же деле они не придерживаются никакого вероисповедания и соблюдают только те правила, которые освящены их адатом». Это мнение Стремоухова, по сути, повторяет широко бытовавший в русской литературе взгляд на казахов, как на «плохих мусульман», которые не ограничивали свои действия и поведение строгими религиозными догмами. Вместе с тем Стремоухов склонен был видеть высокую степень свободы казахской женщины... во внешнем сходстве ее платья с одеждой мужчины, хотя женская одежда отличалась как шириной, так и длиной. Головной убор казахских женщин по форме напоминал «кичку русских женщин». Но казашки «для большого парада» украшали его «всевозможными побрякушками и ленточками».

Свои наблюдения автор подтверждает некоторыми эпизодами. Когда русские гости приехали в аул Барака, их встретила супруга хозяина. Бойко, даже дерзко смотрели ее большие, черные глаза, обрамленные дугообразными бровями. Лицо ее было бы красиво, если бы не сильно выдающиеся скулы и глубокая впадина на лбу.

Без всякой застенчивости подошла она к Гуреневу, протянула руку и весело приветствовала. Ее улыбка обнажила два ряда ровных ослепительной белизны зубов. Выходя из юрты, она бросила лукавый и кокетливый взгляд на молодого русского...

В ауле Гуренев познакомился с молодым человеком, по имени Абдулла. Выяснилось, что подобные имена казахи дают всем беглым из России, которые скрывались в казахских степях. Абдулла как будто обучался в Казани, долго жил между казаками и всевозможным обманом сумел выдать себя за мудреца. Казахи, проявив доверчивость, называли его не иначе, как Мульдеке. Он оказывал на них определенное влияние. Этому способствовало следующее обстоятельство. Между казаками, писал автор, весьма распространен обычай: во время праздника, пиршества «или распевать песни, или рассказывать басни, сказки и анекдоты, или же загадывать и разгадывать загадки». Если кто-то не сумеет принять участия в такой беседе остроумным словом, то это считалось «великим срамом». Такой человек падал «во мнении общества». Абдулла же приобрел известность в степи как чрезвычайно находчивый и изворотливый человек. По

мнению Стремоухова, люди типа Абдуллы, выдавая себя за мудрецов, на самом деле были «ловкими обманщиками, просто неучами», которые пользовались невежеством населения и выманивали у людей добро. Опасность заключалась в громадном влиянии их авторитета на кочевников. Они побуждали население к противозаконным действиям, прикрываясь именем аллаха. Хитрый и плутоватый Абдулла вступает в заговор с погонщиком Давлубаем, чтобы через связного Аблая предупредить предводителя барантачей Джан-Ходжу о прохождении каравана через Мугоджары.

Следует здесь заметить, что Стремоухов очень вольно пользуется именами некоторых исторических лиц казахского народа, называя ими своих героев. Так, известные и султан Барак, и хан Аблай, и батыр Джан-Ходжа³⁴.

На долгом пути в Бухару караван делает многочисленные остановки в казахских аулах, жители которых приглашают караванщиков в гости или просят принять участие в похоронах или свадьбах. Автор дает подробные описания этих обрядов. Так, с большим радушием и сердечностью участники свадьбы встречают Гуренева. В его честь был «зарезан молодой баран», устроены скачки (байга).

В пути караванщики повстречали молодого казаха Мастана, который был «оригинально красив» и строен, что подчеркивалось и нарядной одеждой — красным халатом, красными кожаными «чимбарами», красной тюбетейкой. Мастан разыскивал барантачей, которые проникли в караван Гуренева, чтобы предать его в удобном месте. Опасаясь разоблачения, Абдулла решил бежать. Вскоре караван ушел, оставив Абдуллу. Но последний вынужден был затем догонять его, боясь потерять добро.

Когда караван достиг окрестностей Эмбы, русский член каравана Шигров поехал к казакам, чтобы предупредить их о возможном нападении барантачей. А они между тем собрались в одной из юрт Чиклинского аула, где вели тайную беседу. Почетное место в юрте занимал Джан-Ходжа, старшина аула. Он имел рыжеватые с проседью усы и бороду, густые нависшие брови закрывали его глаза. Широкий морщинистый лоб и сильно приплюснутый нос отчетливо выделялись на плоском лице. Толстая мускулистая шея и мясистые широкие плечи выказывали необыкновенную силу. Автор считает Джан-Ходжу незаурядной личностью. Другие его сообщники

в основном охарактеризованы как люди, «на чертах каждого из которых отпечатались звериная жестокость и низкое лукавство». Исключение, казалось бы, составлял шестой собеседник, внешне добродушный, кроткий и услужливый. Однако все это было фальшивым притворством, которое и составляло главную отличительную черту характера Аим-Ходжи, агента хивинского хана. Коварный Аим-Ходжа требовал исполнения новых поручений своего повелителя.

В одном из ущелий Мугоджар произошел бой между барантачами и караванщиками, во время которого были убиты Джан-Ходжа и другие его сообщники. На стороне русских в бою активно участвовал молодой казах Мاستан, который затем возвратился домой. Он был счастлив, что Гуренев выразил ему свои чувства дружбы. Русские говорили, что «и между киргизами есть хорошие люди, любой русский позавидовал бы этому молодцу!»

Из Казалицка караван направился в Бухару через песчаные пустыни. В пути люди пережили страшную бурю, но, преодолев трудности, все-таки вступили в бухарские пределы. Своим спасением они были обязаны караван-баши Бараку, который на слова благодарности русских ответил, «простодушно улыбаясь»: «Джаксы» (хорошо. — К. К.).

Почти одновременно с караваном добрался до Бухары и Абдулла, сумевший ввести в заблуждение жителей казахского аула. Они-то и помогли ему добраться до Бухары. Но Абдулла одержим желанием отомстить русским.

Караван-баши через неделю решил вернуться домой, а Гуренев остается в Бухаре. Он внимательно присматривается к жизни бухарцев, заводит с ними широкое знакомство, усваивает язык местных жителей, но обо всем этом рассказывает уже вторая книга трилогии Н. П. Стремоухова — «В Бухаре».

Таким образом, в первой книге своего романа писатель стремился создать убедительные типы казахов, но следует признать, что эту задачу автор решить не сумел. Его герои — люди нераскрытого внутреннего мира. Очевидно, Стремоухов полагал, что подробные описания размеров «чимбаров» и окраски халатов возместят отсутствие психологического анализа. Все персонажи даны в статике. Например, караван-баши Барак, занимающий положительной полюс в романе, добродушно улыбался

и когда впервые знакомился с русскими, и когда караван под его руководством благополучно миновал все опасности и прибыл на конечный пункт, то есть читатель знает об этом герое столько же в финале романа, сколько и на первых его страницах. Аналогичное можно сказать и о других персонажах произведения. Они занимают резко полярные позиции, и читателю не приходится предугадывать, кто из них как поступит.

Однако, несмотря на слабые свои стороны, роман занял определенное место в ряду художественных произведений прошлого, посвященных казахской тематике.

Немало познавательного для русского читателя того времени было в правдивых зарисовках Стремоуховым картин повседневной жизни казахов, их обычаев. Привлекает внимание в романе пейзаж, на фоне которого происходят основные события. Описывая местность, по которой проходил караван, автор подчеркивает, что и налево, и направо, и впереди, и сзади — везде и всюду виднелась одна трава, что придавало степи однообразный и дикий вид. Только встречались невзрачный, кривой саксаул, колючка пыльная, да по берегам озер и речек — камыши и карагачи. Говоря о том, что путь каравана пролегал и через глубокие пески и солончаки, автор замечает, что «пейзажу они особенной прелести не придают». Но картины природы менялись, когда путники шли по берегам рек, через всхолмленную местность, когда временами им попадались утесы всевозможных форм и оттенков.

В последней книге трилогии Стремоухов описывает, как после многих злоключений Гуренев возвращается, наконец, на родину. На обратном пути караван проходит через густонаселенные среднеазиатские города. Гуренев обращает внимание на успехи русского управления краем: он видит форты, из которых впоследствии выросли крупные населенные пункты и города в казахских степях (из форта № 1 — Казалинск, из форта № 2 — Кармакчи, из форта Перовский — Ак-Мечеть — Кызыл-Орда).

В рассказе писателя «Чуть-чуть не попался» (1892)³⁵ старый русский полковник, от лица которого ведется повествование, весьма высоко оценивает казахов и киргизов, подчеркивая их добродушие, простоту, кротость, откровенность, твердость в слове и безграничную доверчивость. Он особенно выделяет у них святое соблюдение «законов» гостеприимства и дружбы. Полковник, много

лет проживший среди кочевников, знавший до мельчайших тонкостей их язык, нравы, обычаи и даже попавший в руки барантачей, «с необыкновенным жаром» защищал своих «любимцев» от нападок автора, «не без хитрости» бранившего кочевников, чтобы «только подзадорить его и навести на излюбленную тему». Действительно, полковник поведал ему об одном из интересных эпизодов, связанном с его поездкой в аул, родоправитель которого коварством и обманом хотел предать русского офицера в руки барантачей. Кстати, этого же добивался... и начальник края, которому «не приглянулась» «физиономия» героя рассказа. Но из всех трудных испытаний герой вышел живым и невредимым — и здесь главная заслуга принадлежит джигиту, который самоотверженно спас его в самый критический момент.

В рассказе довольно отчетливо раскрывается та мысль, что познать душу народа можно, только пожив среди него, что за грубою внешностью нередко скрывается доброе сердце.

В 1897 г. увидел свет роман Н. Урлова «На верблюдах»³⁶. Во введении автор отмечал, что в молодости он много поездил. И хотя с тех пор прошло «каких-то» двадцать лет, время уже кажется «невозвратным» и «милолетным».

Жалея об ушедших годах, автор пишет, что тогда он был «независим» и смотрел на мир сквозь «розовые стекла». А теперь? «Пустое урчание в желудке порождает смертельный страх, а встреча с «его превосходительством» приостанавливает даже биение сердца, которое прячется в эту минуту если не совсем в пятки, то, наверное, очень неподалеку от них». Рассказывая о «пошлом мыкании» по канцеляриям, затхлом воздухе архивов, рапортах, докладах, отношениях и донесениях, он вспоминает друзей-казахов, этих наивно добродушных, скуластых детей природы. Их-то автор и противопоставляет «геморроидальным» сослуживцам-чиновникам. Вместо прежней, независимой, полной поэзии жизни на лоне природы теперь жалкое прозябание человека, находящего приют под крышей дымного и душного ресторана и кафе-шантана.

Причину столь разительных перемен автор видел в цивилизации, которая стремительно шагнула вперед и разбудила «дремавшую Русь». Поднялся «Северный Колосс» и движимый мощной силой прогресса быстро принялся догонять Европу... Движение Колосса на Во-

сток сопровождалось падением «чалмоносных» голов хивинцев. Вскоре на громадной территории степей «забелелся» двуглавый орел под минаретами ханских ставок. Продвижение русских в Центральную Азию продолжалось.

Благотворный климат и сокровища среднеазиатских земель привлекли к себе внимание предприимчивых людей. С насиженных мест двинулись смельчаки за снежный хребет Алатау, а за ними — промышленники, капиталисты. Железные дороги опоясали край, где два десятилетия назад рыскали тигры, а в болотах — кабаны. Кочевник видит «шайтан» (черт) — телегу, и ему жалко минувшее, «доброе старое время». Такого кочевника автор сравнивает с завзятым русским крепостником, который также жалел о «блаженном» для него, но позорном для народа времени барщины (54).

Повествование ведется от первого лица, устами которого часто говорит сам автор. Зубарев — главный герой произведения — лет 20 назад служил у купца Огнева. Ему он обязан был проводить закупку и отправку в Сибирь «некоторых жировых товаров», а в Нижний Новгород — хлопка. Отмечается, что до начала 60-х гг. XIX в. «хлопчатая бумага» доставлялась в Россию преимущественно из Америки. Бухарский хлопок не имел почти сбыта на рынках России. Его продавали по четыре рубля за пуд, хотя себестоимость хлопка была пять рублей. Но русские купцы платили за бухарский хлопок не деньгами. Они широко практиковали товарообмен, в результате которого хлопок обходился им еще дешевле. Но с 1862 г. ввоз хлопка из Америки прекратился, так как там возникла междоусобная война³⁷. Цена на бухарский хлопок резко подскочила — до 22 рублей за пуд.

В 1872 г. Зубарев по торговым делам побывал в Петропавловске и Акмолинске. Он сопровождал караваны с хлопком до Орска через Тургайские степи на Актау через Кокчетау. В своих торговых операциях русские купцы пользовались верблюдами, избегая забот по налаживанию почтового тракта. Верблюд был не только вьючным животным, но и давал питательное молоко и шерсть, идущую на выделку особой ткани (армячины). Основная же ценность верблюда для купцов была связана с его качеством «седло-зверь» или «вьюк-человек», ибо «идея верблюда» была заложена в его горбах, шее и ступне. Он рисуется как «живое, неутомимо движущееся

седло на четырех ногах». Только безграничная пустота могла породить этого «работника, не знающего усталости» (56).

Автор отмечает также «что-то древнеегипетское в умном и сурово-равнодушно взгляде верблюжьего лица. Кажется, будто он все понимает и будто презирает вас. Кажется, что он сознает свою силу, свою пользу, свою независимость, сознает, что исполняет свой священный долг. Оттого, может быть, так презрителен его взгляд, так величественны и неторопливы его движения. Вы видите не невольника, а фанатика работы... Как горбы его просят вьюка, так шея его просит ярма... Ярмом согнутая шея не препятствует глазам смотреть прямо и свободно вперед, ушам слышать, длинным ноздрям — обонять. Верблюд не поглощен весь своею работою, не подавлен своей ношею; на ходу он озирается с достоинством независимости и с философским спокойствием наблюдает суетный мир, обративший его в машину для перевозки» (56).

Таков «гимн» верблюду.

Караван этих животных сопровождают возчики-казахи («лаучи»), которые выходят партиями в несколько десятков человек. Во главе идет караван-баши.

Сбор каравана представлял известную трудность. Не случайно рассказчик вспоминал, как он, «высунув язык, бегал по кишлакам и аулам, чтобы собрать необходимое количество верблюдов». Владельцы последних «тянули», ссылались на различные причины (говорили о разбое какого-то Алимкула и др.), чтобы выторговать «лишний рубль».

Среди спутников героя был Иван Левашов, известный на сотни верст в степи под именем Иван-бая. Это седовласый старик, высокий, широкоплечий, с большими красивыми глазами. Носил он казахский халат и малахай, разговаривал на казахском языке, поэтому его многие принимали «за чистокровного номада». Он не пил, не клал табак за губы.

В составе каравана был и Тележников, выходец из Великого Устюга. В Ташкенте, где он служил приказчиком, накопил деньги и теперь возвращался домой. Скопидом и кулак, он боялся за судьбу своих денег. Торгуясь, Тележников «распинался, вилял всей фигурой и торговался так отчаянно, словно он отстаивал собственную жизнь»³⁸.

Караван-баши стал казах Нысанбай Кебеков, олицетворявший собой тип «настоящего степняка»: он имел длинную, редкую, седую бороду, обрамлявшую скуластое лицо. Его узкие «наискось разрезанные» глаза светились природным умом, и от всей фигуры «вевало» почтенностью. Нысанбай довольно хорошо говорил по-русски. Он возглавлял караваны «почти во все стороны» и даже не раз «заглядывал» в Нижний Новгород. Автор считал его «тертым калачом».

В 1872 г. караван вышел из Ташкента. Дано описание этого города, его базара, первого ночлега и характера беседы в пустыне. У горы Чингиз герой услышал легенду о том, будто бы в этих местах охотился Чингиз-хан и захотел пить. Только он об этом подумал, как перед ним вдруг появилась чаша.

Коснувшись особенностей экономической жизни казахов, автор сообщил, что они занимаются скотоводством, а также охотой и рыбной ловлей («Ежегодно вывозят на сто тысяч рублей рыб»). Многих казахов прельщала и соляной промысел, развитию которого способствовала сеть степных самосадочных озер. Хозяева верблюжьих стад занимались извозом, получая также большие барыши (70).

Уралов заметил, что если раньше земледельцами были в основном байгуши, «имевшие мало скота», то с 60-х годов за обработку земли взялись и богатые кочевники. Однако земледелие, требовавшее постоянного орошения и новых орудий, при их отсутствии превращалось в «египетский труд». Автор считал, что казахи «по своим коммерческим способностям... отстают от бухарцев».

Много внимания Н. Уралов уделил домашнему быту казахов, отметив различия в одежде, питании, быту бедных и богатых. Писатель подчеркнул также ведущую роль женщины в хозяйстве кочевника. Во время охоты герой романа услышал от казаха Байтака песню, содержание которой переведено им так:

На берегах Дарьи летом гулял белый конь;
Хозяин заметил его горячий поров и крепкую статью
И пустил в бег на далекое расстояние.
При беге у коня показывалась кровавая пена,—
Так сильно бежал он,—
А когда узнавал на бегу своего хозяина,
То становился еще прытче —
Совсем стрелой летел белый конь!
Хотя Дарья река глубокая, и покрывала

Водою всего верблюда, однако белый конь
Пробежал через реку только по колено в воде.
Его ноги не скользили по горам и скалам,
И он догонял даже диких коз.
Происходил белый конь из табуна Темучина³⁹
И был предметом удивления всех телохранителей великого хана.

Автор устами своего героя отмечал, что напев этой песни был «унылый, тихий, монотонный, но приятный, отзывающийся в душе чем-то близким сердцу».

В течение длительного путешествия люди пережили немало мучительных минут из-за жары, песка, многочисленных змей и т. д. Глубокое впечатление на Зубарева произвела «мертвая степь», заснувшая вековым сном. Облик Кара-Кумов, через которые проходил караван, был совершенно иной, чем пустыни в районе Сыр-Дарьи, где, по данным Бабура, еще в XIV в. были цветущие многолюдные города, обширные болотистые и камышовые заросли, густые леса.

Из беседы с караван-баши Зубарев узнал новые подробности из жизни казахов. «Повсюду» он отмечал «неприкрытую бедность», везде — в Аулие-Ате и у побережья Аральского моря — видел соплеменников караван-баши, оборванных, полуголодных. С законным основанием писатель выразил сомнение: «Где же эти стада баранов, у кого косяки лошадей, о которых приходилось нередко слышать? Не выдумка ли уж эти рассказы про «привольное житье» казахов?»

В беседе герой и Нысанбай Кебеков коснулись извечной темы — любви. Караван-баши говорил, что у молодых людей всех народов сердца бьются одинаково, но у казахов даже «сильнее любят». Далее на основании своих личных наблюдений в Нижнем Новгороде он утверждал об испорченных нравах, о покупке женщин. Когда же Зубарев напомнил ему о калыме, Нысанбай заявил, что это «народный обычай», и рассказал «былину» о женитьбе одного батыра, который отличался не только физической силой, смелостью, храбростью, но умом и честностью. Прежде батыры имели громадное влияние в народе, писал Уралов, так как свои силы как физические, так и духовные они тратили на пользу народа, были прямолинейны и безупречны, помогали торжеству правды, справедливости. Никто не мог упрекнуть настоящего батыра в том, что он покровил душой, дал необоснованно раз-

гуляться своей удали только из пустого тщеславия (75—76).

Далее Кебеков поведал о подвигах батыра Сергале. Эту быль он слышал от своего отца. Батыр побывал у Абыза — предсказателя, который вещал, что он будет любим, но умрет поруганный и родичами и врагами. Прошло много лет. Батыр сделался предводителем молодцов. Его успехам радовались и бедные и баи. Последние всегда получали крупную долю в добыче. Вскоре батыр встретил девушку, которую полюбил. Но он попадает в ловушку, и с ним жестоко расправляются враги.

Уралов повествует и о необычной судьбе своего героя Зубарева, который женился на красивой казахской девушке. Для этого он даже согласился стать мусульманином. Однако через три года жену похитили разбойники, оставив маленькую дочь Райхан, с которой отец ехал теперь в Петербург. Зубарев «казнил» себя за то, что при «роковом стечении обстоятельств столь легкомысленно» согласился «переменить веру отцов» (61). Он утверждал, что никогда не переставал быть русским, и обещал начать новую жизнь. Спустя двенадцать лет автор узнал, что Зубарев живет в Петербурге «под чужим именем, а дочь Райхан отдал учиться в столице на курсы».

Следует отметить, что Уралов испытал значительное влияние Н. Н. Каразина. В его книге есть и «степные разбойники», и «господа-ташкентцы» и любовь между русским и «туземкой» и т. д. Сюжеты его произведений «завязывались» по-каразински. Не случайно Алекторов считал, что Н. Уралов пытался «подделаться под тон и манеру писать» казахские рассказы, повести и романы, как Каразин⁴⁰.

Тем не менее произведения Н. Уралова на казахскую тему примечательны тем, что их автор с пониманием писал о казахской бедноте, отмечая ее тяжелую жизнь, интересовался поэзией народа, его бытовыми особенностями и хозяйственным укладом.

Автор романа «В новом краю» Н. Ильин⁴¹ был одним из прогрессивных деятелей, составлявших так называемый «хомутовский кружок»⁴². Многолетняя деятельность в чиновничьем аппарате по управлению Туркестанским краем позволила ему собрать богатый фактический материал, который лег в основу разоблачительного романа. В нем ярко и правдиво воссозданы образы

хищных «господ-ташкентцев», наводнивших новый край в поисках удачи и славы.

Вместе с тем в образе положительного героя, честного чиновника Алексея Павловича Силина переданы некоторые черты самого автора. Силин в студенческие годы из-за участия в антиправительственной организации был вынужден бежать за границу.

Вернувшись в Россию, он поселился в небольшом отцовском имении и проводил свое время среди крестьян.

После присоединения Туркестанского края к России Силин приезжает в Ташкент, где получает назначение в Коканд. Там он с увлечением трудится в комиссии по организации податной системы, надеясь этим принести определенную пользу коренному населению. К составлению докладной записки он привлекает некоторых лиц из местных жителей. На этой почве у Силина возникает конфликт с чиновниками, усмотревшими в нем деятеля либерального толка. Это вынуждает его переехать в Ташкент.

По описанию автора, в начале 1875 г. «русская часть города далеко не походила на тот живописный город, застроенный новыми изящными постройками и утонувший в зелени, каким представляется в настоящее время»; еще не были проложены арыки, несущие освежающую прохладу. Но в городе уже появились царские чиновники, которые, постепенно приспосабливаясь к местным условиям, сравнительно легко удовлетворялись услугами «туземных» мастеров: столяров, плотников и др. Стали строиться невзрачные жилые и служебные здания, но трущобы оставались.

На новом месте Силин занялся адвокатской практикой. Однако и здесь герой оказался «крамольным» в глазах местных воротил, весьма обеспокоенных перспективой разоблачения их преступной деятельности. Им удается по ложному доносу посадить Силина в тюрьму. Но после вмешательства местного судебного авторитета Степанова он получает свободу и уезжает в Россию.

Судьба самого писателя сложилась в Туркестанском крае также несчастливо. Как свидетельствуют архивные материалы⁴³, переписка об утверждении в должности судебного следователя Ташкента губернского секретаря Н. Ильина затянулась. Это вынудило военного губернатора Сыр-Дарьинской области 12 апреля 1882 г. возбудить перед туркестанским генерал-губернатором Кауф-

маном ходатайство об утверждении в указанной должности Н. Ильина, который с 19 июня 1881 г. исполнял обязанности судебного следователя Ташкента, хотя и числился делопроизводителем — губернским секретарем Сыр-Дарьинской области.

Однако новый следователь пришелся не ко двору местной чиновничьей верхушке. Она обратилась с просьбой к начальству удалить Н. Ильина «от всех занятий... следователя». Ильин был освобожден от должности и «уволен... в отпуск для приискания себе места в другой области». Но главной причиной, надо полагать, послужило то, что он «попирал» официальные законы.

Таковы некоторые штрихи биографии автора книги. Они «совпадают» с фактами жизни главного героя романа. Нельзя не отметить и созвучность их фамилий (Силин-Ильин).

Итак, Силин вынужден покинуть Ташкент. Прощаясь с городом, он вместе с офицером Беляевым проезжает мимо «развалин прогремевшего в свое время водопровода» и думает, что «скоро и памяти не останется о знаменитом гидравлическом сооружении Пеклевского, при посредстве которого ни один человек не воспользовался ни одной каплей воды». Это был результат махинаций Пеклевского и К°, нажившихся на «строительстве» мифического водопровода.

Характеризуя мир темных дельцов, казнокрадов-чиновников, хлынувших в Туркестанский край, Силин вспоминает «темное царство» Островского и цитирует из «Грозы» следующие строки: «Жестокые нравы в нашем городе, сударь» (ч. I, 352). Здесь Силин открыто намекает и на «жестокие нравы» в Ташкенте.

Герой романа критикует действия царской администрации за то, что она заинтересована не столько в нравственном воспитании своих подданных, сколько в их благонамеренном поведении. Когда Силин высказывает открытое сожаление по поводу того, что столько сил физических и нравственных, времени и средств тратится на водку, то его близкий приятель (Степанов, сторонник официальной линии) отвечает: пусть пьют, лишь бы политикой не занимались» (ч. I, 283; ч. III, 42).

Сочувствие Силина к обиженным и угнетенным наиболее полно выявилось в сцене допроса пленного казаха. Допрашивавший Сарык был уверен, что перед ним «ханский казначей», спрятавший где-то ханскую казну. А Са-

рыку хочется до нее добраться. И он с ~~миршабы~~ (миршабы) начинает пытать на глазах отца ~~и~~ Подростков завели в пруд, сели на них верхом и ~~бросили~~ бросили головы несчастных в воду. Захлебываясь, дети ~~еще~~ успевали перевести дух, как их головы снова и снова ~~сваливались~~ свалились в воду. Отчаянные их крики слились с диким воплем отца.

Силин, увидев эту дикую картину, взволновался. Вид офицера, одетого в белый китель, освещенного отблеском факелов, произвел на Сарыка и его головорезов поразительное впечатление. Они разбежались.

К числу положительных образов романа относится и Гаевский — сын героя Отечественной войны 1812 г. Уже внешняя портретная характеристика его вызывает определенные симпатии читателя: это молодой офицер со значком генерального штаба, высок, статен, блондин с чрезвычайно открытой и симпатичной физиономией (ч. I, 30).

Автор характеризует Гаевского как бесхитростного идеалиста, который своим благородством резко выделялся из толпы корыстолюбивых чиновников, наводнивших край. Не случайно, что в романе есть высказывание: «Край прекрасный, но люди дурные».

Гаевский прибыл сюда только «из одной любознательности». Увлечшись идеями поднятия экономического благосостояния Туркестана, он бескорыстно отдал большие деньги на разведение хлопка и улучшение садоводства. Однако эти благие намерения встретили ожесточенное сопротивление. Гаевский случайно узнал о грязной интриге, которая велась вокруг него среди крупных администраторов. Тогда он с еще большей энергией стал разоблачать преступные деяния лиц, нередко бывших в непосредственном окружении у самого правителя края.

Однако его усилия оказались тщетными. Гаевский не смог до конца приоткрыть тайну преступников. Оказалось, что всеми интригами ловко дирижировала некая Башмакова, жена крупного чиновника. Ей удалось оклеветать Гаевского перед губернатором. И тогда «возмутителю спокойствия» не осталось ничего другого, как покинуть пределы Туркестана.

Таких людей, как Гаевский, среди местного офицерства насчитывались единицы. Они были одиноки в своих благородных стремлениях. Об этом свидетельствует и отъезд героя из города: никто не приходит его проводить,

лишь солдаты сожалеют о своем командире, который был для них «отцом родным».

В романе дана оценка деятельности генерал-губернатора края Кауфмана, который в беседе с Гаевским вынужден был признать свое бессилие против людей, окружавших его «трон» плотным кольцом.

Показан в романе и деятельный администратор Федоров, прототипом которого послужил Абрамов, бывший губернатор Самарканда. При нем оживляется торговля в крае, увеличивается распашка новых земель. Вокруг Федорова группируются просвещенные лица, которые приступили к энергичному изучению особенностей быта и жизни коренных жителей. Они сумели завоевать симпатии местного населения. Однако деятельность прогрессивных русских людей в романе раскрыта недостаточно. К ним не нашел дорогу и главный герой романа, вынужденный покинуть край, так как потерпел поражение в борьбе с миром темных сил.

Н. Ильин вывел в романе и образ представителя новой нарождавшейся узбекской интеллигенции — Саттарбека. Но последний совершенно неправильно понимает смысл присоединения Средней Азии и Казахстана к России и недооценивает его значение в деле прогресса азиатских народов.

Деятельность русских администраторов в крае изображена на фоне тяжелых условий жизни казахского и узбекского населения. Показывая взаимоотношения русских с коренными жителями, автор иронизирует над «цивилизаторской» функцией царских чиновников. В качестве примера их жестокости он приводит сцену экзекуции казахов, у которых крупный администратор края Качалов намерен выведать тайну хранения ханской казны. Окровавленная спина несчастного кочевника, которого порол в присутствии Качалова, представляла одну сплошную язву. А невдалеке на разостланных камышевых плетенках стонал другой казах, также обнаженный до пояса и окровавленный. Рядом с ним лежало несколько плетей разных образцов. С этими ужасными инструментами экзекуции Силин был знаком лишь по описаниям. Он также знал, что эти плети были символом власти в руках степных правителей-ханов. А теперь ими пользуются и чиновники.

Царская администрация тесно сомкнулась с реакционной феодально-байской верхушкой, и двойной гнет

обрушился на трудящиеся массы узбеков, казахов и других народов Средней Азии и Казахстана. В романе есть эпизоды, прямо рисующие процесс смыкания действий чиновников и местных богачей. Так, казий (судья) Махмуд Атабеков выкрал в бедной семье мальчика. Родители пытаются найти защиту у чиновников Качалова и Пеклевского. Однако последние делают вид, что не понимают стенаний несчастного отца. В романе красочно показан образ волостного правителя, беспощадно разорявшего своих «единоплеменников», но ему вольготно жилось под надежной опекой царской администрации. В романе разоблачается и коварная роль мусульманского духовенства. С одной стороны, его представители (казий Махмуд) в своих грязных делах опираются на царских чиновников, с другой — плетут нити интриг, чтобы разжечь пламя ненависти к «неверным» русским. Так, в заговоре Асатуллы верную службу несет имам — главный ташкентский мулла, собирающийся объявить разбойника Максута святым во имя борьбы с «неверными». Но Максут попадает в руки властей. Качалов его отпускает, намереваясь назначить волостным правителем.

Важной, степенной походкой вышел будущий волостной правитель от Качалова, а затем быстрым движением он очутился в седле аргамака. Попытки казаха-конюха задержать конокрада (его крики: «токта, токта — стой») окончились плохо: Максут нанес тяжелый удар нагайкой по лицу конюха, и тот, обливаясь кровью, со стоном выпустил уздцы лошади.

Вор и конокрад Максут становится ближайшим другом крупного чиновника Качалова: он насильно приводит узбекскую девушку в подарок своему покровителю. Увидев ее, Качалов не мог скрыть восторга. «Ты мне ее отдашь?» — вскричал он. — От такого дастархана (здесь в смысле подарка — К. К.) вряд ли кто-нибудь откажется». Максут не спрашивал мнения несчастной девушки, поскольку считал ее послушной и бессловесной «овцой».

В романе разоблачается не менее постыдная роль и представителей православного духовенства. Так, во время военного штурма Ташкента с крестом впереди солдат шел священник Малов. А на торжественном пуске мифического «водопровода» с речью выступает он же как протоиерей. С пафосом священник говорит о плодах «честного подвижничества на поприще служения госу-

дарству и человечеству», утверждает, что «поколебать невежественную гордыню неверующих, подорвать в корне фанатизм масс и приуготовить открытие пути в сердца заблудившихся овец» (ч. I, 38) помогут лишь дела, подобные сооружению водопровода. Однако священник печется отнюдь не о добрых делах, а о том, как обратиться в лоно православной церкви «неверующих, заблудившихся овец». Если вспомнить, что протоиерей «освещает» авантюрное предприятие Пеклевского — «водопровод», которым так никто и не воспользовался, то речь его приобретает остро иронический смысл.

Роман Н. Ильина имеет отчетливо выраженную демократическую направленность. Автор открыто сочувствует людям из народа.

В романе даны картины крайней степени бедности и нищеты казахов, проживавших в Сузакском районе, в центре которого находился кишлак (вернее, кыстау — зимовка) Сузак. Это был самый крупный пункт в обширной степи, населенный оседлыми жителями. Здесь жили кочевники из различных родов. Зимой они кочевали в низовьях долины, а с началом весны поднимались на склоны соседнего горного хребта. Все их имущество заключалось в скоте, но и он был малочислен, мелок и захудал. Лошади отличались малорослостью и бессилием.

Причину жалкого экономического состояния кочевников автор видел в бесчисленных войнах, проносившихся одна за другой в течение веков над этим несчастным краем. Он пишет, что, как страшный ураган, налетали иноземные полчища диких завоевателей на цветущие долины, не только «смывая» относительно высокую культуру местного населения, но и зачастую до основания истребляя коренных жителей, а «взамен» их оседали сами и смешивались с покоренными народами.

Демократизм Н. Ильина нашел отражение и в едких стихах, сочиненных штабным писарем, который за это был посажен в карцер. Вот эти стихи:

Эх ты, Азия печальная,
Бесконтрольная страна!
Ты с начальством безначальная
Ты с богатствами бедна!

Даже кое-кто из «начальства» знал эти слова. А полковнику Гаевскому о них рассказал его слуга Антон.

В заключение следует отметить, что произведение Н. Ильина несколько необычно. В нем нет «сквозной» сюжетной линии, много действующих лиц, создан ряд удачных образов, но нет главного героя, хотя им можно до некоторой степени считать Силина. Ильин писал роман под впечатлением происходивших событий, свидетелем которых был он сам, поэтому не удивительно, что каждый герой имеет своих реальных прототипов: Гаевский — Раевского, Пеклевский — Янчевского, Силин — Ильина, Федоров — Абрамова и т. д.

Русская критика в свое время отметила публицистический характер этого произведения и указала на его злободневность. Критик Е. Гаршин (1888) писал, что «картины самой безправственной жизни можно изобразить в самых благопристойных выражениях»⁴⁴ и в качестве примера ссылаясь на начало романа Н. Ильина «В новом краю». Критик считал роман неприятным, но «чрезвычайно живо и литературно написанным произведением», где повествование «дышит необыкновенной искренностью и правдивостью». По мнению Гаршина, «автор... представил яркую картину беззастенчивых действий» инженеров, грабящих казну, чиновников, расхищающих землю местного населения, дамы, торгующей своим влиянием на начальника края, и т. д. В то же время он утверждал, что «невысокий уровень нравственных требований современного общества открывает подобным господам широкое поприще» (129—130).

Однако в конце своей статьи Гаршин резко изменил ее направленность. Он писал, что роман «не удовлетворяет серьезным требованиям критики и переполнен ужасами бульварной беллетристики»⁴⁵. Подобную метафорозу во взглядах критика, по-видимому, следует объяснить нечеткостью идейных позиций Гаршина, его скоропалительными, необдуманными выводами, основанными на не глубоком изучении достоинств и недостатков романа.

В статье С. Сычевского «Русский современный исторический роман»⁴⁶ (1889) дана высокая оценка роману Н. Ильина «В новом краю», который привлек внимание рецензента не только «крайне интересным содержанием», но и «чисто» литературными достоинствами — слиянием «беллетристики и публицистики». Критик, отмечая «искренность и правдивость» произведения, с сожалением писал о недостаточности художественного таланта

у его автора. Но он же обратил внимание и на то, что автор удачно показал «целую шайку всевозможных негодяев и преступников... вторгнувшихся в несчастную завоеванную страну», которые облечены «административною властью» и действуют «почти бесконтрольно». «Весь глубокий трагизм бесхитростного романа г-на Ильина,— писал критик,— заключается в правдивом изображении этой отчаянной борьбы чести, правды и долга с диким инстинктом хищного и сладострастного стада озверевших людей».

Действительно, роман «В новом краю» явился ярким документом о первых годах деятельности царской администрации в Туркестане. Произведение Н. Ильина, как и романы Н. Н. Каразина «Двуногий волк», «С Севера на Юг» и другие, можно также по праву считать достойной лептой, внесенной прогрессивным писателем в расширение и углубление русско-казахских отношений. В названных произведениях их авторы вплотную подошли к созданию реалистических образов представителей казахского народа. Однако Ильину, как и Каразину, о чем уже говорилось выше, эта задача оказалась не под силу. Вот почему мы говорим лишь о разумной попытке создания правдивых и самобытных образов казахов. Историческая же ценность произведений Каразина и Ильина заключается в том, что в них зафиксирован определенный отрезок жизни кочевников, показаны их взаимоотношения с русскими, складывавшаяся, вопреки желанию царизма, дружба двух народов.

Вопросам просвещения казахов, изображению различных сторон их жизни уделил внимание в своем творчестве писатель-этнограф **П. Инфантьев**. В числе его произведений одно из видных мест занимают «Этнографические рассказы из жизни татар, киргизов, калмыков, вогулов, башкир и самоедов», изданные в 1909 г. в Санкт-Петербурге⁴⁷. В предисловии указывается, что хотя в России «насчитывают более 100 различных племен и народностей», тем не менее очень мало литературы по вопросам их быта, нравов, обычаев и верований. В двух рассказах, посвященных казахам, автор подчеркивает, что по своим духовным способностям они «принадлежат к числу богато одаренных народов». Казах «горд, остроумен, насмешлив, энергичен, речь его складна и образна, он весел, любит общество и беседу» (2). Отмечаются добродушие, гостеприимство, любознательность

этого народа, который «любит всякого рода новости: поэтому всякий знающий гость для них является в то же время и живой газетой, и чем больше он сообщает новостей, тем более он приятен и желателен».

Инфантьев отмечает, что в Степном крае можно встретить казаха не только со средним, а и с высшим образованием, и «стремление дать образование своим детям... у казахов год от году все более и более усиливается» (речь идет о первом десятилетии XX в. — К. К.). Писатель считает, что казахи «более, чем какой-либо другой из кочевых народов Российской империи, способны делаться образованными, просвещенными людьми». Эта тематика получила отражение в рассказах «Свирель маленького Кытлыбая» (из жизни одного казахского мальчика) и «Детство Якуба», в которых показано стремление казахской молодежи к получению образования в русских школах.

В первом рассказе автор с большой симпатией пишет о сироте Кытлыбае, который в родном ауле скитался из юрты в юрту. Когда мальчик подрос, старый пастух Ибрагим сделал ему из тростника свирель. Благодаря общительному характеру и веселому нраву мальчик стал всеобщим любимцем не только аулчан, но и русских переселенцев, поселившихся по соседству с аулом. Вскоре он научился выводить на своей свирели даже мотивы русской песни «Во саду ли, в огороде Сашенька гуляла».

Большое впечатление на мальчика произвели поезд и железная дорога. Он познакомился с семьей начальника станции, обучался русскому языку у его дочери-гимназистки. Позже Кытлыбай переехал в город, где после приключений и мытарств поступил в заветную гимназию и благодаря успешной учебе стал «стипендиатом». Дорогу Кытлыбаю всюду открывала «волшебная» свирель, а вернее, любознательность мальчика, его веселый и жизнерадостный нрав, беспредельное желание получить образование.

В рассказе «Детство Якуба» описана жизнь казахского аула, расположенного на берегу реки Тобол, «немного повыше Густаяна».

Рождение Якуба — сына богача — было отпраздновано пышно и торжественно. После угощения началась байга, без которой, как пишет автор, не обходится ни один праздник. Победители получали подарки.

Первые знакомства маленького Якуба с окружающей жизнью и природой связаны с рассказами деда Тулека. Последний отвечает на бесчисленные вопросы внука очень обстоятельно, знакомя его с историей казахского народа, взаимоотношений русских и казахов, дает первые сведения о телеграфе («хитрая, брат, это штука»), понятие о железной дороге («пар тянет за собой громадные сундуки с окнами» и т. д.). Беседы с дедом вызывают у Якуба желание учиться в русской школе. «Только знание может помочь» казахам «во всех их напастях»,— внушал дед внуку.

Причину «напастей» Тулек видел не только в том, что царская администрация «все больше и больше» отнимала у кочевников «родные степи» и заселяла «их своими переселенцами», но и в том, что сами казахи «не умели... жить между собою дружно, постоянно враждовали и этим себя обессиливали». Казахам, чтобы «провести для себя» телеграф и железные дороги, «чтобы уметь это делать,— говорил дед,— надо много знать».

Основам русской грамоты Якуб научился у деда, а затем он поступил в гимназию.

Таким образом, несмотря на сюжетное различие этих рассказов, сущность их одна: и мальчик-сирота Кытлыбай и сын богача Якуб стремятся учиться в русской школе. Герои рассказов достигают заветной цели, хотя и разными путями.

Автор, безусловно, подметил новую тенденцию у казахов, которые начинают «ясно понимать, что только наука и образование могут помочь им выйти из того бедственного и угнетенного положения, в каком они находятся в настоящее время» (31). Вместе с тем писатель хотел обратить внимание русской читающей публики на необходимость просвещения казахов. Эта чисто просветительская позиция автора заметно проявляется и в других его рассказах. Так, устами Ахмета (рассказ «Детство Якуба») он утверждает, что не одним казахам «в последнее время приходится плохо, но что и русскому крестьянину живется не слаже», и что как у казахов, «так и у русских крестьян один общий враг — это невежество и темнота, с которой можно бороться только грамотностью и просвещением» (41). К тому же кочевая жизнь казахов, зависимая и от капризов природы, как подчеркивает автор, тормозила широкое распространение просвещения. Но главным врагом казахского и русского народов был

паризм, державший их в тисках невежества и безграмотности, — таков авторский подтекст.

Тема дружбы казахского и русского народов положена в основу рассказа «Тамыр» («Друг») ⁴⁸.

Рассказ ведется от лица старого, заслуженного полковника, который родился и вырос среди казахов, говорил на их языке, дружил с казахскими мальчиками, обучавшимися с ним в Омском кадетском корпусе. Среди сверстников-казахов у героя рассказа был тамыр, по имени Аладжан, с которым он еще в юности заключил по казахскому обычаю «неразрывную дружбу на всю жизнь». Обычай тамырства у казахов, повествует он, заключается в следующем. Желаящие сделаться тамырами, то есть друзьями, крепко прижимаются грудью через обнаженный меч, при этом клянутся всегда и во всем помогать друг другу. Они верили в тамырство и свято хранили дружбу.

Аладжан был сыном бия, который вел торговлю с Бухарой и Хивой, пользовался влиянием на окружающих казахов и «совершенно открыто защищал выгоды» для казахов «от подданства России, а никак не от Хивы» (7).

В середине апреля 1870 г. герой рассказа отправился в кочевку своего тамыра, где ему оказывают радушный прием. Перед выездом на охоту Аладжан предупредил своего друга, что нужно переодеться в казахскую одежду, поскольку «русских ищут не только враждебные русским киргизы, но и хивинцы». Ночью, когда охотники возвращались в аул, на них напали туркмены. Надеясь получить за русского офицера выкуп, они увели его к Кара-Бугазскому побережью Каспийского моря. Когда стало известно, что правительство не даст выкупа, офицер был продан хивинскому купцу, который отправил его с караваном через безводные пустыни Кара-Кумы. Пленнику, мучившемуся от жажды, давали воды по капле.

Зиму он провел в оазисе, где пас стадо. Весной хозяин решил продать его на невольничьем рынке в Хиве. Но там он подарил пленника своему повелителю — Сеид-Магомед-хану, как военного специалиста «для обучения военному искусству на европейский образец своих полудиких, неорганизованных шаек наездников» (23). Однако русский офицер не согласился у него служить. Тогда его бросили в тюрьму.

Все это время Аладжан не терял надежды найти своего друга. От старого пастуха он узнал, что просле-

довавший караван туркменов провел закованного в цепи русского в военной форме (36). В Хиве Аладжан с трудом напал на его след. Узнав, что охранники любят опиум, он с помощью этого наркотика организовал побег друга.

Заканчивается рассказ тем, что его герой в 1873 г. участвует в походе русских войск против Хивы в качестве человека опытного, знающего местность, язык и нравы хивинцев.

Таким образом, П. Инфантьев повествует о благородной, бескорыстной и самоотверженной дружбе казаха и русского, которая выдержала тяжелые испытания. Подобные взаимоотношения представителей двух народов, подчеркивает автор, являются типичными.

В приключенческой повести «На родине первых людей»⁴⁹ Инфантьев продолжает начатую тему. Он описывает трогательную дружбу двух юношей, учеников верненской гимназии — русского Павла Семенова и казаха Якуба Тулекова. Их дружба также прошла через цепь сложных испытаний и событий. Во время каникул Якуб приглашает Семенова в длительное путешествие с караваном своего отца Барлыбай, занимавшегося коммерцией. Это был коренастый, средних лет человек, с широким смуглым лицом, обрамленным небольшой клинообразной бородкой, с выдающимися скулами, толстыми губами, приплюснутым носом и небольшими черными глазами. Несмотря на свою тучность, коммерсант был подвижен, энергичен. Его образ олицетворяет зарождение нового социального типа в казахском обществе.

Радуюсь, что Семенов поедет с сыном, Барлыбай вместе с тем опасается за его судьбу во время путешествия. Но выход был найден: Семенов обрил голову, переоделся в казахскую национальную одежду и стал выглядеть настоящим джигитом. Его теперь не узнавали даже верненские гимназисты. После этого Якуб стал выдавать Семенова за своего родственника.

Выйдя из Верного, караван направился к Иссык-Кулю; юные путешественники узнали, что в «озере много горячих источников, воды его постоянно заменяются менее студеными слоями, поднимающимися из глубоких пропастей дна». Перейдя через перевал, караван достиг Аксу. В пути юноши узнали много нового о жителях края, познакомились с их этнографическими особенностями и т. д. Их внимание привлекли «мертвые города», погреб-

ленные под песками. Высказывалось предположение, что когда-то здесь была «колония греков», так как «туземцы находят золотые и серебряные» вещи и монеты, имеющие греческое и византийское происхождение.

Одним из острых эпизодов повести является неудачная охота Якуба на тигра: разъяренный хищник готов был разорвать смельчака, но его спас Павел Семенов. После этого события Якуб предлагает товарищу стать его тамыром. Совершается соответствующий обряд, укрепивший дружбу. В последующем друзья посещают «мертвый город» в пустыне, где Семенов во время черной бури заблудился. И здесь спасителем его стал Якуб. Путешествуя, гимназисты наблюдали редкую картину боя между архарами, видели яков и громадных грифов. Друзья были на волосок от смерти, когда попали в район наводнения. Через всю повесть проходит мысль о верности и преданности друзей — казаха Якуба и русского Павла — юношей любознательных и смелых.

Повесть имеет большое познавательное значение: на фоне занимательных событий автор знакомит читателей с природой, животным миром, особенностями быта и нравов среднеазиатских народов. Он подробно описывает конские скачки (байга), свадьбу, игры молодежи и др.

О том, что Верный (Алма-Ата) в конце прошлого века стал крупным торговым центром, П. Инфантьев дает понять по описанию многочисленных караванов на улицах города, около которых находились узбеки, таджики, киргизы (кара-киргизы — по автору), казахи (киргизкайсаки). Иногда можно было встретить и афганцев в черных, остроконечных бараньих шапках, а также калмыков с длинной, висящей позади косой. В городе начали появляться и русские торговцы (16).

П. Инфантьев считал, что у казахов для каждого зверя имеется особая охотничья птица: на волков и лисиц — беркут и орел, на горных коз, сайгаков, дроф и лебедей — сокол, на уток и гусей — ястреб (96). Автор утверждал, что русские бояре и князья соколиную охоту «заимствовали» у казахов (95). Последних он характеризовал как добродушный и гостеприимный народ (57).

Для придания произведению интонациональной окраски автор широко использует казахские слова, подстрочные переводы которых даны им вполне правильно. Так, слова: «якши, бик якши», «джигит», «чапан», «пилав»,

«ак су», «дастархан», «кумыс» и другие переведены автором с использованием адекватных русских слов: «хорошо», «очень хорошо», «юноша-наездник» и т. д.⁵⁰

Некоторый интерес представляет и рассказ П. Инфантьева «Беркут Галея»⁵¹. В нем создан привлекательный образ охотника, которого в степи знали как веселого, беззаботного джигита. Все богатство Галея заключалось в ссрой лошади и беркуте. С помощью птицы охотник добывал шкурки хорьков, кунниц, лисиц, горностаев и сбывал их на базарах Орска и Оренбурга. Его знали от Троицка до Семипалатинска, часто видели в Тургае и Акмолинске. Предметом особой зависти казахов-охотников был необыкновенный беркут Галея. Сам он был желанным гостем не только в казахских аулах, но и в казахьих станицах. Галей говорил «совершенно чистым русским языком», беседуя с казаками. Благодаря постоянным разъездам по степи, он «всегда имел... целую кучу» новостей в запасе и умел их рассказывать. Жил он бобылем, летом постоянно кочевал по степи, зимовал на Тоболе, где жил в деревянной юрте.

Однажды охотничья тропа привела Галея в аул бия Карабая, который предложил джигиту взамен беркута скакуна. Но Галей отказался от всех предложений. Приглашенный в гости в юрту Карабая, он познакомился с дочерью бия Фатьмой. У молодых возникло взаимное чувство. Убедившись, что Карабай не согласится на их брак, они решили тайно бежать. Но бий, будучи страстным охотником, пожелал во что бы то ни стало заполучить беркута. Он вновь пригласил юношу и в присутствии гостей предложил ему тамырство, которое, как писал автор, похоже на куначество у кавказцев. И нет такой жертвы, которую отказался бы принести тамыр тамыру.

Этим старым обычаем решил воспользоваться и хитрый Карабай, чтобы овладеть заветным беркутом. В присутствии всех они совершили обряд, скрепивший их вечную дружбу. И с этих пор Галей потерял надежду сделаться когда-либо мужем Фатьмы, потому что он не мог нанести оскорбление своему тамыру Карабаю ухаживанием за его дочерью. Чтобы не видеть возлюбленную, джигит откочевал далеко от аула Карабая. И все же Карабай разыскал в степи Галея и на правах тамыра потребовал беркута, как калау (подарок). Галей вынужден был уступить птицу. Старый Исчан открыл глаза молодому охотнику на хитрость богатого Карабая, который

ради беркута пошел даже на такой шаг, чтобы стать тамыром нищего охотника.

Этим также решил воспользоваться и Галей: в присутствии многих знатных гостей джигит потребовал, как калау от своего тамыра... его дочь Фатьму. Карабай был вынужден дать согласие на брак дочери с Галеем.

В рассказе создан привлекательный образ честного, веселого и мужественного человека, живущего своим трудом. Однако бесхитростный и добродушный Галей находился во власти обычаев и обрядов своего народа.

Психологически более сложным показан бий Карабай, который с первой встречи с Галеем поставил перед собой цель любыми средствами, не брезгуя хитростью и обманом, приобрести беркута. Однако и Карабай во власти твердо установившихся обычаев в степи: получив дорогой калау, он вынужден был отдать дочь, чтобы не прослыть нарушителем обычая тамырства.

П. Инфантьев ввел и в этот рассказ много казахских слов и терминов (аул, калау, джигит, калым, апайка, арума, бий, тюря, кобыз, туй, куйрюк-баур, байга), переводы которых даны довольно удачно. В иллюстрациях им показаны сцены охоты с беркутом, охота на волка, казахский аул и отдельная юрта.

Таким образом, в произведениях, посвященных казахам, Инфантьев дал интересные зарисовки их быта, нравов, обычаев, но особое внимание уделил двум вопросам: просвещению казахов, их крепнущей дружбе с русскими.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Казахская тематика во второй половине XIX в. вошла не только в той или иной степени в творчество классиков русской литературы (Аксаков, Михайлов, Лесков, Мамин-Сибиряк, Успенский, Толстой, Короленко, Достоевский), но стала *ведущей* в художественных произведениях о Туркестанском крае большой группы прогрессивных русских писателей (Н. Каразин, Н. Ильин, Н. Уралов и др.), чьи непосредственные наблюдения за жизнью коренного населения сохранили и по сей день свою познавательную ценность. Следовательно, диапазон освещения темы о жизни казахского народа в русской литературе был довольно широк. В этом следует видеть определенную преемственность в разработке казахской тематики, которая взяла свое начало от Державина, Пушкина, Даля и постепенно выросла в замечательную традицию в русской художественной литературе.

**ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ О КАЗАХАХ
Е. КОВАЛЕВСКОГО, Д. ИВАНОВА
И ДРУГИХ**

Особое место в серии литературных произведений, посвященных русско-казахским отношениям, занимают путевые очерки. И. А. Гончаров, объясняя их успех, указывал, что описания дальних стран, их жителей, роскоши тамошней природы, особенностей и случайностей путешествия и всего, что замечается и передается путешественником — каким бы то ни было пером, — все это не теряет никогда своей занимательности для читателей всех возрастов. К. Паустовский утверждал, что «факт, поданный литературно, с опусканием ненужных деталей и со сгущением нескольких характерных черт, освещенный слабым сиянием вымысла, вскрывает сущность вещей во сто крат ярче и доступнее, чем правдивый и до мелочей точный протокол».

Русские ученые и путешественники, писатели и художники создали значительное количество путевых очерков о казахах, их быте и обычаях, о природе края. Казахские степи для петербургского общества представляли далекие окраины. Поездки туда носили характер сложных, а порой и опасных путешествий. Но не каждому, из «дальних стран возвратясь», удавалось создавать художественно правдивые очерки. Между тем последние неизменно привлекали внимание читающей публики, поскольку, по выражению Н. Г. Чернышевского, именно они удовлетворяли самые разнообразные вкусы. Очерки тех лет, по мнению критика, содержали в себе элементы многих жанров: отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествознание...

В очерках на казахскую тему авторы делились не только своими наблюдениями, но и нередко высказывали личное отношение к тем или иным событиям, происходившим в степях. В некоторых из них авторы не ограничивались лишь «лирическим самовыражением» о судьбах казахов, а выступили смело, резко, используя все приемы, присущие публицистическим разновидностям этого жанра. Именно в путевых очерках русские ученые и писатели наиболее полно отражали свое видение мира казахов, отношение к сложным проблемам жизни и быта этого народа.

Объединяющим началом, философской основой очерков о казахах являлась идея цивилизации и просвещения их в рамках единого государства. С позиции гуманизма передовые русские писатели и ученые защищали интересы казахского народа, выступая против политики царизма в казахских степях.

Определенный вклад в развитие русско-казахских литературных отношений внес **Егор Петрович Ковалевский** (1811—1868) — видный писатель, известный путешественник и общественный деятель. В биографическом очерке к собранию его сочинений (СПб., 1871) отмечено, что писатель принадлежал к разряду умов быстрых и восприимчивых.

Е. П. Ковалевский прошел сложный жизненный путь. Родился он в деревне под Харьковом. В этом имении отца, екатерининского бригадира и патриархального небогатого помещика, прошло его детство.

В годы учебы в Харьковском университете Ковалевский написал трагедию «Марфа — Посадница Новгородская, или славянские жены». К первым литературным опытам относится и неизданная книжка, написанная белыми стихами.

Однако после окончания университетского курса жизненный путь Ковалевского получил неожиданный поворот: он попал на Алтай, где его старший брат был главным горным начальником. Вскоре младший Ковалевский надел форменную одежду горного специалиста. В эти же годы на страницах журнала «Библиотека для чтения» появились его первые очерки о жизни золотопромышленников и рабочих на приисках, привлечшие к себе внимание читающей публики свежестью впечатлений и меткостью описаний.

В 1839 г. Е. П. Ковалевский в качестве горного инженера был командирован в Черногорию, для разведки золота. Неожиданно возникла угроза войны из-за нападения Австрии. С большим трудом удалось заключить мир. В этой акции активное участие принимал молодой горный инженер Ковалевский. Здесь впервые ярко проявились его дипломатические способности. Вскоре в печати появилась его первая книга «Четыре месяца в Черногорини», благожелательно принятая критикой и публикой.

Многочисленные и длительные поездки в различные страны дали писателю богатый материал для создания серии самобытных и ярких очерков. Последние были оригинальны по форме, отличались живописностью в изложении, юмором и меткой наблюдательностью автора¹.

Первая небольшая книжка рассказов и очерков Е. П. Ковалевского «Странствователь по суше и морям» (1843—1845), изданная самим автором, получила единодушную положительную оценку журналов и газет. Критики с восторгом писали о таланте путешественника-писателя.

В 1848—1849 гг. на страницах журналов «Современник» и «Отечественные записки» появились путевые очерки и статьи Ковалевского, посвященные его поездке по странам Северной Африки. Успех этих очерков был определен не только изящным слогом автора, но прежде всего четкой его позицией против массового неравенства африканского населения (статья «Негриция» и др.). Понятие «о русских белых рабах» было очень созвучно и близко известному тезису В. Г. Белинского о положении «белых негров», впервые упомянутом в его «Письме к Н. В. Гоголю», которое широко распространилось по России, в том числе и среди петрашевцев — друзей Ковалевского. Н. Г. Чернышевский писал в своем дневнике 2 февраля 1849 г.: «Прочитал «Негрицию» Ковалевского — весьма понравился он за то, что так говорит о неграх, что они ровно ничем не хуже нас, с этим я от души согласен»².

В конце апреля 1849 г. основная группа петрашевцев была арестована и посажена в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Ковалевский был в дружеских отношениях со многими из них. Сам же он был задержан на границе с Китаем, куда выехал в мае 1849 г. по поручению правительства. Возможно, ему удалось

избежать ареста случайно, лишь из-за бюрократизма перепичавших ведомств: политической полиции (жан-дармерии во главе с графом Орловым) и Азиатского департамента министерства иностранных дел. Находясь уже в Китае, Ковалевский узнал о трагической судьбе петрашевцев: их судили и приговорили к ссылке в Сибирь.

После Китая Ковалевский посетил Балканы, где принял активное участие в освободительной борьбе балканских народов, а затем вступил в ряды защитников Севастополя. Крымскую войну и события на Балканах писатель переживал чрезвычайно остро, зная подлинную роль царизма и понимая свое бессилие. Поэтому, возвратившись в 1855 г. в Петербург, Ковалевский производил впечатление человека, который всегда хандрит. Так, в своих воспоминаниях А. А. Фет писал: «В нашем шумном и веселом кружке (речь идет о группе литераторов, объединившихся вокруг «Современника» в 50-х годах.— К. К.) особенно выделялся своей молчаливостью и бледностью в то время уже седой генерал-майор Егор Петрович Ковалевский... Он, очевидно, мучительно хандрил, сквозь эту хандру каждому слышалась бесконечная доброта этого человека»³.

Так называемая «хандра» Ковалевского имела основательные причины. Он не мог забыть трагическую историю петрашевцев. Об этом свидетельствует и письмо Некрасова к Тургеневу, посланное из Парижа 26 мая 1857 г., в котором поэт писал: «Кланяется тебе Ковалевский (весной того же года он выехал за границу для лечения.— К. К.) и ждет тебя нетерпеливо. Я ему поклонился до земли, ты, верно, то же сделаешь, когда узнаешь, что освобождение Бакунина — дело нашего генерала... Ковалевский говорит, что из Омска теперь легко и скоро можно будет передвинуть Бакунина. Достоевский и пр. прощены. Наверное и даже Спешнев»⁴.

Значительное влияние оказал Ковалевский и на судьбу Т. Г. Шевченко, который после своего возвращения из ссылки ходатайствовал о снятии запрета на публикацию его книг «Кобзарь» и «Гайдамаки». Благодаря содействию Ковалевского великий украинский поэт получил возможность опубликовать некоторые свои ранее запрещенные произведения.

В 1855 г. в осажденном Севастополе состоялось знакомство Ковалевского с Л. Н. Толстым. В последующем

их дружеские отношения поддерживались в Петербурге. Л. Н. Толстой не раз обращался с просьбами к Ковалевскому, занимавшему с 1856 г. высокий пост директора Азиатского департамента министерства иностранных дел: и тогда, когда он хотел получить отставку от военной службы, поскольку она стесняла его, и тогда, когда писатель добивался одобрения правительством разработанного им проекта Общества народного образования и т. д.

Е. П. Ковалевский относился с огромным уважением к Н. А. Некрасову, И. С. Тургеневу, он был связан также с поэтом Ф. И. Тютчевым, писателями В. Ф. Одоевским, И. А. Гончаровым и др. По воспоминаниям современников, у Ковалевского, «как у племенной матки», собиралась вся «литературная братия» Петербурга⁵.

В 1859 г. в Петербурге возникло Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (впоследствии «Литературный фонд»). Ковалевский был избран председателем его распорядительного комитета. По данным Б. А. Вальской (1966), в организации Литературного фонда приняли участие такие крупные писатели России, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов, А. Н. Островский, В. Ф. Одоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин и др. По рекомендации Ф. М. Достоевского членом Общества был избран Ч. Ч. Валиханов. Следует отметить, что виднейшие петербургские писатели во главе с председателем распорядительного комитета Литературного фонда Е. П. Ковалевским сумели вызволить из крепостной зависимости двух братьев, сестру и других родственников Т. Г. Шевченко — всего 11 человек. Все это было совершенно еще до отмены крепостного права⁶.

Общество имело гораздо более широкое значение, чем оказание помощи нуждающимся писателям и ученым. Оно выполняло роль своеобразного «центра соединения»⁷ или, иначе говоря, неофициального союза русских писателей.

Е. П. Ковалевский известен как крупный ученый-этнограф, он имел долголетние общие научные интересы со многими русскими востоковедами: Х. Д. Френом, П. С. Савельевым, А. С. Норовым, П. И. Кафаровым, И. И. Захаровым, К. А. Скачковым, О. М. Ковалевским, Н. А. Ханыковым, И. Н. Березиным и др.

Для нас большой интерес представляют факты о наличии определенных взаимоотношений между Е. П. Ко-

валевским и Ч. Ч. Валихановым. Как руководитель Азиатского департамента России, он внимательно следил за поездкой Валиханова в Кашгарию и убедился в том, что получить необходимые сведения о Восточном Туркестане мог лишь человек, подобный Валиханову.

Таким образом, передовые взгляды Е. П. Ковалевского как писателя были предопределены его многосторонними и многообразными связями с замечательной плеядой выдающихся деятелей России. Это нашло свое выражение и в серии его гуманистических очерков о казахам.

Из богатого литературного наследия Ковалевского наше внимание привлекают очерки, включенные в сборник «Странствователь по суше и морям» (1845—1849)⁸, прямо или косвенно посвященные казахам. Так, в рассказе «Зюльма, или женщина на Востоке», где речь идет в основном о жене правителя Ташкента, имеются упоминания о баранте, дорожной казахской кибитке «джюлме», о том, как султан Букей угощал автора в юрте старшей из своих жен.

В очерке «Несер-улла Бахадур хан и Куч-беги», посвященном жизни Бухары, автор пишет о трехмесячном странствовании по степи, где не встретилось ни жилья, ни деревца, где все исчахло под знойными лучами солнца.

Значительный интерес представляют зарисовки жизни и быта казахов в очерках «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 год). Киргиз-казацья степь». Экспедиция в Бухару, которую возглавлял Ковалевский, состояла из 14 человек и шла при купеческом караване. Она выступила из Оренбурга за несколько дней до выхода военного отряда, направленного против Хивы. В течение некоторого времени экспедиция находилась в Больших Барсуках, аулах чикенского рода. Автор впервые видел пеструю и занимательную картину откочевки. С вечера, накануне, в ауле обычно спокойно и беззаботно, но с раннего утра он приходит в движение: мужчины вихрем несутся по степи, старшины отыскивают воду и удобные пастбища; сторожевые выглядывают барантовщиков, которые предпочитают нападать именно во время перекочевки; иные собирают стада. Между тем, продолжает автор, бедные женщины снимают юрты, выючат верблюдов, укладывают на них детей и маленьких ягнят. Потом и грязью покрываются они в этой изнурительной работе. Зато после нее

женщины наряжаются в лучшие свои платья, садятся на убранных коней. Длинная вереница верблюдов кочующего аула выступает под прикрытием одних женщин, поскольку мужчины не любят тащиться в шаг верблюда. Этим-то пользуются барантчи, которые лихо налетают и отхватывают навьюченных верблюдов, лошадей, стада овец и уводят женщин.

После многих переходов экспедиция достигла аулов Утурали — старого казаха, но еще бодрого и здорового. Черты его лица, нависшие седые брови свидетельствовали о принадлежности к простому народу, «черной кости», хотя его внутреннее достоинство чувствовалось во время беседы. Утурали пользовался совершенным доверием правительства России. Но он вынужден был считаться и с Хивой, не возбуждая ненависти и враждебных действий последней. В этой сложной обстановке Утурали проявлял недюжинные дипломатические способности, что свидетельствовало, по мнению автора, о его уме. Среди казахов он пользовался непрерываемым авторитетом.

В помощь русской экспедиции Утурали дал в качестве вожатого своего любимого сына Нияза. Однако его переговоры с русскими проходили в секретной обстановке, чтобы об этом не узнал хивинец Науман. На оскорбительное замечание, что Утурали держит стремя, когда Науман садится на коня, почтенный старец отвечал с достоинством: «Мудры твои речи, но и в моих есть-смысл: скорее Науман станет держать стремя моего седла, чем я его». Утурали дал дельный совет русским, чтобы избежать встречи не только с хивинцами, но и с «шайкой Кенесары или его тестя».

Поражался Ковалевский быстроте передачи вести в казахской степи. Он писал: «Весть — залетная птица в киргизской степи». Действительно, жадные к новостям кочевники устраивали пир в честь приезда вестника как дорогого гостя и потом скакали в другой аул, чтобы разделить новый пир и нередко получить «суэнчу» (вернее: суйнші.— К. К.), то есть подарок за радостную весть. Автор с удивлением писал, что степные вести и рассказы, «переходя через тысячи уст, сохраняют удивительную неизменяемость» (53).

Ковалевский передал свое яркое впечатление от встречи с одним «таинственным», но замечательным в кругу своего народа казахом, который при знакомстве с русскими просил не спрашивать его имени, пока не узнают

его лично. Хотя это и не понравилось русским, однако «хитрый» казах умел «искусно вывести разговор из колеи обыкновенных предметов» и вскоре обнаруживал свой ум и красноречие. Он приводил для своих доводов подлинные тексты Корана, «толковал их не теми софизмами и общими местами, которые избиты в медресе Бухары и Самарканда, но сообразно собственным понятиям, выказывавшим глубокое изучение предмета» (57—58). Коснувшись некоторых правительственных лиц в Оренбурге и Петербурге, спрашивая о переменах в образе управления, «хитрый» казах умел привлечь к себе любопытство русских. Разговор зашел о положении экспедиции — и здесь таинственный кочевник сумел «накинуть на него самую мрачную тень» (58).

Хитрым, умным и красноречивым собеседником оказался Мугамет Эвтимиев. Когда-то он был старшим советником при хане Джангире во Внутренней орде. Когда племянник хана Каип-Галий поднял мятеж, помогаясь власти, Мугамет поддержал его. Вскоре Эвтимиев сделался «главою и двигателем мятежа», который был подавлен отрядом правительственных войск. Каип-Галий был схвачен, но бежал из Оренбургской тюрьмы и присоединился к движению батыра Исетаея (Исатай. — К. К.). Сюда же прибыл и Мугамет, ставший «душою и путеводителем Исетаея» (59). Движение было жестоко подавлено объединенными силами местных феодалов и царских войск. Эвтимиеву вновь удалось спастись. И вот теперь он сидел среди русских и просил взять его в экспедицию, чтобы заслужить прощение правительства.

Важно подчеркнуть, что Ковалевский исторически достоверно передал события конца 30-х годов XIX в., то есть периода антифеодального и антиколониального восстания казахского крестьянства 1836—1837 гг. во главе с Исатаем (у Ковалевского — Исатай) Таймановым и Махамбетом Утемисовым (у Ковалевского — Мугамет Эвтимиев). Совершенно правильно указал Ковалевский и на роль султана Каип-Галия Ишимова. Исатай был убит в 1838 г., а поэт Махамбет, чьим умом и красноречием так восхищался Ковалевский, в 1839 г. действительно вел переговоры с русскими властями, просил помилования.

Ковалевский дал прекрасное по своей поэтичности описание степи, сравнивая ее с безграничным, взволно-

ванным морем... А барантовщиков автор сопоставлял с «опытными корсарами... сухого моря» (68). Силу их нападения пришлось испытать и русской экспедиции на пути в Бухару.

Достигнув предгорий каменистой пустыни Усть-Юрта, автор обратил свои взоры на равнину, почти лишенную растительности: лишь изредка виднелись тощие кустарники и полынь. Здесь путешественник встретил две-три кибитки, низкие, закоптелые, ветхие. От них исходил ужасный запах. Над кибитками не вился дымок, около них не бродил скот. Только протяжный вой собак нарушал безмолвие. Так жили сайгачники-охотники. Ковалевский далее писал, что «сайгачники самый несчастный народ в степи; они беднее и жалче тамошних рыбопромышленников (вернее, рыбаков.— К. К.). Те и другие бывают доведены до своего состояния только совершенной нищетой» (74).

Ковалевский отмечал, что пока у казаха «остаётся одна овца, он кочует с нею, он счастлив» (74). Но казахские рыбаки и сайгачники уже «прикованы к своему месту; для них нет кочевки, нет более радостей в мире». И если поселения казахских рыбаков располагаются у моря или реки и посещаются людьми, то сайгачники живут в диких и уединённых местах и изолированы от мира. Автор вместе с Ниязом посетил бедное жилище сайгачника. В нём было пусто и холодно. Единственный жилец его — старик лежал на невыделанных шкурах и почти не обратил внимания на посторонних. Его тело было покрыто струпом и язвами. Старик находился в состоянии полнейшей апатии к жизни и смерти.

В очерке «Английские офицеры в Средней Азии» (89—103) Ковалевский привёл эпизод, связанный с пленением английского офицера, капитана артиллерии Аббота казахским батыром Исетом.

Исету не было ещё 20 лет от роду, когда он в степи приобрёл славу и уважение, хотя и принадлежал к «чёрной кости». Ковалевский отмечал, что был он сложен как Геркулес. Его атлетическое телосложение, «дикая» красота и приемы, полные отваги, удивляли не только европейца, но оказывали сильное влияние и на его соотечественников. О его бесстрашии и силе в степи ходило много рассказов. Так, однажды Исет увидел «в улусах Куль-Мухамета» его дочь и был поражен красотой. Но вскоре батыр забыл ее. Через год-два роды Куль-Муха-

мета и Исета поссорились. Отношения прекратились. Как-то к Исету приехал купец, сообщивший, что Куль-Мухамет выдает дочь замуж. Уязвленный батыр решил украсть девушку. С двумя верными друзьями он в темную ночь добрался до аула Куль-Мухамета. Припав к земле, дополз до юрты и похитил невесту... На заре увидел, что у него на руках полуживая старуха... Батыр возвратился в взбудораженный аул и смело увез красавицу.

...Английский офицер был ограблен, избит и изранен. Сопровождавших его афганцев «разобрали» сподвижники Исета. Жизнь самого Аббота висела на волоске, но подоспевшие туркмены выручили его и проводили в Ново-Александровское укрепление. А оттуда через Оренбург — Петербург он возвратился в Лондон.

В очерке «Поездка в Кульджу» (178—206) описывается Семипалатинск. Выйдя оттуда с купеческим караваном, направлявшимся в Чугучак и Кульджу, путники приблизились к зимовьям казахского султана Кош-Магомета. Небольшой деревянный домик окружало десяток юрт. Зимовка была расположена на берегу озера Сарыбулак. Сам султан произвел противоречивое впечатление. То он рассыпался в самых изысканных комплиментах, то говорил такие слова, что нужно было уши закрывать; то с благоговением касался руками глаз и бороды, делая знаки религиозного омовения; то богохульствовал. Султан не ел мяса, приготовленного рукою немусульманина, вместе с тем он «пил ром напропалую»; от души и щедро делал подарки, но силою вымогал «подарки» от других. В молодости султан был лихим барантовщиком, теперь он представлял слабого старца. С грустью глядел он на отправляющуюся барантовать молодежь. Автор сравнивал старого султана с солдатом, выбитым пулей из рядов: он смотрит, как несутся мимо него на битву, на славу его ратные товарищи.

В знак особого доверия султан пригласил русских гостей посетить юрты своих жен. Автор писал, что в степи каждая замужняя женщина имеет свою собственную юрту, большую частью приносимую с собой в приданое. Речь, конечно, шла о юртах богатых казашек. Так, юрта старшей султанши поражала богатым убранством: на полу лежали ковры, внутренняя поверхность решеток (кереге) была застлана тонким войлоком, «испещренным тесьмами и азиатскими рококо». С правой стороны стояли раскрашенные сундуки; «турсук, или большой кожа-

ный мешок с кумысом, занимал почетное место и отличался роскошью отделки» (180—181).

Султанша приветствовала русских гостей в самых изысканных выражениях. Во время беседы из ее уст слова лились струей; султанша считалась «умнейшею и красноречивейшею женщиной в степи и не даром: она одна властвовала над своим мужем самоуправно, и была в состоянии смирять его неукротимый характер и поддерживать влияние на народ» (181).

В разговоре с русскими султанша «искусно умела блеснуть умом и знанием света кочевого» (181). Автор в связи с этим заметил, что у казахского народа «даром слова оценивается дар ума, а победителем в красноречии всегда признается тот, кто сказал последнее слово», то есть тот, кто своего противника довел до такого состояния, когда он уже не может ни противоречить, ни отвечать и вынужден умолкнуть.

Если старшая султанша отличалась умом и красноречием, то младшая заслуживала пальмы красоты. «Удивительная белизна лица и нежные, голубоватые жилки, сквозившие местами сквозь тонкую кожу, придавали ее лицу вид страдания или душевной истомы». Автор писал о черных огненных глазах, о розовых губках и слегка выдавшихся скулах... Высокий конусообразный, белый, как снег, головной убор лишь подчеркивал пряди ее черных и лоснящихся, как вороново крыло, волос. Широкая одежда, писал восхищенный автор, состоявшая из бархата и парчи, обремененная металлическими бляхами, кольцами и талисманами, и полновесное, кованое кольцо вокруг шеи, видимо, тяготили ее, скрывали ее легкий стан и сжимали тяжестью шею; а из-под одежды искусно выставлилась ножка, совершенство красоты, ножка, каких нет в Европе (182). Но недолго любовались русские красотой молодой султанши: ревность старого султана заставила их покинуть юрту красавицы.

Проезжая мимо нити каравана, где было почти 400 человек, Ковалевский любил прислушиваться к казахским песням, которые тихо и на унылый лад лились отовсюду. Автор отмечал, что казах почти всегда импровизирует свои песни: «Он поет, что вспадет ему на глаза или на мысль» (185). Мир фантазии кочевника чаще «населен» верблюдами, лошадьми, баранами, и о них он поет. Нередко казах воспевае любовь батыров и их рат-

ные подвиги, «напоминающие... европейских героев рыцарских времен» (185).

Ковалевский писал, что казахский певец «в беспорядке ниже чудовищные образы своего воображения и предметы повседневной жизни на причудливую нить своей песни, которая тянется иногда по несколько часов сряду и обрывается большею частью неоконченная» (185). Писатель отмечал, что казахи любят употреблять сравнения в своих песнях, поскольку «простое изложение предмета темно».

В казахских песнях звучала часто рифма. А размер их «приноровлен» к напеву. Отмечая эти достоинства, Ковалевский приводит свой перевод одной из песен, которую импровизировал кочевник на пути к аулу. Автор писал, что сжатость казахского языка требует шестистопного стиха в русском переводе, а «хорей наиболее приличествует размеру подлинника». Взгляды Ковалевского на сущность перевода произведений казахской поэзии на русский язык, насколько нам известно, представляют первую попытку теоретического обоснования в русской литературе принципов реалистического перевода с казахского. В этом отношении Ковалевский на много лет опередил будущих переводчиков казахской поэзии. Вот один из его переводов:

Караван поднялся из-под Аир-реки;
Конь мой белый ржет и не дается в руки.
Солнце выслало зарю и вслед само идет
Встречу месяцу, а месяц скучился, не ждет.
Конь мой мечется, почуяв дым аульный,
И на дым понесся быстро мой разгульный.
Сердце чуяло родной, аульный кров давно,
И вздрогнуло, но затихло, бедное, оно:
Конь мой, конь! Не мчись, тебя никто не встретит!
Сердце вещее тебе ответит:
Кто нас ждал,— теперь не ждет!
Она ушла, и не придет!

«Странствователь по суше и морям» был создан Е. П. Ковалевским в самом начале его творческого пути. В последующие годы из-под пера писателя выходили романы и повести, рассказы и очерки, которые были написаны под разными псевдонимами (Егоров, Н. Безымянный и др.). Е. П. Ковалевский до конца своей жизни успешно сочетал литературный труд с активной общественной деятельностью. Умер он в конце сентября 1868 г., оставив по себе чистое и честное имя.

Егор Петрович Ковалевский, видный деятель русской литературы и культуры, внес известный вклад в развитие русско-казахских связей. Его богатое творческое наследие еще ждет своих исследователей.

Яркий след в истории русско-казахских литературных отношений оставил **Д. Л. Иванов (1846—1924)**⁹.

Дмитрий Львович Иванов — видный ученый и писатель России конца XIX — начала XX в. родился 26 сентября 1846 г. в Нижнем Новгороде в семье обедневшего дворянина¹⁰.

В 1864 г. после успешного окончания гимназии Дмитрий Иванов поступил на филологический факультет Московского университета. Передовые студенты крупнейшего заведения находились под влиянием идей революционеров-демократов. Так, под непосредственным воздействием идей Н. Г. Чернышевского юноша Иванов вместе с другими студентами создал переплетную артель. Организаторы ее поставили цель «трудом добывать средства к жизни и на учение». Вместе с тем молодые последователи Чернышевского стремились распространить в обществе идею об организации «трудовых ассоциаций с привлечением в последние простых рабочих»¹¹.

В начале мая 1866 г. Д. Иванов был арестован по делу Д. В. Каракозова и «по высочайшему повелению» посажен в Петропавловскую крепость. В делах управления коменданта Санкт-Петербургской крепости¹² указано, что дворянин Дмитрий Иванов содержался в отдельных казематах Невской и Никольской куртин¹³.

Верховный суд, состоявшийся 14 июля, обвинил Д. Иванова в принадлежности к тайному обществу «Организация» и в недонесении о существовании известного ему революционного общества «Ад» и приговорил к каторжным работам¹⁴. Однако, учитывая молодость подсудимого (Д. Иванову было лишь 19 лет), 24 сентября каторгу заменили ссылкой в Сибирь на поселение, которая позднее была также заменена не менее тяжким наказанием — отдачей в солдаты «рядовым с правом услуги»¹⁵.

Учрежденная Николаем I мера наказания революционно настроенных студентов — исключение из высшего учебного заведения с отдачей в солдаты и последующим направлением на театр военных действий — сохранялась еще долго в России. Так, Д. Л. Иванов, исключенный из университета, был отдан в солдаты и направлен в Орен-

бургский линейный батальон, а оттуда в Ташкент (1867). В следующем году за отличия в боевых действиях в Туркестане он был произведен в унтер-офицеры.

Вот как описывал молодой Иванов свои первые впечатления об обстановке тех лет в Туркестанском крае. Много разного люду — военных чиновников и предпринимателей, просто щедринских «ташкентцев» в поисках легкой славы и удачи направлялись в богатый край. Большинство искателей счастья, отмечал автор, растворялось в военной среде. Однако среди них встречались отдельные личности, которые из любознательности к новой природе, обстановке и населению стали собирать кое-какие коллекции, составлять отчеты и описания бытовых особенностей местных жителей¹⁶.

Было бы крайне несправедливо считать, что в Туркестане служили лишь одни щедринские «господа-ташкентцы». К счастью, здесь были и прогрессивные русские деятели, которые способствовали поступательному развитию края. Одним из них являлся Д. Л. Иванов — выдающийся ученый, талантливый писатель и художник.

В годы пребывания в Ташкенте Д. Иванов проявил большой интерес к природе, естественным богатствам и населению края. В 1870 г. он участвовал в работе военно-научной экспедиции, направленной в верховья реки Зеравшан и к озеру Исхандер-Куль, в составе которой были супруги ученые А. П. и О. А. Федченко.

В 1871 г. Иванову присвоили офицерский чин, а в 1873 г. он вышел в отставку, чтобы завершить образование. В том же году он поступил в Петербургский горный институт, по окончании которого в 1878 г. возвратился в Туркестан. С 1879 по 1882 гг. Д. Иванов — чиновник особых поручений при генерал-губернаторе, и в эти же годы он совершает обстоятельные и многосторонние исследования Ферганской, Самаркандской, а также Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей. После поездки по предгорьям Таласского Алатау Иванов пишет путевые очерки «Поездка в Алатау в 1879 году», вышедшие в Ташкенте в 1880 г. Они представляют интерес для современной этнографии казахского народа. Однако при оценке их следует учитывать и замечания самого автора: «Я далеко не могу похвалиться точностью своих наблюдений этнографического характера: ни время, ни мои специальные работы, ни отсутствие строгих и определенных программ

в отношении к вопросам населения не позволили мне остановиться на этих последних» (25)¹⁷.

Д. Л. Иванов признавал, что его этнографические исследования носят случайный характер и представляют «летучие, коротенькие наблюдения не по плану, а постольку, поскольку факты сами бросаются в глаза». Тем не менее, несмотря на существенные оговорки автора, этнографические материалы его имеют весьма важное научное значение. Это связано, в частности, еще и с тем обстоятельством, что Д. Л. Иванов вел этнографические наблюдения в таких труднодоступных местах, где крайне редко мог бывать специалист-этнограф.

Высоко в предгорьях Алатау исследователь впервые встретился со своеобразной «смесью кочевых условий с земледельческими». В малодоступных для «аульных стоянок» горных местах «исключительно скитается кочевник, перегоняя с горы на гору, из ущелья в ущелье свое богатство. Ранней весной он ползет в горы за своим стадом, осенью спускается вниз к своим зимовкам». Однако постоянно происходит оттеснение казахского «полуоседлого кольца к горам», что вынуждает кочевников «хлопотать о заготовке части корма». С этой целью они начинают сеять джонушку, заводят немудрое поле под хлеб. Постепенно закладываются основы оседлости. Но, как справедливо отмечал Д. Л. Иванов, этот процесс происходил болезненно: «Оседлость, хромая и убогая, неумелая и ленивая, тупая и вынужденная, мало-помалу возникает и прививается там, где ее прежде не было».

Другим коренным обитателем этого края Д. Л. Иванов считал оседлого хлебопашца и лесовода, которого характеризовал как торговца, трудолюбивого и предприимчивого человека. Различия в хозяйстве кочевника и «опытного фермера» настолько разительны, что в зимовках на вопрос путешественника, нет ли в продаже дыни и масла, казахи отвечали с горькой улыбкой: «Мы этого совсем не знаем, где уж нам продавать» (34).

Однако общение кочевников с земледельцами вынуждает их «непременно учиться», «учиться плохо, поневоле, но все-таки учиться такому умению жить». Кочевник воспринимает от своего соседа не только культуру земледелия, но и «грамотность, религиозные убеждения и порядность». Однако и земледельцу приходится «поступиться» некоторыми из своих «верований и обычаев», в частности, и «его женщина перестает кутаться, живя рядом с

независимой» казашкой. Иванов считает, что «грамота и религиозность всецело передаются» казахам от их оседлых соседей.

Необходимо отметить, что Д. Л. Иванов еще в конце 70-х годов XIX в. вполне объективно оценивал значение экономических факторов во взаимоотношениях народов. Более того, он подчеркивал, что «первая сила в деле влияния цивилизующего — это, без сомнения, экономическая жизнь, умение пользоваться силами местной природы». Действительно, коренные оседлые жители края умеют «с таким упорным трудом и веками приобретенным знанием приспособляться к местным климатическим и почвенным условиям», они представляют «сильную массу». И снова Д. Л. Иванов замечает, что именно экономический фактор является «могучим орудием» проникновения влияния земледельческой культуры. Вместе с тем ученый и писатель ошибочно полагал, что русская цивилизация могла проникнуть в казахскую степь лишь через посредство оседлого коренного населения. Он явно недооценивал темпы проникновения русской культуры и ошибочно переносил результаты своих наблюдений в двух уездах на обширное пространство казахских степей. Тем не менее многие наблюдения Д. Л. Иванова сохранили исторический интерес и сегодня.

Ознакомившись с жизнью пастухов-казахов («скитальцев»), Д. Л. Иванов писал, что горные уголки имеют совсем особую жизнь, свою физиономию, свои заботы и горести. В горах бродят настоящие «сыны природы», которые живут сказочной пастушьей жизнью далеких времен. Там автор «познакомился с этой маленькой простодушной жизнью». С неподдельным радушием и любопытством приняли пастухи гостей, предложив им все, что у них было. Для пастухов это был «огромный праздник», который давал к тому же запас новостей и рассказов на целый год.

Всю обстановку сердечной встречи с простыми людьми Д. Л. Иванов передал в следующих строках: «Костер, вся кошменная рвань, сташенная к нашим услугам, молодой барашек, пластуемый по поводу пиршества, айран в протухлом турсуке, наивнейшие рожицы хозяев-оборванцев, целая куча страшных рассказов: про волков, разбойников и прочие напасти пастушьей жизни». Так прошел вечер среди пастухов.

А на утро Д. Л. Иванов выступал уже в роли судьи, поскольку проводник-казах представил его как «тауларны-хаким» (горный чиновник). Пастушьи споры были разобраны. Справедливость восторжествовала. Все люди остались довольны и благодарили гостя. Кому, как не ему, можно было разобрать «горные» споры, до которых никому нет дела? «Кому же войти в интересы этих людей, до которых не доходило, да и не дойдет никакое свое начальство?».

В путевых очерках Д. Л. Иванова «Поездка в Алатау в 1879 году» подняты острые вопросы, затрагивавшие проблемы взаимоотношений народов Средней Азии и Казахстана, а также взаимоотношений и взаимовлияния русских, казахов, узбеков и др. Вместе с тем автор с особой любовью и симпатией описывал простодушных «детей природы» — казахских пастухов, подчеркивая, что они, несмотря на бедность и оторванность от остального населения, сохранили лучшие человеческие качества.

Впоследствии И. В. Мушкетов писал, что в 1879 г. горный инженер Д. Л. Иванов сделал интересную поездку по горам Таласского Алатау, где нашел целую систему значительных ледников в верховьях ряда рек. В 1880 г. Иванов стал спутником И. В. Мушкетова в экспедиции на Зеравшанский ледник, а последующие два года он производил геологические исследования в разных местах Туркестана¹⁸.

В архиве И. В. Мушкетова¹⁹ сохранилось эпистолярное наследие Д. Л. Иванова, свидетельствующее о большой дружбе двух деятелей русской культуры и науки. Эти письма ценны тем, что в них Иванов дает яркие и тонкие характеристики положения края, а также отдельных лиц из состава туркестанской администрации.

К концу пятилетнего пребывания в Туркестане Д. Л. Иванов с горечью писал И. В. Мушкетову: «Служить здесь среди теперешней и еще вновь ожидающейся вакханалии человеку малому и не искусившемуся в танцах не полагается, ибо будешь служить «не богу, а Мамоне»²⁰. Далее он отмечал, что все эти годы жил надеждами на то, что «путаница, дезорганизация и кляузы... все сие срамное представление кончится». С глубоким сожалением Иванов сообщал, что его научные труды не продвигаются и он «не имеет возможности над ними работать, поскольку во всем этом виновата тут наша каторга», которая способна «осадить кого угодно». Однако им

собран большой и интересный материал, над которым сейчас работает (речь шла об обследовании долины Ферганы на нефть).

Д. Л. Иванов был человеком разносторонних дарований и разнообразных интересов. Он занимался не только геологическими исследованиями, но и изучал этнографию казахов, «горных киргизов» и таджиков, вел наблюдения над климатом края. Одним из первых русских ученых он обратил внимание на местные архитектурные памятники. Свои тонкие наблюдения в этой области автор сопровождал серией великолепных рисунков. По мнению биографов Д. Л. Иванова, его рисунки, этюды и альбомы могли бы составить целый отдел, например, в будущем музее туркестановедения. Не случайно, что Д. Л. Иванов вместе с известными путешественниками А. П. и О. А. Федченко, И. И. Краузе и другими составил каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки в Москве 1872 г. Выступал он также составителем третьего выпуска сборника «Русский Туркестан», который пользовался широкой известностью и содержал документальные данные «о всех бывших в Средней Азии движениях и военных действиях с 1839 по 1871 годы». Кроме того, в сборнике были опубликованы песни туркестанских солдат, а также заметки «О производительности Туркестанского края по отношению к войскам, в нем расположенным, и статистические сведения о последних». В 1873 г. Д. Л. Иванов был командирован Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в Вену для организации Туркестанского отдела Всемирной выставки.

Вокруг Д. Л. Иванова группировались прогрессивные деятели Туркестанского края, лица, в прошлом подвергавшиеся репрессии за свою революционную и прогрессивную деятельность²¹. Эти лица находились под негласным надзором местных властей.

Д. Л. Иванов был близок к известному хомутовскому кружку русских передовых деятелей в Туркестане. Название кружка, как уже отмечалось, связано с именем Петра Ивановича Хомутова, политического ссыльного, жившего в Ташкенте с 1870 г. и до конца своей жизни. Вокруг П. И. Хомутова и Д. Л. Иванова группировалась молодежь. Они «старались воплотить в жизнь идеи Чернышевского по его роману «Что делать?». Молодые девушки, например, учились кройке и шитью «и по завету

героини романа Веры Павловны открывали швейные мастерские»²².

Власти Туркестанского края были, естественно, осведомлены о круге знакомых Д. Л. Иванова. И, конечно, они не могли забыть его «крамольного прошлого». В 1883 г. Д. Л. Иванов был официально «оставлен вне штатов», однако продолжал вести широкую общественную деятельность. Он был председателем и членом многочисленных научных комитетов, комиссий, обществ. Оценивая его заслуги, А. И. Хлапонин и А. Н. Криштафович (1925) писали: «Высоты Памира, пустыни Средней Азии, долины и горы Туркестана, дебри Уссурийского края, далекий Сахалин и Северный Кавказ, как и многие другие места, видели в своих пределах Дмитрия Львовича»²³.

Д. Л. Иванов оставил после себя около 60 научных работ, посвященных вопросам геологии, географии, археологии, этнографии, экономики и т. д. Вспоминая о своих путешествиях на Памир и в долину Алая, о службе на Северном Кавказе, в царстве Польском и Иркутском горном управлении с его необъятной областью от Тихого до Ледовитого океанов, Д. Л. Иванов всегда с любовью и гордостью говорил о Туркестане: «Мы, старые туркестанцы и пионеры по исследованию в том крае, невольно чувствовали нашу связь с ним, вспоминая пережитые в молодости впечатления при путешествиях по этой грандиозной и оригинальной стране, приучившей нас понимать размеры и разнообразие природы и ее особенностей». Далее он указывал, что «Туркестан был настоящим нашим воспитателем»²⁴— громадной областью науки о природе.

Совершенно не изучено и по-настоящему не оценено педагогическое наследие Д. Л. Иванова. Между тем он уделял значительное внимание вопросам эстетического воспитания детей в раннем возрасте. В 1912 г. Иванов выпустил специальное пособие для матерей под названием «Дошкольное рисование»²⁵. Пособие было богато иллюстрировано: в тексте имелось 636 рисунков, из них 70 даны в красках.

Философские размышления Д. Л. Иванова о значении рисования в эстетическом воспитании детей возникли и сформировались далеко не случайно. Он был знаком с трудами отечественных и зарубежных ученых и педагогов, посвященных эстетическому воспитанию детей. В частности, Иванов ссылается на труды Л. Тодда,

который считал, что «рисование — это всемирный язык: оно учит нас понимать язык, которым говорит каждый лепесток, былинка, раковина и кристалл о своей Красоте, Грации и Целесообразности».

Ссылаясь на мнение известного русского педагога К. Д. Ушинского, Д. Л. Иванов указывал, что «рисование воспитывает дух» и помогает выработке умения видеть взаимосвязи явлений. Умение рисовать облегчает школьное обучение наукам, оно полезно и в практической деятельности взрослого человека.

Появление пособия по «Дошкольному рисованию» Д. Л. Иванова — явление закономерное. Автор был крупным художником-любителем (Чабров, 1966). В его рисунках, зарисовках получили реалистическое отражение многие стороны жизни казахского народа и природа края. Наряду с произведениями таких выдающихся художников, как Т. Г. Шевченко, В. В. Верещагин, реалистические рисунки Д. Л. Иванова запечатлели многие стороны жизни казахов (портреты людей, их костюмы, внешний и внутренний вид жилищ и др.), которые имеют самостоятельное значение при изучении русско-казахских культурных связей.

Известный интерес с точки зрения педагогики представляет сборник его сказок «Зайка-играйка, Глазунова и другие рассказы няни Никифоровны»²⁶. Сказки Д. Л. Иванова не только занимательны, но и народны, имеют большое воспитательное значение.

Таковы некоторые сведения о педагогическом наследии Д. Л. Иванова.

Во время многочисленных путешествий по Средней Азии и Казахстану Д. Л. Иванов не мог не уделить определенного внимания встречавшимся то там, то здесь многочисленным памятникам древности. В его работе «По поводу некоторых туркестанских древностей» (1884)²⁷ приведены довольно обстоятельные сведения о некоторых памятниках седой старины. О них в литературе до сообщения Д. Л. Иванова вовсе не было никаких сведений или упоминалось лишь вскользь. Между тем Д. Л. Иванов свои описания сопровождал наглядными набросками карандашом. Автор сам считал свою коллекцию археологических находок разрозненной, не систематизированной, не обработанной. И тем не менее данный его труд представляет научный интерес и в настоящее время.

Так, Иванов писал, что на развалины Ахыр-таша²⁸ следует смотреть как на одно из замечательных древних архитектурных сооружений в казахских степях. Далее он указывал, что «для подобной циклопической затеи нужно было иметь огромные средства. Кроме искусного архитектора и прекрасных опытных мастеров необходимо было располагать массой рабочих рук и огромным богатством». Автор привел несколько казахских легенд, связанных с этим сооружением.

Д. Л. Иванов был не только ученым²⁹, художником, педагогом, но и замечательным писателем, создавшим наряду с другими произведениями цикл очерков и рассказов о казахском народе. Штрихи творческой биографии писателя следует закончить высказыванием его современника, выступившего под псевдонимом Я-ий на страницах журнала «Природа и охота» (1876). Он писал, что Д. Л. Иванов несомненно обладал «крупным литературным дарованием». К сожалению, его сочинения, отмечал критик, «представляющие ряд правдивых, мастерски исполненных роскошных картин туркестанской жизни, так и канули в реку забвения».

Во время многочисленных экспедиций и путешествий Д. Л. Ивановым были открыты не только новые месторождения угля, нефти, минералов, но и совершенно необычные стороны жизни коренного населения степей и пустынь, гор и долин обширного края. Близкое знакомство с бытом и обычаями, с песнями и сказками, с духовной культурой народов Туркестана помогли Д. Л. Иванову создать целый ряд реалистических художественных произведений, способствовавших сближению народов края, в частности, казахского населения с русским.

Начало интенсивной литературной деятельности Д. Л. Иванова³⁰ совпадает с годами его учебы в Петербургском горном институте. В 70-е годы он активно сотрудничал в таких изданиях, как «Военный сборник», «Русский инвалид», «Неделя», «Азиатский вестник», «Слово», и других органах печати.

В своем творчестве Д. Л. Иванов (его литературные псевдонимы «Прохорыч», «Дм. Львович» и др.) был последовательным сторонником идей революционных демократов. Находясь по существу в длительной ссылке в Туркестане, Иванов не изменил идеалам ранней молодости.

О деятельности Д. Л. Иванова как ученого, исследователя существует немалая литература. Однако в ней в основном речь идет о специальных его трудах по геологии, географии, этнографии и т. д. Таковы статьи А. И. Хлапониной, А. Н. Криштафовича (1925), Б. В. Лунина (1962), А. С. Уклонского (1966)³¹ и др.

Вместе с тем в русской литературе почти не рассмотрена деятельность Дмитрия Львовича Иванова как писателя. Между тем литературное наследие его представляет определенный интерес. Проучившись некоторое время на филологическом факультете Московского университета, Д. Л. Иванов в течение всей своей долгой жизни сохранил верность искусству слова. Его многочисленные очерки и рассказы, большинство которых посвящено казахской тематике, представляют серьезный вклад в разработку проблемы русско-казахских литературных отношений. В большой серии путевых очерков Д. Л. Иванов создал запоминающиеся портреты представителей казахского народа («Рыбаки»). Отдельные его очерки привлекают внимание своей публицистичностью, острой постановкой больших социальных вопросов («На утинном перелете»). Некоторые произведения Д. Л. Иванова носят характер живописных этюдов («Степные призраки»).

Выступая в жанре короткого рассказа или путевого очерка, Д. Л. Иванов стремился к созданию произведений глубокого идейного содержания. Все его произведения на казахскую тему объединены одной общей идеей гуманизма и прогресса.

Очерки и рассказы Д. Л. Иванова в целом воссоздают многие стороны жизни казахского народа в дореволюционный период. В них нет ложного любования экзотикой кочевой жизни, а, напротив, по мнению автора, она стала серьезным препятствием на пути распространения земледельческой культуры среди казахов. Кочевая жизнь уводила их от широкой дороги цивилизации. Писатель знакомил русских читателей не только с этнографическими особенностями народа, но пытался раскрыть его духовный мир, создавая яркие образы.

Художественные произведения Д. Л. Иванова, написанные с позиций гуманизма и народности, содействовали формированию в русском обществе реалистического взгляда на казахский народ, который способен, по глубокому убеждению писателя, к восприятию современной

культуры, к земледелию с вытекающим отсюда активным стремлением к новому этапу жизни — жизни в общем русле развития передового человечества. Благодаря таким прогрессивным идеям, воплощенным в серии рассказов, очерков, журнальных статей на казахскую тему, Иванов оставил заметный след в русской художественной литературе и журналистике.

Из этой серии Д. Л. Иванова заслуживают особого внимания следующие произведения: «Солдатское житье. Очерки из Туркестанской жизни» (Спб., 1875 г.); «Солдатские рассказы о Туркестанском крае» (Спб., 1875 г.); «Киргизская степь. Рассказы солдата» («Досуг и дело», 1875 г.); «В горах (Из Туркестанской походной жизни)» (Спб., 1876 г.); «Под Самаркандом» (1876 г.); «Из войны на далеком Востоке. Под Самаркандом. Рассказ новичка» (Спб., 1877 г.); «Кара-Ибан. Среди киргизов» (1878 г.); «Поездка в Алатау в 1879 году» (Ташкент, 1880 г.); «По поводу некоторых Туркестанских древностей» (1884 г.); «Зайка-играйка. Глазун-сова и другие рассказы няни Никифоровны» (Спб., 1911 г.); «Дошкольное рисование» (Спб., 1912 г.); «По киргизской степи (путевые очерки)» (Пгр., 1914 г.) и др.

Прежде чем перейти к анализу этих произведений, следует указать, что писатель правильно отличал казахов от киргизов, хотя в своих статьях, очерках и рассказах он пользовался общеупотребительным в русской дореволюционной печати понятием «киргизы» вместо «казахи». Об этом свидетельствует, в частности, доклад ученого на тему «Путешествие на Памир», прочитанный на общем собрании Русского географического общества 11 апреля 1884 г.³² В докладе, где была дана справка о составе экспедиции, о трудностях ее, сказано, что Памир населяют представители двух народностей. Одна из них «коренная памирская, монгольского племени — киргизы». Далее Д. Л. Иванов уточняет: «Это те киргизы, которые сами себя называют этим именем и которых мы, в отличие от киргиз-кайсаков, или казахов, называем кара-киргизами» (28).

Примечательно также, что Д. Л. Иванов, создавая образы казахов, записывая песни и легенды народа, изучая обычаи и нравы кочевников, всегда пользовался своими непосредственными наблюдениями. Конечно, огромное значение имело прекрасное знание казахского языка. Только глубоким знанием его можно объяснить эмоцио-

нально насыщенные описания сцен исполнения казахских песен в ряде очерков и рассказов. В этой же связи необходимо отметить факт введения Д. Л. Ивановым в русскую литературу многих казахских терминов, понятий, транскрипция которых очень близка к оригиналу. А ведь в то время общепринятого алфавита казахского языка на основе графики русского языка по существу не было, если не считать попыток отдельных просветителей и деятелей русской культуры к созданию основ удобного алфавита для казахов.

В 1875 г. в виде отдельной книги вышли очерки Д. Л. Иванова «Солдатское житье»³³. Они печатались в течение предыдущих трех лет на страницах «Военного сборника», а также «Туркестанского сборника» (1873 — 1875). В основу очерков положены действительные события, участником которых был автор.

В очерке «На передовой линии» впервые отмечен факт участия казахской молодежи («джигитов») в походах русских войск по Средней Азии. Конные казахи, по мнению автора, составляли «род особой... команды». В очерке положительно характеризуются казахи и их роль в войсках.

Описанию однообразной, унылой жизни «захолустника» в степи посвящен одноименный очерк. И лишь изредка это однообразие нарушалось неожиданным присутствием на войсковых учениях казахов, которые пробирались верхом тихим шагом «в почтительном отдалении». «В меховых малахаях и войлочных белых чапанах» они, остановившись вдали, молча смотрели на происходящее.

В другом очерке дано описание сцены охоты, во время которой мимо русских офицеров проходит верблюд. Между его высокими горбами виднелись две черные головенки. Эти «крошечные человечки», не более 4—5 лет, были «пастухами»: они «повелительно покрикивали на подвластное им стадо». Д. Л. Иванов создал запоминающийся образ «бирюка»-охотника, сохранившего свои лучшие человеческие качества. Речь идет об офицере Шумове, про которого даже сложили анекдот: «Придет с охоты — его под арест, отсидит — на охоту; явился — под арест, выпустили — опять на охоту и т. д.»

Шумов сосредоточил все свои интересы на охоте, потому что не мог жить без движения, без перемен. Если его мало-помалу забывали в захолустье, то в степи у ка-

захов имя Шумова-тура стало популярным, наконец, синонимом хорошего человека, молодца, друга.

Д. Л. Иванов в следующих строках характеризует свое первое впечатление от казахской песни, услышанной в одной из юрт: «Бог знает, были ли в ней слова, вероятно, были, но их разобрать было нельзя. Какие-то высокие, тонкие протяжные звуки переливались, дрожали, летели куда-то далеко, точно вся степь укладывалась в эту песню и уносилась далеко, далеко». Солдат Долин, пытавшийся «подтягивать» певцу, очень плохо «попадал» в тон мотива казахской импровизации. Это, по-видимому, одно из самых первых впечатлений Д. Л. Иванова о казахской песне. В последующих произведениях он будет уже описывать и точное содержание и эмоциональное воздействие песни на окружающих.

В своих размышлениях автор отмечал, что «и степь, пустыня играли тоже немаловажную роль в истории умственного и нравственного развития народов. В ней явился первый астроном и математик, сколько поэтов вырастила она... В ней, перед лицом этой необъятной пустоты, под этим чистым и высоким небом отыскивал человек в своей душе такие уголки, какие не мог видеть раньше, среди мелочей и суровостей другой обстановки. Сюда уходил он сосредоточиться, взглянуть широкими глазами на нравственный мир человека и здесь — в этой пустынной степи он задумался, замечтался».

Таким образом, в самых ранних своих произведениях на казахскую тему писатель пытался осмыслить и понять корни поэтической души народа.

В очерках Д. Л. Иванов обращает внимание читателя на два контрастных портрета: бия и бедного казаха. «На рослом, богатом сивом коне сидит важно толстый, увесистый бий. Он в цветастом полушелковом халате, в широчайших вышитых узорами желтых кожаных штанах — и это одеяние делает «пузатую фигурку» бия еще более выразительной... «Востроносые сапоги едва выглядывают из-под широких чембар (шалбар.— К. К.) своими кончиками с ремешковыми язычками. Огромный малахай опушен лисой. Лицо заплыло жиром, глаза совсем потонули за толстыми веками, подстриженные усы и редкая борода подернулись сильной проседью» (136).

Этот портрет колоритен и выразителен. Он резко контрастирует другому — портрету бедного казаха. «На шершавой, пегой широкогрудой лошадке, на деревянном арчаке сидел приземистый молодой малый. Рыжий суконный чапан (шапан.—К. К.) надетый неуклюже на широчайшие плечи, открывал до пояса совершенно голую мускулистую грудь. Грязные, порванные, стоящие колом бараньи штаны, в которые был заправлен, по общему обыкновению, чапан, делали ноги несоответственно толстыми». В руках он держал поводья верблюда, на котором восседала женщина. Рисуя так прекрасно внешние данные людей, автор не скрывает, что его симпатии на стороне простого труженика.

В очерке «По степям» Д. Л. Иванов предупреждал: «Не должно думать, что кумы (пески.—К. К.) представляют из себя совершенно бесплодные пустыни, где не может быть никакой жизни». Напротив, писал он, казахи весной и зимой постоянно кочуют в этих степях со своими стадами, где находят богатейший подножный корм, а зимой стада легче могут откапывать снег, так как в песчаных степях он не бывает глубок.

На страницах «Голоса» (1875, № 11) и «Туркестанского сборника» (1876)³⁴ появилась рецензия на очерки «Солдатское житье» Д. Л. Иванова. Рецензент отмечал, что они являются плодом шестилетних наблюдений автора. Излагая краткое содержание «Очерков», рецензент заметил, что туркестанская жизнь нарисована пером «очевидно, неопытным, но притягательным».

Сравнивая «живые и бойкие» рассказы Каразина с очерками Иванова, критик отметил, что особенный интерес в последних «представляет фактическая сторона, из которой мы действительно знакомимся с «Солдатским житьем» и во время стоянки — «На передовой линии», «В захолустьи», «На бойком месте»; и во время похода — «Долиной», «По степям»; и «В бою», «Штурм». В этих семи картинах (очерках), писал он, представлена вся жизнь солдата в Туркестане (32).

Между тем рецензент не заметил, что уже в ранних произведениях Д. Л. Иванова, в частности, в очерках «Солдатское житье» содержатся интересные наблюдения молодого автора над самобытной жизнью казахов. Уже в этих произведениях он открыто выражает свои симпатии представителям казахского народа. Иванов детально и тщательно выписывает новые для него черты в нравах,

обычаях, быту казахов. В этом, несомненно, заключается высокая ценность очерков, хотя и написанных еще неопытным пером.

На «Солдатское житье» Иванова появилась также и положительная рецензия в журнале «Природа и охота» (1876). Автор статьи «Туркестанские охоты», говоря о Л. Толстом, «как охотничьем писателе», упомянул еще «об одном очень интересном сочинении, вышедшем из-под пера чрезвычайно симпатичного и талантливого, хотя, к сожалению, и почти не известного русского беллетриста, г-на Д. Иванова».

Отмечается факт равнодушия «большой» публики к творчеству талантливых писателей, обладающих крупным литературным дарованием, к коим автор относил и Д. Л. Иванова. Критик высоко оценил «пластичность» рассказов Д. Иванова, живо воссоздающих картины природы. Так, в монотонном камышовом «лесу» читатель ярко видит фигуры охотников, собаки которых, «едва двигая лапами», подаются вперед, ступая «точно в мягкий пух».

Недолгое пребывание Д. Л. Иванова в Оренбурге, первые яркие впечатления от встречи со степными жителями края послужили основой его «Солдатских рассказов о Туркестанском крае» (1875)³⁵.

Главным героем рассказов является солдат, от лица которого ведется повествование. Последнее стилизовано, автор мастерски передает манеру речи русского солдата: «В 1867 году мы в городе Оренбурге стояли. Только приказали нам, братцы, чтобы выступить в поход в степь. В степь да в степь, только и разговору было, что в степь. А что это за птица, за диковина такая степь, никто не знал толком».

Широко использованы в рассказах народные речения, понятия и слова: «повесили мы головушки», «по Руси матушке», «харчи», «шабаш», «погуливать» и т. д. Все это, безусловно, создает особую атмосферу именно солдатских рассказов. Однако основная цель, идейная сущность их заключается в показе особенностей жизни казахов. Постепенно, исподволь знакомит писатель со степью и ее обитателями. Проходя по степным просторам, солдаты вспоминают, что казахи в степи («даром что во все стороны гладко») всегда на одних и тех же местах остановку делают. Этим пользуются и русские солдаты, совершающие поход в «тысячи две верст туда».

Если в первых главах книги даются описания сбора в поход и выступления солдат, впечатления о первых днях пребывания в степи, о степных птицах и походной жизни, то остальные рассказы («Дневка возле киргизских зимовок», «Река Илек», «Аул», «Киргизы», «Киргизская охота», «Киргизская семья») полностью посвящены казахам.

Удивление русских солдат вызвали казахские зимовки, где «избушки из дерну состроены». Автор отмечает имущественное неравенство в казахских аулах. Некоторые богачи имели по две или три «кибитки» (юрты), а бедный ютился в одной (35). В юртах богачей и убранство отличалось роскошью.

По мнению рассказчика, казахи говорят «скоро-скоро, так и сыплут словами». Живут они родами. Каждый род имеет свои места.

Характеризуя нравственные качества казахов, автор пишет, что казахи «народ отличный». Казах «характеру... мягкого, веселого. Душа у него простая, добрая. Мирный он вовсе теперь стал... Ссориться не любит зря, из-за пустого».

В казахской семье старшим является отец: «он всему делу голова». Но у казахов «закону писаного нету, разбирательство идет по старому обычаю, как старики судили. Разберут судьи, кто прав, кто виноват, и наказание положут по древнему преданию» (58).

Д. Л. Иванов много внимания уделил положению женщины в казахской семье. Он писал, что им «жить свободно, их не обижают, только что на счет работы очень трудно, потому мужики-то больше все в гости, играют, дела мало возле хозяйства справляют» (60). Между тем казахская женщина должна и раньше всех встать, чтобы подоить скотину, заготовить дрова, принести воды, пищу приготовить, с детьми возиться. Она же шерсть собирает, прядет, ткет армячину, сукно, ковры, подпруги, вяет веревки, шьет одежду, валяет кошмы, вяжет маты, вышивает, шьет, толчет просо, делает кумыс. «Всякую она работу может исполнить» (50), — писал Д. Л. Иванов. Автор любит казахскими женщинами, говоря восторженно: «И смелые эти, киргизки, да ловкие какие» (51).

В «Солдатских рассказах» дана не только глубокая и объективная характеристика нравственных качеств ка-

захов, но и открыто выражена авторская симпатия к казахскому народу. Ее Д. Л. Иванов пронес через всю свою долгую и неутомимую жизнь. «Солдатские рассказы» несомненно испытали влияние кавказских повестей Л. Н. Толстого, хотя в них и сохранен «специфический туркестанский колорит».

В 1877 г. в Петербурге появились рассказы Д. Л. Иванова «Из войны на далеком Востоке. Под Самаркандом. Рассказ новичка». Рассказы написаны под первыми впечатлениями боя от 1 мая 1868 г., в котором участвовал автор. Здесь нет каких-либо тактических данных. Речь идет «исключительно о личных впечатлениях новичка». Война рассматривается автором с чисто психологических позиций или, как писал Д. Л. Иванов, в своих рассказах он пытался затрагивать «преимущественно человеческую сторону». В этом плане бесхитростные записи новичка представляют некоторый интерес и для современного читателя.

В третьем выпуске сборника «Русский Туркестан» (1872)³⁶ Д. Иванов опубликовал собрание песен туркестанских солдат. Автор слушал песенников различных воинских частей, расположенных в крае. Иванову приходилось делать записи множества вариантов одной и той же песни. Просмотрев все собранное, он пришел к выводу, что первые песни в туркестанских войсках появились в результате «заноса» их с Кавказа. Эти песни подвергались «обработке» применительно к местным условиям. В процессе такой трансформации песни претерпевали серьезные искажения. Иванов затратил большой труд, чтобы подготовить солдатские песни к печати. Они привлекают внимание тем, что сохраняют живое дыхание эпохи, «любопытные подробности боевых событий», а также особенности взаимоотношений русских солдат с местным населением. В некоторых из них солдаты подробно поют о «жизнь-разбыть... туркестанском».

В песнях сохранены также воспоминания о делах солдатских:

Много этих крепостей
Возвели мы средь степей
.....
Мы строители лихие
Дома строили земляные.

Песни интересны бытовыми подробностями. В них упоминаются и зеленый чай, и кишмиш, и кизяк и т. д.

Важно, что в них отражена складывающаяся дружба между русскими и местным населением:

Мы уж с сартами (узбеками.— К. К.) сдружились.
И с киргизами (казахами.— К. К.) сжились.

Как придешь к нему ты в дом,
Угощает кумызом...

В другой песне солдат пел:

И теперь уж мирный сарт
Называет тебя «брат»...

Проникновение идеи дружбы и братства с узбеками, казахами в среду туркестанских солдат весьма любопытно. Этот факт отражал общий дух, господствовавший среди демократической части русского общества. Само «туркестанское воинство», писал Иванов, имело некоторые особенности, на что справедливо указывалось в предисловии к первому выпуску сборника «Русский Туркестан» (1872).

Среди произведений Д. Л. Иванова (Дм. Львовича), посвященных казахской тематике, заслуживает особого внимания цикл его путевых очерков «По киргизской степи», появившихся в Петрограде в 1914 г.³⁷ Очерки знакомят читателя с казахской степью, ее обитателями, их образом жизни и нравами, песнями и легендами, острыми социальными проблемами. Главными героями очерков являются представители казахской бедноты, которым безраздельно отданы симпатии автора. Остановимся на характеристике некоторых из этих произведений.

Очерк «Рыбаки» посвящен встрече автора с бедными казахскими рыбаками на берегу озера Татыр. Автор создал несколько запоминающихся образов из гущи народа. Это прежде всего проводник Нургужа Атабеков, владелец пегого вислозадного «маштачка»; молодой рыбак Сабыр и пожилой казах со следами шрама на лице.

Наиболее полно и тщательно выписан портрет Нургужи, который являл собою образец «любопытного существа». Маленький, подвижный, с вороватыми раскосыми глазками на безбородом личике, Нургужа с поразительной точностью знал степь, изучил ее «вкресть и поперек» «до мельчайших подробностей», «помнил все овраги, речонки, колодцы, даже могилы». Нургужа оказался незаменимым спутником автору («сам-друг») еще и по-

тому, что у него в степи везде были приятели, разные родственники, которые охотно принимали путешественников.

Бедный проводник знал также «множество» казахских песен, рассказов и легенд, которыми щедро делился с автором. Кроме того, Нургужа обладал целым «арсеналом» мелких, но «преполезных» практических познаний. Так, он искусно владел иглой, лечил лошадей, «заговаривал... по крайней мере кровь, порчу и дурной глаз», безошибочно ориентировался по звездам, умел «весьма сносно стряпать». Но самым важным качеством Нургужи автор считал его «характер... пленять кого угодно».

Будучи сыном степей, истым кочевником, он все невзгоды путешествия переносил не только без ропота, но «все время находился в каком-то радостном, сияющем возбуждении». Нургужа хорошо понимал юмор, «сыпал шутками» и прибаутками, с ними ложился спать и с ними же просыпался. Весело готовил обед, ухаживал за русским путешественником «как самая преданная нянька» и всегда умел поддержать его настроение. Вот почему автор считал Нургужу бесценным сокровищем, кладом. Таков один из самых привлекательных образов в очерках Д. Иванова.

О бескорыстии и поэтической натуре Нургужи можно судить еще и потому, что он «ни мало не раздумывая, сразу согласился сопровождать» русского путешественника, хотя у него были и дом, и семья, и служба (он где-то караулил). Нургужу увлекла мысль путешествовать в течение нескольких месяцев по степным просторам.

Вместе с тем Нургужа наделен мудростью народа и к месту использует его пословицы и поговорки. Так, приехав на берег пустынного озера, он надеется встретить рыбаков, «руководствуясь» поговоркой «Умитсиз сайтан»³⁸ или «только у черта не может быть надежды». Следовательно, человек всегда должен надеяться, то есть: «век живи, век надейся». Действительно, вскоре проводник повстречал рыбаков, стан которых находился в узком ущелье среди скал. Описывая стоянку («кош») рыбаков-казахов, автор рисует картину крайней степени бедности и нищеты. Около грязного и закоптелого «коша», «высоко задрав оглобли, стояла ветхая, перекосившаяся арба, валялись в беспорядке разные хозяйственные и рыболовные принадлежности, гнили объедки

рыбы, кости, чешуя... Тут же паслись две стреноженные лошади и старенький, облезший верблюд».

Но среди этой невообразимой нищеты люди сохранили добрые человеческие качества и мечту о лучшем будущем. Таким мечтателем оказался рыбак Сабыр, племянник проводника, молодой, стройный человек, «с приятным открытым лицом, одетый в рваный кафтан из домотканого шекпека³⁹ и в розовые ситцевые шелбары (штаны). На голове у него красовалась плисовая шапка — конфедератка, отороченная по торгайской моде корсачьим мехом» (15). Сабыр, улыбаясь, протянул русскому писателю свою маленькую, жилистую руку — и тот почувствовал себя так, точно находится «среди давно знакомых». Это были «на редкость» доброжелательные и общительные люди.

За чаепитием завязалась беседа автора с казахами-рыбаками. Один из них, пожилой человек со следами темно-красного шрама через всю щеку, рассказал, что живут они недалеко от Каратала, сеют тару (просо) и арпу (ячмень). Кочевать они не могут из-за отсутствия верблюдов. «Раньше они получали богатые уловы рыбы, возили даже в Ак-Мечет⁴⁰, теперь в озере стало мало рыбы».

Между тем в последнее время чересчур много рыбаков «развелось». Раньше казахи мало занимались рыболовством. Теперь казахи-рыбаки стали постепенно переходить к оседлости. А их сородичи каждое лето совершают откочевки в пределы ханства. Но оказывается, хан облагает их большими налогами, беря с них «и харадж с посева... и зякет со скота». Тогда кочевники стали просить защиты у уездного начальника. Но местная администрация, «престиж» которой «попытался защитить» автор, оказалась бессильной перед ханским своеволием... По сути местная царская администрация потворствовала поборам хана. Тяжелое положение бедных кочевников усугубилось еще и потому, что им «кочевать негде стало». Так, джайлау под Кустанаем «позахватывали поселенцы».

Шрам на лице рассказчика появился от следов удара Мурзагула Чиманова, человека буйного, своевольного, с замашками восточного деспота, очень мстительного («у него память длинная и рука тяжелая»). Этот Чиманов грабил аулы, убивал людей и в течение многих лет держал степь в страхе. Между тем местные власти «склон-

ны были мироволить ему и смотреть сквозь пальцы на его дерзкие проделки». Поэтому «обыкновенные» грабежи Чиманова проходили для него «совершенно безнаказанно». Чиманов нередко пускал в ход «коварство, доносы и лжесвидетельство» (21). Он был «сам себе господином, и никакого суда на него» не существовало, потому что водил дружбу с уездным начальством. Вместе с тем этот деспот и воротила был порождением «новых веяний» в степи, порождением новой эпохи. Чиманов начал продавать землю (не свою, а чужую), быстро разбогател и стал одним из самых богатых людей в степи. Как отмечает Иванов, «славные степные витязи давно поисчезли», так как для их «вольных деяний» уже не было «подходящей арены».

Автор сожалеет, что «отошли в вечность и мудрые властители народные султаны — спят они под своими мазарами (надмогильное сооружение.— К. К.), никому не нужные, всеми забытые». Несколько идеализируя прошлое казахского народа, писатель подчеркивает то зловещее новое, что пришло в степи и управляет жизнью народа. Это «новое степное божество»—«сум» (рубль). Теперь рубль создает в степи «и величие, и счастье поклоняющихся ему, к которому сводятся все благопожелания, все надежды» казаха.

Д. Л. Иванов ярко и образно показал тлетворное влияние «желтого дьявола» на обитателей казахской степи. «Все ныне приобрело материальную, меновую ценность — и совесть бия, и честь аксакала, и должностная печать управителя»,— пишет автор. Далее он заключает: «Только в песнях (казахов.— К. К.) можно найти еще бледные отклики того чудесного прошлого, когда в степи царила аристократия духа, когда сказочные батыры совершали свои бескорыстные подвиги, когда и ханы и народ чутко прислушивались к правдивым советам благочестивых хаджей и вещих дуванни (юрюдивые.— К. К.)— и всем жилось поэтому так легко и свободно. И все это миновало, и никогда не всрнется... «Олген келмес, ошкен джанбас»— гласит старая казахская пословица (мертвое не воскреснет, потухшее не загорится)»—этими строками завершает автор свои размышления о судьбе казахского народа.

С появлением в степи нового «божества» в виде реального «сума» (вернее сома.— К. К.) все более ничтожную роль стали играть «благочестивые хаджи и вещие

дуванни» (вернее: дуана — К. К.). Однако Д. Л. Иванов не понял или не захотел понять, что в степи никогда не было идиллического «единства» между ханами и народом, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. И как бы автор не оплакивал «доброе старое время» в казахских степях, оно было таким же безотрадным, как и во времена прихода «желтого дьявола».

В очерке «Ночь на Кара-Су» Д. Л. Иванов описал ночной аул с его блеянием овец, ржанием лошадей, взрывом «звонкого девичьего смеха», гортанной речью казахов, «явственным» запахом конского навоза и тепло-го бараньего сала. Далее следует описание внутренней обстановки юрты, где на ночь остановился «тюре... из Петербурга», его представил хозяину юрты Доспаю Амирову проводник Нургужа.

Д. Л. Иванова особенно интересовали этнографические особенности казахского населения. Поэтому он дает детальные описания юрты и ее обстановки. Вместе с тем, интересуясь и обитателями юрты, автор скупно, но достаточно впечатляюще рисует портреты отдельных лиц. С особой симпатией он пишет об «обворожительной» Майе, которая была свояченицей старшей снохи Доспая Алмагуль. Майя была «стройная смуглянка с живым взглядом черных лучистых глаз и шаловливой полудетской улыбкой, открывавшей чудесные зубы». Она «хлопотала... как мотылек и щебетала, что птичка». Ее душевные качества неожиданно раскрылись во время исполнения Нургужей песни о «Сауре» (Весна) — Майя расплакалась. Но на следующее утро она была «свежая, как огурчик, с раздумявшимся на утреннем холодке лицом и ясным взглядом молодой дикарки».

Путешественника заинтересовали драгоценности хозяйки дома. Это были маленькие шедевры восточного искусства, сделанные руками знаменитого зергера (мастера. — К. К.) из Джармоллы. Здесь были и кольца, и серьги, и браслеты, и ожерелья. Встречались изделия из слоновой кости, золота. Особенно поразили гостя жемчужные серьги и эффектный головной убор — саукеле.

Между тем снохи Доспая упрашивали Нургужу спеть песню про Баян-Сулу или про «Саур». Доспай охарактеризовал Нургужу как «большого мастера» казахских песен. Один из сыновей Доспая принес кобыз — двухструнный инструмент (род маленькой виолончели) и

вручил Нургуже. Автор следующим образом характеризует его игру на кобызе и пенне. «Вдруг слабый, дребезжащий, словно издалека идущий звук жалобно и тягуче прорезал воздух, и все мгновенно затихли и насторожились. За первым звуком последовал второй — уже более определенный... Его неожиданно сменила какая-то мудреная фиоритура, которая столь же неожиданно оборвалась... А там опять откуда-то потянулась тонкая, плачущая нота. Другая... Третья... Снова повторилась прежняя фиоритура — и чуть слышно раздалась вступительные слова песни... Печальные звуки кобыза, чередуясь с вычурными фиоритурами, то резко и неожиданно обрывались, то, захваченные своеобразной мелодией, затейливо сопровождали ее и как змеи переплетались между собою в странные, незнакомые многозвучия».

Передавая те чувства и мысли, которые возникли от песни «Саур» в исполнении Нургужи, автор особо отмечает его мастерство исполнителя. В самом деле Нургужа, склонившись над «неуклюжим» инструментом, то бережно, то с грубой силой водил смычком по его струнам, а голос его, по мере того как развивалась песня, то замирал почти до шепота, то, наконец, в каком-то первобытном экстазе гремел, подобно трубе. Иванов привел в своем переводе отрывок популярной песни казахов:

О милая, шепчет он ей, прощаясь:
Плесни водой перед порогом,
Чтоб отец твой,
Если погонится за мною,
Подскользнулся и упал...

После этих строк автор очерка признает, что он никак не ожидал, чтобы у казахов «могли существовать подобные поэтические произведения: вся песня была замечательна такой неподдельной искренностью, от нее веяло таким свежим, правдивым вдохновением», что гость стал «опасаться, как бы Доспай» не спросил его: «А у вас, в России, умеют сочинять такие песни?»

Но Доспаю было не до гостя. Он сидел неподвижно, «с поникшей головой, с прижатыми к груди руками». Скорбная складка залегла на его крутом, загорелом лбу, а губы беззвучно шевелились, повторяя про себя отдельные слова песни про далекую весну, про невозвратно исчезнувшую молодость. Слушая песни Нургужи, старая

байбише вся отдалась власти настроения. «Но всего трогательнее выразился душевный переполох,— пишет автор,— у хорошенькой Майи. С побледневшим личиком, неподвижная и немая, она своими широко раскрытыми, словно удивленными, очами так и уставилась в рот Нургужи с явным намерением не проронить ни единого слова, ни единого звука! Для верности она даже дыхание затаила — но под конец не выдержала, бедняжка. Совсем по-детски расплакалась и убежала из юрты».

Впрочем, как пишет автор, песня Нургужи разбредила-таки нервы всем... Доспай усиленно сопел, его жена недовольно хмурилась, у возвратившейся Майи глаза припухли от слез. Воздействие песни было таково, что «всякому словно было не по себе, хотелось уйти в свою скорлупу, побыть наедине с самим собой». Автор объяснял подобное состояние тем, что «тема песни была слишком общечеловечна, чересчур остро задевала чувства каждого, особенно тех, чей возраст или положение позволяли, увы, только мечтать о минувших мгновениях свободы, любви и счастья».

Да и на русского путешественника песня произвела глубокое впечатление: он долго еще лежал, устремив глаза в темноту, и не мог уснуть, потому что «вспомнились отдельные места песни, отдельные ее фразы, даже интонации, которые придавал им Нургужа, и все грустнее становилось на душе».

В очерке «Ночь на Кара-Су» Д. Л. Иванов дал своеобразный «коллективный» портрет казахских девушек. Автор видел нарядно одетых девушек, собравшихся ехать верхом в соседний аул, где вечером предстоял большой праздник с участием музыкантов и улянгчи (вернее олеңші — певец.— К. К.) «Степные амазонки» были красиво одеты. Одна из них — в бархатном малиновом халате и меховой шапочке с пучком совиных перьев...

Картины степной природы в очерках Д. Л. Иванова занимают значительное место. То они служат фоном для драматических событий, то описания их перекликаются с душевными переживаниями автора. В очерке «Степные призраки» ночная степь выступает как таинственная, загадочная и даже зловещая сила, нарисована в мрачных красках, в виде безотрадной, пепельно-серой равнины. Усталым путникам степь кажется «глухой, печальной».

В очерке «На утином перелете» создан образ другого проводника — Нурпеиса, огромного роста, черноглазого

молодого казаха, плотного могучего сложения, настоящего богатыря. Нурпеис был сыном Булгака, внуком Карджаубая и правнуком Нармагамбета. Батыр происходил из древнего и знаменитого, но впоследствии обедневшего рода. Он не мог уже совершать кочевки и вынужден был заниматься поставкой дров на почтовую станцию. Иногда Нурпеис зарабатывал и тем, что ездил (как подставное лицо перед Аллахом) за какого-нибудь богача в Мекку.

Об уме и силе Нурпеиса свидетельствует его способность говорить неторопливо и складно. Нурпеис принял русского путешественника за тергучи (вернее: тергеуші — следователь. — К. К.) и стал рассказывать, что в степи «много... неправды, много бедного народа страдает». Так, богач Каирбек имел одних верблюдов голов 300, а платил в казну налоги меньше любого бедняка. Такая несправедливость объяснялась тем, что Каирбек — «богатый, сильный», находится в дружеских отношениях с управителем, у самого уездного начальника в гостях бывает...

В этом очерке автор впервые открыто говорит о социальной несправедливости в казахской степи. Причину тяжелого положения шаруа автор видел в том, что у бедняков не было силы, кроме того, они не держатся друг друга и не понимают собственной пользы (об этом с горечью говорит бедняк Абдрахман). Он рассказал и о том, как богач Каирбек покупает голоса: «Угостит тебя... подарит на платок кумачу, и ты первый подашь голос за того, кого он укажет».

Жители аула вечером собрались в юрте Нурпеиса, чтобы побеседовать с необычным гостем. Речь снова зашла о богаче Каирбеке. Желая положить конец спору, автор заявил казахам, что они просто завидуют Каирбеку... Неожиданно в беседу вступил старик, до этого сидевший молча. Он поддакнул, сказав, что русский гость прав. Но затем серьезно сказал: «Ах, да разве в Каирбеке суть? Что Каирбек? Сегодня он жив, завтра его нет. Не в нем, а в том, что плохие времена настали, правды нет больше на земле; только деньгами и можно все сделать, а бедному человеку, будь он добр, и умен, и честен как беристе (вернее: періште — ангел. — К. К.), пропадать надо, разве продать кому-нибудь свой разум, да совесть». Старый казах с горечью заключает: «Все стало продажным у нас в степи, никому на слово нельзя

поверить, всякий норовит избить другого, уничтожить, съесть. Вот какие теперь времена». В конце своих горестных размышлений он поет песню «Зарзаман» («Плач времен», как перевел Д. Л. Иванов.— К. К.).

Старый казах Аблай Карабатыров в свое время был хорошим «улянгчи». Он взял домбру — «неуклюжий треугольный инструмент, несомненный предок... русской балалайки» — и стал бегло пересбирать пальцами струны. Певец запел, а точнее заговорил на особый распев, тягучий и унылый. В песне шла речь о тяжелых временах, наставших в степи, о процветании взяточничества и обмана, о гнете и распрях богачей. Характеризуя реакцию слушателей на эту песню, автор подчеркивает, что всех терзала одна мысль, «всех угнетала одна и та же правда жизни, постыдная и жалкая правда, от которой некуда уйти, некуда скрыться».

Русский гость высказал старому Аблаю свое искреннее восхищение его игрой и пением и просил сыграть что-нибудь еще, только «повеселее». Певец затянул новую песню, «по мотиву, правда, столь же заунывную, как и первая, но слова! слова!». Автор был чрезвычайно удивлен и поражен: «Признаюсь сразу, я собственным ушам не поверил. Вообразите только, старый киргиз распевал не более не менее как письмо Татьяны к Онегину». «Письмо» имело всеобщий успех у слушателей, в том числе и у жены Нурпеиса.

Когда русский путешественник спросил Аблая: «Не знает ли он, кто сочинил эту песню?», тот ответил, что какой-то казахский «улянгчи». Д. Л. Иванов писал: «Об истинном авторе он, конечно, даже не подозревал» (109). Как известно, перевод текста письма Татьяны к Онегину был осуществлен великим казахским поэтом Абаем Кунанбаевым, который создал и музыку к этой песне, ставшей популярной в казахских степях.

Очерк «На кладбище» посвящен описанию обширного казахского кладбища рода Такчже. Когда-то этот род был богатым, но затем обнищал и почти весь вымер. Обеднел род потому, что беспокойные были в нем люди, часто воевали, а некоторые на выборах без расчета тратились, другие слишком «щедро» бедным помогали... Пропасть всякого народа кормили, поили. А тут еще джуты подошли: сколько у них в те годы скота пропало! — говорит Нургужа.

В очерке «Дуадак» дано мастерское описание сцены охоты на степных дроф. Однако путники попали в топь. С большим трудом казахи вытащили тарантас русского путешественника из грязи. Однако это лишь внешняя канва произведения. В очерке примечательны образы кашевара Баяша Тяджиева, здорового грузного мужчины, со светло-карими на выкате глазами; пожилого казаха по имени Бох-Басар, в потертом лисьем малахае, с жидкой, окрашенной хною бороденкой; ямщика, молодого и горячего Акылбая; наконец, бедняка Джумагалия.

Автор короткими штрихами рисует запоминающиеся портреты их. Акылбай яростный сторонник «вольной» кочевой жизни. Кашевар Баяш согласен с русским путешественником, что казахам нужно постепенно оседать и обрабатывать землю. На этой почве возникает спор между Акылбаем и кашеваром, а затем неожиданно вспыхивает и драка.

Мудрым показан старый Бох-Басар. Во время беседы у костра он вспоминает, как несколько лет назад жители его аула в Каркаралинских горах пережили джунт... Однажды Бох-Басар с братом чуть не погибли близ озера Джаканаш-нор в Тас-Кура Кумах. Спасли братьев какие-то русские, пробиравшиеся в Джаркент. И здесь мудрый старик говорит: «Тяжела бывает нам кочевая жизнь, очень тяжела». Но затем добавляет: «А все же лучше, чем на одном месте сидеть, из одной юрты смотреть. Ведь вот и русские, хоть и привыкли к другой жизни, а все-таки должно быть тоже любят кочевать — все бродят с места на место» (123).

В дальнейшей беседе русский путешественник приводит примеры зажиточной жизни казахов в Тургайской области, перешедших на оседлость. Однако упрямый Акылбай таких казахов считает «выродками». Горячо защищая свою точку зрения, русский путешественник говорит своим спутникам, что «всюду народ множится, всюду людям становится теснее, выход ищут. Владеть землей должен тот, кто больше над нею трудится» (125). Поэтому-то и вам, казахам, надо оставить прежние привычки, «не держаться старины во что бы то ни стало», надо «стараться жить по-новому», советует автор. Этот призыв находит отклик у Баяша. Он говорит, что многие казахи, живущие у Кара-Иртса (Черный Иртыш.— К. К.), сеют хлеб на полях, «даже землю орошать научились, арыков по степи понакопали, воду из гор провели...

и живут себе ничего». Земледелием занимаются казахи также в окрестностях Мерке, Туркестана.

Казахи признали, что «есть... добро и в хлебопашестве», хотя Акылбай продолжал уверять: «Джатаку — что землю пахать, что чужой скот пасти, что в городе работать — все одно. Отбился он от вольной жизни, забыл, как отцы и деды жили». Акылбай слепо держится за старину, потому что молод и не вкусил еще сполна горьких плодов кочевой жизни.

Автор с большим сочувствием рисует портрет Джумагалия, молодого джатака, хилого, изможденного, со сморщенным бескровным лицом. Голодный джатак стал жадно есть мясо дрофы, которое имело консистенцию, среднюю между... камнем и деревом и от которого все другие отказались. Но Джумагалий «съел все без остатка, тщательнейшим образом обгладывая кости, да еще после долго осматривал каждую из них, очевидно, боясь упустить малейший обрывок мяса. И все это проделывалось им с самым бесстрастным видом, не торопясь, аккуратно и методично». Автор открыто выражает свое сочувствие маленькому испытанному человеку.

В очерке «Дуадак» автор смело показал тяжелую жизнь кочевников, а также неустроенность и переселенцев. Здесь он выступает как умный и деловой наставник, советующий казахам переходить к оседлости и обработке земли. Вместе с тем он с пониманием относится и к судьбе переселенцев, разъясняя казахам, что переселяются крестьяне не «по доброй воле», а потому, что «тесно им на родине, прокормиться трудно». Переселенцы, говорит автор, «свободной земли ищут».

Как и в других очерках, в «Байге» привлекает внимание описание деталей, имеющих этнографическое значение. Конские скачки описаны не только как красивое зрелище, но и как сгусток острых жизненных драм, нередко с трагическим финалом.

По пути к месту скачек автор встретил бедняка Габидулла, который спешил на соревнования, надеясь выигрышем поправить свое тяжелое материальное положение. У бедняка не было даже собственной лошади, и он вынужден был взять ее у своего богатого хозяина под кабальные условия. Но слишком велик был соблазн крупного выигрыша: первый приз представлял целый табунок в двадцать лошадей да в придачу рублей на триста серебра...

Теплыми красками нарисован портрет молодого бедного человека, который ехал на скачки в рваном халате и в старой европейского образца фетровой шляпе. Он сказал, что едет «счастья добывать». «Придет мой конь первым — сразу разбогатею, женюсь, хозяином заживу», — заявил бедняк. Но владелец лошади уже за одно ее пользование для скачек обязывал Габидулла безвозмездно прослужить целый год... В случае «порчи или увечья отданного... на подержание коня срок этой даровой отработки мог возрасти до 20 лет!» «Разве это не рабство?» — с возмущением писал Д. Л. Иванов.

О том, что бедняк едва ли возьмет приз, вполне объективно говорили русские гости: редкая лошадь повторно выдерживает изнурительное состязание, а у Габидуллы лошадь взяла приз на одном из предыдущих состязаний... И действительно, лошадь Габидуллы пала. И русские люди, возвращаясь с байги, видели молодого человека, стоявшего на коленях и безучастно молившегося у трупа павшей лошади... Впереди его ожидала чуть ли не пожизненная кабала.

В «Легенде о Сартолагае» описана поездка автора к озеру Зайсан. Его проводник казах Джакуп Кульмазов рассказал, что когда-то вместо озера здесь было море («денгиз»), да и Иртыш протекал... «стороной». «Только и море ушло, и Иртыш за ним».

В беседе с проводником автор убедился, что его познания в области мусульманской религии невелики. Так, Джакуп не имел никакого представления о пророке и знал лишь его имя. Не знал он и молитвы, кроме двух слов, да и значения их («Алла иль Алла») не понимал. Однако Джакуп оказался чрезвычайно суеверен: он «крепко верил в шайтана, в албасты, в джинов и всякую прочую нечисть».

В Кокпекты автор встретил знакомого казаха Джурабая, бросившего семью и скот, отказавшегося от положения и занявшегося поисками золота. В золотой лихорадке он то богател, то разорялся, а теперь снова запил, промотав все ранее добытое. Жил Джурабай в крошечной хибарке, вросшей в землю. Убогим было его жилище.

В очерке художественно правдиво воссоздана обстановка быта и жизни золотоискателей. Не случайно на предложение вернуться к прежней жизни Джурабай

ответил: «Да нет, нельзя этого сделать! Как пьяница от водки, так мы от золота отстать не можем».

В Кокпекты автор проводником Мукзума, старого казаха в грязном, поношенном азяме и стоптанных резиновых галошах на босу ногу. Проводник оказался человеком не из разговорчивых. Но недолго дичился старший Мукзум русского путешественника. Окончательно их сблизили... папиросы, до которых Мукзум «оказался большой охотник». Русскому путешественнику Мукзум доверил секрет, который скрывал даже от своего сородича Джурабая: он принес самородки золота, тем самым доказав его наличие в окрестностях горы Сартолагая, которая оказалась покрытой потоками блестящего белого кварца вперемешку с выходами ярко-алых глин. Эти красные пятна издали похожи были на кровь. Проводник уверял, что речь действительно идет о крови — и рассказал следующую легенду.

Могучий батыр Имьямин откочевал со своими стадами и женами и невольниками от озера Балхаш к берегам Иртыша. Здесь он разбил свои шатры. В мутных, желтоватых волнах реки утонул его любимый младший сын. Поиски трупы были безуспешны. Тогда Имьямин задумал запрудить реку и отвести ее воду в сторону, чтобы осушить дно...

Невдалеке находилась гора Сартолагай. Несчастный отец со старшим сыном понесли эту гору на специальных носилках к реке. Ночь застала в пути. Это невиданное усилие могло бы иметь успех, если бы отец и его сын Алимбай не стали бы пить кумыс, есть мяса, прикасаться к женщине. Однако молодой Алимбай нарушил запрет. И когда они попытались снова понести носилки, то сын оказался ослабевшим и отец опрокинул гору на спину сына. Так старший сын оказался под горой... Услышала страшный грохот молодая жена Алимбая. Она бросилась к горе, пала ничком на нее с рыданиями и воплями, рвала на себе платье, и терзала ногтями свои груди, и полились из них кровь и молоко... Вот откуда эти белые и красные потеки на горе, говорил старый проводник.

Однако поверхность легендарного Сартолагая оказалась безжалостно изрезанной зиявшими выходами шурфов и штолен... Здесь уже безраздельно хозяйничали золотонискатели.

Последний очерк. Д. Л. Иванова назывался «Бараны». Это необычное произведение: сочетание художественного

очерка и глубокого научного исследования. Вместе с тем данное произведение представляет по сути гимн барану, которого автор называет «своего рода чудом природы».

В произведениях малого жанра, очерках и рассказах, посвященных казахам и казахской степи, Д. Л. Иванов выступал как близкий друг талантливого, но угнетенного народа. Сочувствуя бедным представителям казахского населения, писатель настойчиво советует им переходить к оседлости, земледелию. Восхищаясь поэзией, музыкой, песнями и легендами казахов, Д. Л. Иванов видит в этом благодатную почву для привития кочевникам основ современной культуры и цивилизации. В то же время он отвергает злополучный «сум», то есть капитал, принесший в казахскую степь моральную потерю: на «сум» стало возможным купить в степи все, в том числе честь и совесть. Он вызвал в степи процесс быстрого обеднения, обнищания шаруа. Однако оседание казахов, появление среди них джатаков само по себе еще не решало всех проблем в жизни народа. Поэтому джатаки вынуждены были в своей массе заниматься новыми промыслами, например, рыбной ловлей (очерк «Рыбаки»), охотой («На утином перелете»), идти в наймы к «своим» богачам или к казачьей верхушке в станицы.

Почти во всех произведениях Д. Л. Иванова, посвященных казахской тематике, есть описания степных и горных пейзажей Казахстана, природных богатств края, которые, как полагал писатель, в будущем будут освоены для блага народа и не станут хищнически растаскиваться («Легенда о Сартолагае»). В целом ряде своих произведений Иванов запечатлел незабываемые страницы прошлого казахов, создал живые, реальные портреты людей из народа. Он навсегда оставил прекрасные образцы казахских песен и легенд. Впервые русский писатель дал тщательную и эмоционально насыщенную оценку казахской музыке. Его непосредственное впечатление от казахских песен и игры на кобызе и домбре поражают своей правдивостью, горячим волнующим чувством сопереживания с казахами-слушателями.

Д. Л. Иванов видел в казахских степях памятники древности, слышал музыку и поэзию, народный эпос, присутствовал на состязаниях борцов, вплотную столкнулся с проблемами земледелия, развития промыслов и т. д. Описывая свои наблюдения, он внес много нового, ранее до него незамеченного, непонятого, неоцененного.

Д. Л. Иванов дорог казахскому народу не только как неутомимый исследователь обширных просторов, но и как большой и бескорыстный друг, близко принимавший его нелегкую судьбу.

О различных сторонах жизни и быта казахов писал в своих путевых очерках замечательный художник, талантливый писатель и известный путешественник **Василий Васильевич Верещагин** (1842—1904). Художник дважды посещал различные районы Туркестана — в течение 1867—1868 и 1869—1870 гг. Изучая Среднюю Азию и казахские степи, он создал большую серию полотен, в которых запечатлел типы местных жителей и природу края. В картинах В. В. Верещагина воплощен многообразный и красочный мир как современной ему, так и прошлой истории Туркестана⁴¹. Его полотна отличаются правдивостью и высоким гуманизмом. Художник всем своим творчеством отвергает бессмысленные, опустошительные войны. Картина «Апофеоз войны»⁴², на которой изображена гряда человеческих черепов, служит как бы предостережением «всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим».

Верещагин принадлежал к художникам, создававшим свои творения по горячим следам событий, в которых он принимал непосредственное участие. Своими глазами наблюдал он многообразную жизнь войск и различных народов Азии и Европы. Не случайно, что за 10 лет до своей трагической гибели художник писал в воспоминаниях: «Уж полно: я ли это все пережил и перечувствовал — так много в нем всех родов впечатлений и тревожений»⁴³.

В творениях художника сохранились для истории многие стороны своеобразной жизни народов Средней Азии и Казахстана в 60—70-х годах XIX в. В. В. Стасов отмечал, что «Верещагин... принадлежит к числу самых значительных, самых драгоценных художников — историков нашего века». Его неотвязно мучили и постоянно волновали судьбы народов. Именно им «однажды навсегда посвятил жизнь и кисть свою» В. В. Верещагин. Так писал В. В. Стасов⁴⁴.

Свои богатые впечатления от путешествия по Средней Азии и Казахстану художник выразил не только в туркестанской серии картин, впоследствии целиком приобретенной П. М. Третьяковым для своей галереи⁴⁵, но и в книгах: «Очерки, наброски, воспоминания» (Спб., 1883)

и «На войне в Азии и Европе. Воспоминания (М., 1894), в которых он критически отзывался о политике царизма в Средней Азии.

Значительное место в туркестанской серии занимают произведения, посвященные казахской тематике. Созданию их предшествовало посещение художником мест поселения «киргизов Талинского рода», живущих «в пространстве между Ташкентом, Чиназом и Ходжентом». Предки их в давние времена «пришли сюда войною с запада, по окончании которой часть их воротилась назад, а другая, не имевшая средств, осталась здесь». Значительная часть талинцев осела и занималась хлебопашеством. Художника интересовали типы талинцев. Однако он затруднялся принять их как за узбеков, так и за «кровных» казахов.

Приезд русского художника вместе с сопровождавшими его спутниками в аул талинцев вызвал живой интерес его обитателей. Как пишет Верещагин, «по обыкновению множество народа тотчас же явилось» к русским «в гости», чтобы «пожелать здоровья». И по мере того, как раскладывались вещи художника и «развешивалась» его «собственная особа», любопытство жителей аула «усиливалось»: «Непременно все им покажи, расскажи», в чем художник, конечно, не отказывал. Зрители выражали свое удивление «на разные лады: один шелкает языком и совершает это очень долго, сначала быстро, потом все медленнее и медленнее, как бы замирая; другой вытаращит глаза и твердит протяжно: «па! па! па! па! па!»; третий весь как-то раскачивается; четвертый, наконец, просто немеет от удивления и только по временам отряхивается, как от чертовщины»⁴⁶.

Верещагин приводит красочное описание переправы через бурную реку с помощью казахов: «Сначала пустили двух лошадей понадежнее, попробовать, как они терпят воду; два киргиза в одних только коротеньких штанах сидели на них верхом». Несмотря «на страшное течение», переправа закончилась благополучно. «Бедные киргизы,— писал Верещагин,— страшно передрогли и запросили араку (водки), но так как его не оказалось, то мы попоили их чаем» (77—78).

Во время посещения кочевки казахов Талинского рода художник обратил внимание на их чрезвычайную бедность. Он «побродил по палаткам и в некоторых был так нескромен, что развернул и раскрыл все мешочки,

узелки, тряпочки, лежавшие по углам и висевшие по стенкам кибитки: тут просо, немножко риса или конопля; там шерсть, лоскутки и разная хурда-мурда незатейливого, неприхотливого быта; стоит станок для пряжи хлопчатой бумаги, скатанной для этого в трубочки».

Такая чрезвычайная любознательность художника позволяла ему создавать реалистические полотна, посвященные незатейливому, неприхотливому быту кочевников. Последние сами тянулись к В. В. Верещагину, ценя его простоту и дружелюбие (старой казашке, допрявшей начатый моток, художник выразил удивление и улыбнулся — улынулись и казахи, оценив его простоту).

Некоторое представление о характере работы художника над туркестанской серией картин можно получить из его литературных трудов. Так, в путевых очерках В. В. Верещагина «От Оренбурга до Ташкента (1867—1868)»⁴⁷ содержатся весьма ценные наблюдения автора над жизнью казахов.

В Оренбурге, расположенном на границе Европы и Азии, Верещагин обратил внимание на «восточный характер города». Он посетил городскую тюрьму, разыскивая «характеристические головы», и, найдя, «обогастил свой альбом лицами преступников». К сожалению, времени у художника было немного, а арестанты приняли его за «официальное лицо» и осыпали просьбами. Когда же они узнали, что Верещагин не важное должностное лицо, он «значительно потерял в их внимании, но зато выиграл в своем спокойствии» (1).

Верещагин, как и многие русские ученые и путешественники, обратил внимание на Меновой двор Оренбурга, куда стекались со всех сторон казахи, бухарские и хивинские купцы. Казахи приводили с собою быков, коров, овец, привозили войлоки, кошмы и шерсть. Все это они продавали или обменивали на деревянную утварь, хлеб и посуду (2).

Городские лавочники выставляли большие запасы войлочной ткани, продавали женские наряды, стеклянные и металлические украшения, «дешевая цена которых соблазняет дочерей Евы». Художник отмечал, что «войлочные ткани киргизской выделки бывают весьма хорошего качества» (2).

В Меновом дворе русский художник впервые попробовал вкус кумыса. Напиток оказался некрепким, но чрезвычайно кислым. Верещагин полагал, что кумыс, по-

видимому, был наполовину разбавлен овечьим молоком. Казахи покупали мешками хлеб и возвращались с ним в свои аулы иногда за сотни верст.

В оренбургских степях художник часто видел двугорбых верблюдов. Но они, по мнению автора, обладают меньшей сопротивляемостью к голоду и жажде, чем одногорбые (дромадеры). Верблюды, вероятно, воспринимают звуки, поскольку обращают внимание на пение или свист. В этих наблюдениях весь В. В. Верещагин: от его зоркого взгляда не ускользают даже такие детали, как способность «кораблей пустынь» воспринимать звуки.

Художник осуждает «варварство степных жителей» в обращении с этими столь полезными животными. Однако верблюды серьезно «наказали» художника за его «новую фантазию»: будучи запряженными в его тарантас, они сломали экипаж. Тарантас оказался слишком легким для этих, как писал художник, «проклятых животных».

Близ станции Теректи художник встретил казахскую могилу. Памятник был «образован большим и тяжелым куполом, лежащим на четырехкупольнике». Все здание сооружено без единого камня, только из сырцового кирпича. Внутренние стены строения, где находились три гробницы, были покрыты различными украшениями (грубые рисунки оружия, лошади, каравана). Художник видел множество подобных надмогильных сооружений.

Верещагина интересовали бедные жители небольших казахских аулов. Он с любопытством входил в юрты бедняков и видел там женщин, которые стригли овец или перетрахиывали шерсть. Автор отмечал, что женщины «работали везде, а мужчины везде ничего не делали» (14).

Как известно, Н. Н. Каразин в своем романе «Двуногий волк» описал происки Садыка. Естественно, и Верещагин не мог не обратить внимания на действия этого авантюриста. Он писал: «В воздухе носились тревожные слухи. Между киргизами (казахами.— К. К.) говорили, что Садык приготавливался взять Казалу (Казалинск.— К. К.). Многие уже снимали свои палатки (юрты.— К. К.) и переправлялись через Сыр-Дарью, зная очень хорошо, что бунтовщик будет все грабить на пути, не различая ни друзей, ни врагов» (14). И Верещагин и Каразин отмечали беспринципность Садыка, грабившего «и друзей и врагов».

Русский художник пользовался гостеприимством

одной казахской семьи, состоявшей из отца, матери и двух дочерей (13 и 9 лет). А взрослый их сын жил в форте среди русских. Глава семьи был «смышсленный человек, лет около сорока». Он постоянно носил широкий белый халат из верблюжьей шерсти, а его голову покрывала «топпе». «В холодное время года он надевал в дорогу огромную, чрезвычайно высокую меховую шапку, сделанную из бараньей шкуры и суживающуюся постепенно к вершине» (18).

Художника интересовали и туалеты женщин. Хозяйку юрты автор характеризовал как болтливую и состарившуюся раньше времени настоящую казахскую правительницу. Она имела плоский нос, узкие глаза, выдающиеся скулы, носила широкие панталоны, заткнутые в сапоги, длинную синюю рубашку, а на голове и затылке была намотана целая полотняная гора.

Старшую дочь автор описывает как молчаливую, сильно развитую физически девушку, которая одевалась как мать, но носила на руках и шее браслеты и ожерелья из разноцветных бус и камней. Ее черные, как уголь, волосы были заплетены в мелкие косички. Младшую дочь автор характеризовал как прелестную, капризную, но живую девочку, которая храбро играла с художником. Она не носила на голове никакой повязки, волосы ее были обриты. Когда с закатом солнца художник возвращался в юрту, он обыкновенно «заставал все семейство вокруг огня». Юрту наполнял дым. Мать и старшая дочь постоянно работали. Они варили суп или готовили блины.

В казахских семьях художник видел ручную мельницу, сделанную из двух плоских камней. Такая мельница давала муку грубого помола. Верещагин отмечал, что в меню бедных казахов мясо встречается редко. Он писал: «Во время моего посещения его ели только раз, и то одни мужчины» (19).

Юрта, где жил автор, была ветхая, но огонь в ней горел постоянно, и художник никак не мог «свыкнуться... с вечным дымом». Верещагин указывал, что казахи «не обращаются с детьми подобно нам, несколько фамильярно и покровительственно. Их почти никогда не бранят, и смотрят на них почти как на больших». Вот почему «маленькая своевольница... кибитки читала иногда нравоучения своему отцу».

Посетив известный мавзолей в г. Туркестане, художник с сожалением отмечал, что «прекрасные рисунки из

цветной эмали, которыми были покрыты... купола и вся восточная стена» мечети Ходжа Яссави «теперь большую частью обвалились». «Вход в это священное место строго воспрещен», — писал Верещагин, но ему удалось «попрать этот грозный порог» — и всего за 20 копеек, положенных в руку сторожа. Художник там видел и огромный медный чай, где варила пшеница для богомольцев (22).

В главе «Из путешествия по Средней Азии»⁴⁸ В. В. Верещагин указывал, что нищенство в Туркестанском крае «сильно развито и хорошо организовано». Далее он писал: «Нищая компания составляет род братства с одним главою; глава этот потомок того святого, который дал организацию нищенствующему люду и закрепил за ним полученную от общества землю, дарованную для всех желающих пристроиться на ней, сделаться диваном»⁴⁹. Можно считать, что члены этого своеобразного ордена служили верой и правдой верховному главе мусульманского духовенства Туркестана.

В. В. Верещагин был не только выдающимся художником и талантливым беллетристом. Он писал также стихи. В рукописном отделе государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде сохранился автограф стихотворения «Забывтый», принадлежащий перу Верещагина⁵⁰ и имеющий отношение к теме исследования. Содержание этого поэтического произведения, по-видимому, навеяно автору незабываемым зрелищем борьбы орла и ястреба — двух величественных птиц степных просторов Азии.

Таким образом, как в создании литературных произведений (очерки, воспоминания), так и произведений живописи В. В. Верещагин исходил из богатого личного опыта, основанного на непосредственном наблюдении за окружающей действительностью. Типы казахов, правдиво и талантливо изображенные художником и беллетристом В. В. Верещагиным, реалистически описанные им сценки обычной жизни кочевников и сегодня представляют большую познавательную ценность⁵¹.

Средней Азии и Казахстану посвятил ряд серьезных литературных трудов известный русский писатель Е. Л. Марков. Примечательно, что когда он впервые познакомился с жизнью «далекой азиатской окраины», когда перед ним, «как в волшебном фонаре, сменялись... характерные типы и лица», ему показалось, что он уже

видел где-то эти образы и что раньше жил этой жизнью. И услужливая память подсказала, что перед ним «повторяются теперь в живом виде типы и сцены, художественно воспроизведенные когда-то талантливым знатоком Туркестана Каразиным в его первых романах и повестях из среднеазиатской жизни». В этих своих впечатлениях Марков видел «лучшее доказательство достоинств» литературных произведений Каразина.

Е. Л. Марков родился в Щигровском уезде Курской губернии в старинной помещичьей семье. Образование получил в Курской гимназии и в Харьковском университете, который окончил кандидатом естественных наук. С 1859 г. стал преподавателем, затем инспектором гимназии. Его статья (1862) о яснополянской школе Л. Н. Толстого привлекла внимание министерства народного просвещения. Маркову было предложено место в ученом комитете. Затем он был назначен директором симферопольской гимназии и народных училищ в Крыму. В 1870 г. Марков оставил службу. С конца 80-х годов он становится управляющим Воронежским отделением дворянского и крестьянского банков. Из родового имения и Воронежа Марков предпринял ряд поездок за рубеж: в Италию, Турцию, Египет, Грецию, Палестину. Много поездил писатель по стране. Был в казахских степях, Средней Азии, что впоследствии нашло отражение в его путевых очерках «Россия в Средней Азии» (два тома, шесть частей).

Представляет интерес, что после возвращения из сарматских (вернее, оренбургских.—К. К.) степей Е. Л. Марков посетил в Ясной Поляне Л. Н. Толстого, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях Н. Н. Апостолов⁵². Встреча эта оказалась благотворное влияние на характер литературной деятельности Маркова, определив в известной мере гуманизм позиции этого писателя.

В путевых очерках «Россия в Средней Азии» содержатся любопытные положения о роли России на Востоке, в частности, о значении Закаспийской железной дороги в жизни Средней Азии. Автор писал, что «две железные нити», чуть чернеющие среди пустыни, связывают, как железным скрепом, «далекие друг от друга и всегда разобщенные человеческие миры». Они, «как железные оковы, легли на все враждующие разрушительные силы, разобщавшие Европу от Средней Азии». В этих своих сравнениях Марков идет дальше, считая, что с открытием

первой железной дороги из России в Среднюю Азию по ее гладким рельсам «с неудержимой быстротой покатились и ворвались в сердце Азии не только товары Европы но европейские обычаи, европейские взгляды, европейские знания»⁵³.

Е. Л. Марков, подчеркивая, что он «никогда не был сторонником завоеваний и присоединений к России азиатских стран», ссылался на свои неоднократные выступления в печати со словами осуждения этой политики. Вместе с тем он полагал, что России суждено самой историей «нести тяжелый крест» по цивилизации «полудиких азиатских племен», ей «предначертано водворять своим потом и кровью мир и порядок». Писатель ошибочно полагал, что движущей силой этой политики царизма в Средней Азии была цивилизаторская миссия. Как известно, дело обстояло значительно сложнее.

Цивилизация народов Средней Азии и Казахстана проходила вопреки намерениям царизма. На завоевание этих районов царизм подталкивала алчная русская буржуазия, которой необходимы были и обширные рынки сбыта, и свободная рабочая сила, и дешевое сырье и т. д. Но Марков был прав, рассматривая Закаспийскую дорогу (протяженностью в полторы тысячи верст), как «железную цепь», которой отныне Азия привязана к Европе. Он писал и о поразительном впечатлении, которое произвела постройка железной дороги на «туземцев» Средней Азии: они поняли, что «на шею их надет железный ошейник, которого они не в силах будут снять ни при каких условиях».

По мнению писателя, постройка Закаспийской железной дороги была наглядным подвигом русской силы, перед которым побледнела «слава всяких Тамерланов и Искандеров»⁵⁴. Рельсовый путь дал громадный толчок среднеазиатской торговле, способствовал зарождению крупных фабричных и заводских предприятий, ускорил возникновение промышленных центров. Капиталистические предприятия в Средней Азии получили условия развиваться «не по дням, а по часам»⁵⁵.

Многие страницы книги Е. Л. Маркова посвящены казахам. Он описывает устройство жилищ, характеризует обычаи, нравы и обряды кочевников. Юрту писатель сравнивает с костяным шарообразным панцирем черепахи. С движением ее сопоставляет он и идущую туземную арбу с ее круглым верхом, раскачивающуюся из

стороны в сторону. Немало внимания автор уделит детальному описанию отдельных атрибутов национальной одежды. Так, в Голодной степи он встретил казахов в «растрепанных зимних малахаях на меху с затыльником и наушниками». Но попадались кочевники и в более легких шапочках из белого войлока.

Е. Л. Марков видел казахских мальчишек-почтарей, гордившихся тем, что они находятся на казенной службе, а не простые вожак верблюдов. Автор обратил внимание и на крупные размеры верблюдов. Но к этим гордым животным с их презрительным взглядом никакого почтения не испытывают мальчишки, которые отчаянными криками и маханием рук подгоняют четвероногих философов-молчаливников к местам погрузок.

В степи писатель встречал своеобразные сооружения, которые принял за «индусские пагоды». Однако ямщик-казах, сверкая белыми зубами, объяснил, что это колодцы Тамерлана («Тамерланов кудук», — писал автор). Один из «тамерлановых кудуков» находился недалеко от почтового тракта. Это было грандиозное сооружение «вполне царственное», как отмечал Марков. Он писал: «Гигантский каменный шатер не сложенный, а скорее искусно сотканной из мелких плоских кирпичиков несокрушимой крепости поднимается вверх концентрическими ступенчатыми кольцами. И, как шапкой, покрывает своим обширным куполом глубокую цистерну, в которой теперь устроен колодец. Вход в этот каменный шатер один, лощина, собирающая дождевые воды из своих ветвистых отвершков, впадает как раз в этот открытый зев кудука и несет к нему в периоды дождей как по природному желобу, степные потоки»⁵⁶.

Как и в древние времена, вокруг водохранилища толпилось множество арб, нагруженных верблюдами, утомленных всадников. Внимание автора привлекла живописная группа местных торговцев и путников, сидевших в тени купола.

Марков полагал, что «нет твердых исторических данных считать эти цистерны созданием Тамерлана». Однако местные жители, привыкшие приписывать этому завоевателю все, что уцелело от древности, и все, что носит на себе печать величия, утверждали, что колодцы построены именно Тамерланом. Автор отмечал, что лично он с особенным доверием относится «к таким живым преданиям народа», что «эти колоссальные общенародные

сооружения, которые должны были напоить страшную для всех Голодную степь и сделать дорогу через нее такою же удобною, как улицы Самарканда, могли быть замыслены и исполнены только смелым и широко парившим духом, какой проявляется во всех предприятиях Тамерлана».

Для подтверждения своего мнения Марков ссылается на путевки записки испанца Рюи-Гонзалеса Клавихо, который в 1403 г. съездил в ставку Тамерлана от кастильского короля Генриха III. Клавихо писал, что Тамерлан заботился об устройстве удобного проезда по безводным степным местам своей империи. Так, в степи были сооружены почтовые станции на 100—200 лошадей через каждый день пути, построены огромные постоянные дворы, к которым были проведены водопроводы.

Но подобные почтовые тракты существовали, по-видимому, и до Тамерлана. Сохранилось, например, свидетельство французского монаха Плано Карпини, посланного в 1246 г. папой Иннокентием IV миссионером в Азию. Направляясь ко двору Чингис-хана, он проехал по земле «кангиттов», в которой нетрудно угадать безводные казахские степи и которую невозможно было миновать, не пользуясь водой колодцев.

Из записей Карпини «*Libellus historicus Joannis de Plano Carpini*» известно, что русские еще в те далекие времена имели постоянные сношения с народами Востока. На своем долгом пути Карпини часто встречал русских, а их язык служил Чингис-хану для дипломатических связей с иностранными державами. При его дворе были грамотные русские люди.

Е. Л. Марков дает определение половцам. По его мнению, это название, общее для многих народов, кочевавших в «поле», как называлась в древности незаселенная степь. Половцы — жители «поля», степняки, кочевники.

После довольно длинных экскурсов в историю, Марков описывает хозяйственную жизнь казахов, обращает внимание на переход части казахского населения, жившего под Ташкентом, на оседлость. Они строили дома, целые кишлаки, занимались хлопководством, рисосеянием. Казахи оказались нетребовательными работниками у богачей: они легко выносили и жару, и сырость и работали не разгибая спины.

Во втором томе книги «Россия в Средней Азии» Мар-

ков писал о Е. П. Ковалевском, который во время путешествия по Туркестану в 1849 г. видел своими глазами в городе Ташкенте «пирамиды» кокандских голов и человека, умиравшего на колу посреди площади, а за городом — несколько подобных «пирамид» отвратительно гниющих голов.

Марков подчеркивал, что присоединение к России «всех этих... мелких ханств... Кокандского, Бухарского, Хивинского... является... одним из самых отрадных событий всемирной истории». Писатель правильно понял, что для народов Туркестана было большим благодеянием, когда вместо «жестоких и алчных деспотов, помышлявших только о наживе и утехах», воцарились в крае закон и строгий порядок. Однако он не пожелал заметить, что этот процесс царизм осуществлял антинародными, а нередко тоже варварскими средствами.

В книгах Е. Л. Маркова, посвященных казахским степям и Средней Азии, дана широкая историческая перспектива. Особое внимание автор уделил роли России на Востоке. Сочувственно относясь к казахам и другим народам Туркестана, осуждая варварство отсталых ханств, писатель вместе с тем некритически воспринимал колонизаторскую политику царизма. В произведениях Маркова сохранились отдельные верно подмеченные детали быта и нравов казахов. В этом их ценность и значение для нас.

Таким образом, очерки и рассказы Е. П. Ковалевского, Д. Л. Иванова, В. В. Верещагина, Е. Л. Маркова составляют важную главу в истории русско-казахских литературных отношений. Вместе с тем в большом потоке информации о новом крае был чрезвычайно пестрый материал. В многочисленных статьях, очерках, заметках, записях и т. д. нередко повторялись одни и те же данные о казахам, о Туркестанском крае. Многие чиновники, проезжая в Ташкент через казахские степи, передавали свои наблюдения крайне поверхностно, а в иных случаях даже тенденциозно. Тем не менее страницы русской печати охотно предоставлялись подобным авторам.

И все же при тщательном изучении многочисленных источников указанного рода удастся извлечь крупницы нового, свежего. К сожалению, объем работы не позволяет более подробно проанализировать отдельные интересные публикации. Поэтому ограничимся лишь общим

обзором некоторых очерков, рассказов и статей, посвященных казахам.

В русской литературе XIX в. были широко известны имена **Д. Н. и Д. Д. Минаевых**. Последний в рассказе «Пленница» (из записок о хивинской экспедиции 1839 г.)⁵⁷ описал судьбу казаха-фельдгегеря, доставлявшего корреспонденцию от главнокомандующего в Оренбург с важными докладами государю.

Краткий обзор истории русско-казахских взаимоотношений дал в очерке **Ф. Лобысевича**⁵⁸. При Сухтеленe и Перовском началось оттеснение казахов в глубь степи, поскольку значительная часть их земель отошла во владения Оренбургского казачьего войска. Оттесненные на неудобные земли, кочевники вынуждены были платить казакам «за перепуск скота своего» на пастбища. И таким образом, покупая у казаков покосы и тебеневки, казахи из полноправных хозяев «обратились... в пришельцев, не имеющих права пользования ни бесплатной распашкой, ни сенокошением, ни тебеневками» (25). Положение «прилинейных» казахов ухудшилось еще и потому, что султаны-правители «бесконтрольно правили, грабили и разоряли народ». В этом им помогали дистанционные начальники, купцы и казаки. Крайне тягостное положение казахских трудящихся, находившихся под двойным гнетом, нередко использовалось реакционными султанами и муллами, чтобы разжечь огонь ненависти к русскому населению.

Ф. Лобысевич отмечал, что выборная система правления «сильно подрывала деспотизм, личные выгоды и самое значение султанов, в руках которых до того времени исключительно сосредоточивалась власть и чуть ли не судьбы киргизского народа».

Говоря о судопроизводстве в степи, о сложности системы судов (военный, гражданский и обычного права), **Ф. Лобысевич** отмечал, что «самый неудачный в степи суд — это суд биев по народным обычаям».

Автор заметил у казахов много «похвальных сторон, характеризующих этот народ: все они, например, доброго характера и имеют чрезвычайно развитое глубокое уважение к старости; всегда гостеприимны и готовы к участию на помощь ближнему» (29). У казахов, по мнению **Лобысевича**, «чувство собственности не развито», поэтому «баранта» вызывается большею частью мстью, а не корыстными целями.

Автора очерка интересовало и положение казахских женщин. Он писал, что «под влиянием Корана» женщина находится «в жалком положении». Молодухе, например, не позволено называть настоящим именем родственников своего мужа: каждого из них она называет по-своему. Ф. Лобысевич приводит следующий забавный случай по этому поводу. У одного казаха было пять сыновей, которых звали: Куль (Озеро), Камыс (Камыш), Кашкыр (Волк), Кой (Баран), Пичак (Ножик). Однажды сноха увидела, как за озером, в камышах волк ест барана. Прибежав в аул, она закричала: «На той стороне сияющего (то есть озера — К. К.), на этой стороне шевелящегося (то есть камыша. — К. К.), блеющего ест воющий, неси-те туда режущего (то есть ножик. — К. К.)»⁵⁹.

Хотя казахи «далеко по природе не фанатики и инстинктивно не восприимчивы к мусульманству», тем не менее «муллы...», как «пиявки», сосут достояние народа. К этим «пиявкам» автор относил татарских, башкирских и хивинских мулл.

Главным фактором будущего развития казахов Ф. Лобысевич считал знание русского языка и русской грамоты. Эту цель, по мнению автора, достигнуть нетрудно, потому что казахи «отличаются замечательною охотою к обучению, к занятиям, к просвещению».

Однако наряду с некоторыми прогрессивными планами просвещения казахского народа Лобысевич предлагал в местах зимовок строить мечети и назначать «ахунов» (мулл. — К. К.). Автору, безусловно, не нравилось, что казахи не ревностные мусульмане, и он проявлял тревогу за судьбу законности и правопорядка там, где религия не смогла пустить глубокие корни.

Из произведений на казахскую тему, опубликованных в первое десятилетие XX в., несомненный интерес представляют очерки Г. К. Гинса «В киргизских аулах» («Исторический вестник», кн. X, 1913). В них отражены многие стороны жизни казахов, которые преобладали в Семиречье «среди туземного населения... области».

Автор с удовлетворением отмечал, что у семиреченских казахов встречаются «уже не случайные и бессистемные запашки, а правильные; хорошо и сознательно поставленное сельское хозяйство с пшеницею на первом плане, с хуторами, с домиками вместо юрт и с настоящими фруктовыми садами возле жилищ». Г. К. Гинс знакомит читателя с одним из образцовых хозяев—

казахом Бильдебаем, который знает «самоучкой русскую грамоту и много русских слов». Целеустремленные действия Бильдебая автор объясняет не только его природными способностями, но и тем, что он «терся вокруг русских...», у которых «многому научился». Теперь у него одно стремление — «нажить деньгу» всякими, в том числе, конечно, и предосудительными средствами. «А его сын будет учиться в гимназии», — пишет автор.

Появление в казахских степях бильдебая стало симптомом нового процесса — зарождения землевладельцев-баев, опиравшихся на силу денег. Указывая на заметное влияние новых веяний в жизни казахов, автор вместе с тем считает, что превращение кочевника в земледельца — «дело десятилетия и даже столетия». Пока не иссякнет простор степей, дух казаха будет и в горах и в степях. «А простор стесняется почти стихийно» переселенцами. Автор убежден, что победа будет на стороне пахаря и потому счастливыми станут те казахи, которые вовремя смогут «перейти к земледельческой культуре».

Г. К. Гинс с горечью писал о негативной стороне «выборной системы», установленной царизмом в степях: «Сколько жестокости, лжи, подлости вызывают эти выборы». Даже волостному правителю дорого обходилось получение места, но еще дороже оно обходилось населению. После своего утверждения волостной назначал «каждой кибитке, что она должна ему подарить». И вскоре ему начинали пригонять «табуны лошадей, стада баранов», приносить и «кошель с рублями и много всякого добра». Автор саркастически писал о том, как «выгодно быть волостным, и потому клятвам при выборах нет конца».

Совместное проживание казахов и русских на одной территории, несомненно, способствовало их сближению. Так, Г. К. Гинс встретил однажды в повозке молодую русскую женщину, одетую в платье из синего бархата, и в меховой шапке. Это была жена казахского волостного, дочь русского мужика, бежавшая от родных к соблазнившему ее богатством и красотой казаху. Небезынтересно указание автора на то, что казахи стали считать русских девушек «образцом красоты». Например, один степной богач заплатил за русскую девушку «восемь тысяч рублей, много лошадей да еще отдал в придачу двести десятин под пашню».

Автор сослался еще на пример. Из одной крестьянской семьи бежал сын. Оказалось, что парень постоянно ездил к казахам, которые его поили и кормили, а потом он влюбился в казахскую девушку и «убег». Казахи скрыли беглеца, дали ему много скота, поженили и отправили на озеро Иссык-Куль. Автор писал, что «так иногда завлекает к себе киргизская вольница».

Крепнувшей дружбе казахов и русских печать того времени уделяла значительное внимание. В конце XIX и начале XX вв. появились произведения, показывающие, насколько глубоко зашел процесс сближения русских и казахов. В этом отношении интересен рассказ Г. Андреева «Жизнь без красок» (Сб.: «Степные миражи», Ташкент, 1914, кн. I), в которой повествуется о лесном объездчике Васыле (так звучит по-казахски имя русского Василия), громадном бородатом «детине», одетом в казахскую мохнатую шапку и армячинный халат. Урус (русский.— К. К.) Василь, первый балалаечник и песенник, уже давно живет среди казахов, «свыкся, породнился с ними», одевается, как казахский джигит, влюблен в казашку и счастлив по-своему.

Эти же мотивы нашли отражение и в творчестве М. К. Приорова (Топорского), посвятившего казахам целый ряд рассказов из цикла «Подрастающему поколению» (М., 1915). Его произведения иллюстрированы рисунками Н. Н. Каразина и др.

Так, в рассказе «На разведке в степи» автор описывает свое знакомство с мирным казахом Марам-баем, старым воякой, батыром, загорелым, коренастым, в рубцах от старых ран. Он поклонился русскому офицеру, приподнял шапку и протянул руки. В отряде, кроме Марам-бая, был и другой казах, Кылыш-бай, который пел песни о степи. Автор писал, что Кылыш-бай

...пел о свободе, о вольном просторе,
О пастбищах, сочных лугах.
Он пел о кочевках в степном своем море,
О тени в походных шатрах.
О звездах он пел, о луне, о девицах,
Прохладных колодцах, кострах...

М. К. Приоров писал, что в этих песнях раскрывались душой народные о счастливой жизни. Поразила автора и манера исполнения певца: «Сначала тихо, а там громче и громче затянул он длинную ноту» песни и «потянулась она протяжными гаммами, потянулась и росла больше

и больше и шла также однообразно и бесконечно, как сама степь, как этот далекий горизонт, как это синее, бесконечное небо». Прислушиваясь к мелодии, Марам-бай говорил задумчиво: «Да, славно поет Кылыш-бай про свободу... славно поет, да только-свободы-то на земле нет. Я это знаю верно». Показывая на далекие звезды на ночном небосклоне, он продолжал: «...Вон там свобода и воля, а здесь их нет на земле, я знаю это верно». С грустью вспоминал он о том, как в молодости никому не хотел кланяться, не слушался ни ханов, ни биев, ни старшин, ни казаков. В поисках вольной земли, где «каждый себе хан, где каждый себе бий, где воля да свобода», бросил степь молодой богатырь Марам-бай. Много разных путей-дорог исходил свободолюбивый батыр, но нигде он не нашел вольной земли...

М. К. Приоров описал сцену единоборства Марам-бая со своим врагом. Оно происходило на виду русского отряда и толпы казахов. Поединок воскресил картину далекого прошлого, когда воины один на один выезжали померяться силами. «Нельзя было узнать старика Марам-бая, когда, держа свой трофей высоко над головой», он примчался в отряд; «куда делась его старость, куда делись его морщины и согнутый стан». Перед русскими стоял «молодой воин, счастливый победитель», глаза которого горели, и сам он лихо сидел на коне.

Автору удалось создать запоминающиеся образы двух казахов, один из которых, Кылыш-бай,— человек поэтической натуры, изливающий свою тоску по воле и свободе в задушевных песнях, а другой, Марам-бай,— человек с философским образом мышления, рыцарь, остро чувствующий несправедливость, готовый за свою честь и свободу биться насмерть с любым врагом.

В рассказе «История одного киргизского мальчика (быль)»⁶⁰ М. К. Приоров повествует о том, как однажды во время похода отряд обнаружил в горном ущелье казахского мальчика, всеми покинутого и несчастного. Мальчику было лет 13. Русские приютили его, накормили, одели. Но к городской жизни юный степняк привыкал с трудом. В городе Аликеша научили грамоте, но его тянула степь. И он был отпущен в родную стихию.

...Лет через 15 автор узнал от купца, что Аликеш стал выборным старшиною в ауле. Не забыв и своего русского благодетеля: прислал поклон, а в подарок — саблю и уздечку с бирюзой.

М. К. Приоров с большим сочувствием писал о простых казахах, о их нелегкой жизни.

Укреплению авторитета русских людей среди народов Средней Азии и Казахстана способствовали нередко их демократизм и справедливость в решении ряда сложных вопросов. Так, в книге **Б. Тагеева-Рустам-бека** «По степям и горам Азии» (М., 1910) описывается в общем-то обычная ситуация: бедный певец Касым влюбляется в дочь богача, волостного правителя Токур-бека и получает отказ на брак. Более того, Токур-бек, страстный любитель старины, каждый вечер заставлявший Касыма петь свои любимые былины, выгоняет его. Однако влюбленные совершают побег. На беглецов неожиданно нападает отвергнутый ранее жених, сын богача. Он ранит Касыма, а невесту привозит к родителям, чтобы получить согласие на брак. В этой критической обстановке Касым, по совету невесты, обращается к русскому коменданту. Русские принимают живейшее участие в судьбе замечательного певца. Комендант со свитой выезжает в аул Токур-бека и заставляет богача отдать дочь за Касыма, а калым, по его указанию, выплачивает бывший жених, который пытался из-за угла убить певца... Разумеется, подобные события получали широкий резонанс как в степях, так и в горах Средней Азии. И мнение, что русские справедливы, имело вполне реальную основу.

Дружбе казахов и русских посвятил свой очерк **П. Потапов**⁶¹. Автор приводит немало интересных этнографических данных из жизни коренного населения. Заслуживает также внимания его сообщение о том, что русские люди охотно подчиняются суду биев и остаются довольны.

В 1904 г. появился рассказ **М. Лаврова** «Кочевники»⁶² с подзаголовком «Жизнь в киргизской степи». Автор подробно описал быт казахов, отметил, что у кочевников основу жизни составляют стада, познакомил русского читателя со многими казахскими обрядами, выполняемыми, например, при рождении ребенка, во время сватовства, нарисовал яркую картину пиршества-тоя и т. д.

Об отдельных сторонах жизни казахов рассказывал и **И. Я. Словцов**, который считался деятельным натуралистом. Существовало мнение, что в Омске не было «головы, которая была бы набита ученостью так, как голова Словцова...»⁶³. Он совершил ряд поездок по территории края, побывал в кокчетавских степях. Его перу принад-

лежит ряд статей и очерков, в том числе и на казахскую тему. В своих «Путевых записках» (1897) И. Я. Словцов обратил внимание на радушие и гостеприимство казахов. Он описал, например, как они, русские путники, повстречали пастухов и певца-джатака. Появился кобыз, и звонкая гортанная песня разлилась в воздухе. Певец, импровизируя, хвалил русских, радовался приезду гостей. Через переводчика Акилбека русские путешественники попросили певца исполнить что-нибудь о богатырях. Желание гостей было исполнено: певец спел легенду об Арстан-батыре и Айдагыр-чудовище⁶⁴.

Излагая содержание легенды, И. Я. Словцов пишет, что было бы «интересно собрать полные варианты» ее. Автор подчеркивает, что казах — «поэт, юморист и подчас глубокий мыслитель». В подтверждение сказанного он приводит множество казахских пословиц, которые были им тщательно изучены. Автор сделал попытку их классификации. Его переводы вполне удачны. Все это, разумеется, заслуживает положительной оценки.

Старейшая газета края «Туркестанские ведомости» в передовой статье (1900, № 81) призвала своих читателей знакомиться «с туземной» литературой, чтобы знать интимные стороны духовной жизни мусульман.

Не только провинциальная печать Оренбургского и Туркестанского краев, но и журналы, газеты обеих столиц публиковали произведения на казахскую тему. Нередко печатались переводы. Например, «Вестник Европы» в 1874 г. (№ 12, 720—721) поместил две казахские песни — образцы нравоучительной и любовной поэзии казахов. Автором переводов был, по-видимому, П. Распопов, известный и другими переводами с казахского на русский. Следует заметить, что Распопов впервые использовал подстрочный перевод, который осуществляли казахи, владевшие русским языком. Такое творческое содружество безусловно оказалось плодотворным.

Несколько казахских пословиц, записанных в Тургайской области и опубликованных в местных областных «Ведомостях», поместил на своих страницах даже «Правительственный вестник» (1892)⁶⁵. Во вступлении к этим публикациям отмечалось, что казахские пословицы «в большинстве весьма любопытны», в них «выражаются нравственные начала и взгляды на жизнь», они «носят отпечаток кочевого быта». Таковы, например, пословицы: «Человеку за язык, корове за рога (достается)»; «Рассе-

янный человек и верблюда не увидит» и др. Следует заметить, что некоторые из них были опубликованы и на страницах других дореволюционных периодических изданий.

Известным собирателем образцов казахской «народной словесности» был **А. В. Васильев**⁶⁶. Свои записи песен, загадок и сказок он приводил со слов жителей Тургайской области. Автор отмечал, что у казахов существовала своеобразная форма предложения загадок в состязательных песнях или в посланиях. Образцы таких «произведений живо сохраняются в памяти и передаются из рода в род».

А. В. Васильевым опубликованы 24 казахские сказки, в том числе «Мальчик Тазша», «Девушка Қарашаш», «Алдаркосе» и др. Автор с удовлетворением отмечал, что появление среди казахов лиц, получивших русское образование, значительно облегчило запись произведений «народной словесности». Кроме того, автор указывал на положительную роль применения к казахскому языку русского алфавита. Русская транскрипция казахских звуков позволяла «возможно точно отметить все фонетические особенности» казахского языка.

В связи с изданием «Киргизской степной газеты» А. В. Васильев вновь обратил внимание на казахский язык и его транскрипцию⁶⁷. Ссылаясь на мнение известного ориенталиста Н. И. Ильминского, который утверждал, что если «арабская транскрипция еще мало-мальски идет к татарскому языку», то она совершенно не годится для казахского языка, поскольку скрывает и ступшевывает «фонетические особенности» последнего, Васильев предостерегал от опасности уничтожения казахского языка. Единственным средством его «спасения» Васильев считал русский алфавит, как один из самых богатых среди европейских и азиатских.

Между тем в «Киргизской степной газете» использовалась арабско-татарская транскрипция, что, по мнению Васильева, противоречило даже самой цели издания. Появление двуязычной газеты сразу же столкнулось с проблемой полноценного перевода с русского языка на казахский. Не случайно А. В. Васильев обратил внимание даже на перевод самого названия газеты: «Киргизская степная газета» как «Дала уаляетенен газетсы». Слово «дала» — казахское и означает «степь» и «газеты» — русское, а слово «уаляетенен» происходит от

турецкого «вилает» — административная единица в Турции, которая должна заменить понятие «степное генерал-губернаторство». Решительно восставая против подобных смещений и искажений смысла, Васильев замечал, что и казахский раздел газеты «ведется в ней далеко не безупречно», поскольку «Киргизская степная газета» уделяла преимущественное внимание материалам из жизни стран Востока (арабов, турков), приводя примеры добродушия, храбрости, довольства, великодушия сподвижников ислама.

Известный интерес представляет рассказ русского зоолога и путешественника **М. Н. Богданова** (1841—1888) «Орлиная дума»⁶⁸.

Бедный казах Исет приобрел орла, заботливо относился к птице. Много лет прожил орел у своего хозяина, много лис и волков, корсаков и сайгаков доставил он владельцу. Слава о крылатом охотнике распространилась по степи. Однажды приехал к Исету султан Баймурза. Он просил продать ему орла, но Исет отказал. Когда Исет отправился на охоту, коварный султан его убил. Орел, увидев мертвого хозяина, со страшной яростью напал на султана, впустив свои когти в лицо убийце. Султан погиб в когтях птицы. Острым клювом вспорол орел грудь султана, вынул сердце и съел, а затем покружил над трупом и взвился в облака.

В очерке **П. Антонова** «По Туркестану» (1911)⁶⁹ дано описание перехода каравана с берегов Каспийского моря через казахские степи в Ферганскую долину. Чтобы познакомить читателя с кочевниками, автор пользуется излюбленным приемом, к которому до него прибегали Инфантьев, Тагеев-Рустам-Бек и другие: в произведении появляется любознательный мальчик Миша (Сережа, Саша и т. д.), на чьи вопросы охотно и пространно отвечает опытный и начитанный Иван Иванович. Он разъясняет, что казахи живут в степях, ведут кочевой образ жизни и т. д.

Запоминающиеся образы представителей кочевого народа создал не только в серии содержательных очерков, но и в художественных рисунках **Б. Смирнов** (1914)⁷⁰.

Любопытны взгляды безвестного русского учителя, проработавшего в казахских степях три года. Приехав из Центральной России, он попал в среду «радушного и гостеприимного народа». Наибольший интерес в статье

учителя представляют его суждения о просвещении казахов. Автор подчеркивал, что это «очень переимчивый и любознательный народ», с удовольствием отмечал его особенную склонность к грамоте, к образованию, писал, что казахи «живо интересуется политикой и усиленно читают газеты». Однако, будучи проводником официальной политики царизма, автор выражал сожаление, «что в руки этого наивно доверчивого, слепо верящего каждой напечатанной строке народа попадают преимущественно *революционные листки*» (курсив наш.— К. К.).

Если учесть, что данная статья появилась в печати в 1906 г., а ее автор высказывал свои впечатления за предыдущие годы, это еще раз подтверждает тот факт, что в период первой русской революции 1905 г. в казахских степях появлялась революционная литература, которая, без сомнения, становилась достоянием казахских трудящихся.

В этом же плане важно и другое свидетельство неизвестного автора о том, что казахи, «сознавая себя гражданами великой России.., охотно отдают своих детей учиться в русские школы и не жалеют средств, чтобы вывести их в люди». Они, по мнению автора, «уже давно созная пользу и необходимость русской школы.., ассигновали необходимые и весьма значительные суммы на учреждение в волостях таких школ с преподавателями русскими». Автор сожалел, что царские чиновники, в ведении которых находится дело просвещения казахов, не уделяют должного внимания этому вопросу⁷¹.

Н. И. Пестель в своей книге «Русская правда» (СПб., 1906) коснулся двух аспектов, связанных с казахами. Он считал их земли прекрасными местами, которые «могли бы обратиться в отличную страну», способную обогащать Россию «многими произведениями природы и многими способами для самой выгоднейшей и деятельнейшей торговли».

Н. И. Пестель предлагал из казахских земель составить «особенный» удел, «наподобие Донского», а казахов по положению, устройству и образованию привести «в соответствие» с донскими казаками... Пестель даже предлагал «киргизов» (казахов) «переименовать в аральских казаков».

Корни ошибочных утверждений Н. И. Пестеля кроются не только в его слабом знании вопросов этнографии, истории, культуры и т. д. казахского народа, но и в тен-

денциозном стремлении автора усилить колонизаторскую политику царизма, в стремлении указать пути быстрого экономического освоения богатств казахских степей, в горячем желании автора интенсифицировать процесс русификации казахов, с тем чтобы превратить их в безопасную, но прочную опору самодержавия.

Большой успех у русских читателей имела книга **И. И. Гейера** «Туркестан» (1909). Лестные отзывы о ней появились в «Вестнике Европы», «Русской мысли» и др.

И. И. Гейер уделил много внимания казахам, подчеркивая, что они «своим присутствием» оживляют бесконечные степи и безлюдные пустыни Средней Азии. Автор явно идеализирует, когда пишет об очень простой, но «по-своему милой и отчасти поэтической жизни» казахов, у которых нет «особых забот, труда и борьбы с окружающей природою». Вместе с тем Гейер характеризует казаха, как человека невзыскательного, способного «безропотно переносить голод, как нечто неизбежное, жарить тело свое почти под вертикальными лучами солнца в течение лета и дрожащего в войлочной дырявой юрте зимою». Автор, очевидно, не заметил, что второе его утверждение противоречит первому, но оно более соответствует истине: казахи, действительно, были подвержены всем случайностям суровой природы и жили в тяжелых условиях. Гейер неправильно полагал, что казахи не смогут жить в условиях города, что там они так же зачахнут, увянут, как «полевой цветок, поставленный в роскошную вазу с водой».

И. И. Гейер был редактором газеты «Русский Туркестан». При нем она держалась умеренно-либерального направления. Однако в годы первой русской революции, когда редакцию возглавляли М. В. Мороз, А. Б. Борейша и А. В. Худаш, газета приняла социал-демократическое направление, что привело к временному приостановлению ее издания (25 августа 1906). С 26 августа газета стала выходить под названием «Туркестан» (редактор А. Б. Борейша). Когда и этот орган был закрыт, начал выходить новый — «Вперед» под редакцией А. И. Симонина и И. П. Плят.

Эти газеты сыграли определенную роль в пробуждении самосознания народов Туркестана.

Из дореволюционных русских художников слова, писавших о казахам, следует упомянуть и имя **Георгия**

Дмитриевича Гребенщикова (1882—1961)— талантливый беллетриста, уроженца Восточного Казахстана, с большим трудом пробившего себе дорогу в большую литературу. Его творчество было посвящено описанию быта и жизни народов Алтая, Сибири и казахских степей. Он оставил около 30 томов художественных и публицистических произведений, высоко оцененных Горьким, Куприным и др. Дореволюционная русская критика также положительно оценивала деятельность писателя, подчеркивая самобытность и мужество художника, для которого «правда жизни» имела «первостепенное значение»⁷².

Казахам писатель посвятил целый ряд произведений. И не случайно, что он обратился к переводу поэмы польского поэта Г. Зелинского «Киргиз» («Казах»)⁷³, поскольку в ней увидел «обширный и оригинальный мир кочевника-киргиза (казаха.— К. К.), еще недавно находившегося в полном расцвете поэтической воли». Гребенщиков сожалел, что поэтический мир казаха «быстро, на наших глазах, починает блеснуть».

В нескольких фразах переводчик польского поэта указал на причины, которые привели к столь печальному положению казахской «поэтической воли». Гребенщиков писал: «Там, где еще вчера колыхались серебристые волны степных ковылей и царствовал патриархальный... уклад жизни — сегодня там вклинилась крестьянская жизнь и девственная степь испещрена заплатами распашанных полей и сморщена серыми и грязными, беспорядочно столпившимися хатами чуждых степняку пришельцев.

И сын степей, вольный пастух и смелый всадник, становится покорным рудокопом, спускаясь в недра родной земли, или в лучшем случае впрягается с конем своим в кривую соху и пытается довольно неудачно подражать терпеливому мужику-землеробу.

Пройдет еще немного лет и полная поэзии кочевая жизнь превратится в скучную прозу безропотной ноши мужицкого ярма, под тяжестью которого уже не воскреснут смелые взмахи минувшей удали и умрут последние воспоминания о былых красотах степного простора»⁷⁴.

Справедливо указывая на распад патриархальных устоев в жизни казахов, Гребенщиков видел в его причинах лишь одни негативные моменты, не понимая или не

желая понимать, что в казахскую степь проникали властно, требовательно элементы новой социально-экономической формации. Русские переселенцы не только испещряли заплатами распаханых полей казахские степи, но они несли сюда новую земледельческую культуру, А первые капиталистические рудники, где работали рудокопами вчерашние «вольные пастухи», способствовали возникновению первых национальных рабочих, единственной, до конца революционной части всякого общества в эпоху капитализма.

Воспевая поэзию патриархального казахского аула, Гребенщиков не принял того нового, что несла с собой эпоха бурного развития буржуазии в России, когда капитализм стал вовлекать в свою орбиту и далекие национальные окраины. Эти ошибочные взгляды Гребенщикова наиболее полное отражение получили в цикле рассказов «Степь да небо» (Томск, 1910 г.). В них-то и опоэтизирован исчезающий патриархальный быт казахов. Вместе с тем он с большой любовью и пониманием относится к их устному творчеству. Так, в рассказе «Степь да небо» (из одноименного цикла) автор подробно излагает содержание казахской легенды, стараясь сохранить не только ее дух, но и живописный, национальный колорит.

Любопытно и само начало легенды. Русский гость (автор.— К. К.) с видимым удовольствием слушает неторопливый рассказ: «Вот пришел караван верблюдов из чужой, далекой земли...». В этом традиционном начале, как в запеве, автор дает почувствовать, что легенда древняя и что она принадлежит казахам. Вот краткое ее содержание. Местный властелин Назыр-хан-богатырь спрашивает вожака каравана Беркут-хана-богатыря, как смеет он без спроса в его землю приходить. Беркут, который в легенде показан, как «умная голова», перечисляет богатые подарки для Назыра: белый верблюд, золотом шитый ковер и красавица, «которая сидит на белом верблюде, на золотом ковре». Требование Назыра снять покрывало с лица красавицы Беркут отвергает потому, что Назыр-хан может ослепнуть. Когда наступает ночь, Беркут надел наряд своей невесты, взял острый нож и вошел в юрту спящего Назыра...

Караван уходит все дальше и дальше, а Беркут говорит своей невесте, что теперь он один богатырь на всем свете остался, что все роды, все табуны Назыр-хана теперь его, что «вся степь от неба до неба» — его степь...

Русский слушатель, «жадно вдыхая аромат степного дыма», продолжает слушать: «Табунам Беркут-хана-богатыря не было числа... Земле Беркут-хана-богатыря не было меры... Добротой с Беркут-ханом-богатырем мог спорить только Аллах один». Когда он умер, ему насыпали самый большой курган в степи.

И хотя Гребенщиков заканчивает рассказ обращением к богу, который невидим и непостижим, но такой мудрый, однако пафос произведения заключается в гимне казахской степи и мудрости народа, способного хранить в своей памяти чудесные легенды.

Над необозримыми просторами господствовала, как степной царь на троне, гора Кызыл-тас (одноименный рассказ). Она была доступна лишь «сильнокрылому любимцу степных охотников» беркуту (орлу). Молодой охотник Чеке, сын Болекая, сумел достать беркута, от которого не могли уйти ни красная лисица, ни серый волк, ни стая гусей. Но однажды беркут выключнул глаз охотнику. Вскоре в степь прибыли издалека русские переселенцы, которые поселились у подножия Кызыл-таса. Они «сразу... взялись распахивать всю степь». И тогда «Чеке повел жестокую борьбу с чужими, он подбил товарищей устроить баранту и угнать у русских весь табун их рослых вислозадых лошадей. Тут-то русские и вышибли Чеке последний глаз».

Слепой Чеке много лет бродил у подножия Кызыл-таса. Он не видел, что вся степь «изрыта плугом и истегана новыми дорогами». Однажды у горы произошла встреча слепого охотника с больной русской девушкой Ког-кыз («голубая девушка» — прозванная так за цвет платья), приехавшей лечиться кумысом. Она почувствовала тихую жалость к слепому одинокому человеку. Чеке, коверкая русские слова, поведал ей о своей тяжелой доле. Они подружились. Старый слепец рассказывал ей казахские легенды о богатырях и старинные предания о приволье в степи. И каменный утес из красного гранита стал представляться девушке могучим богатырем, несущимся по вольной степи.

Однажды жители деревни убили пять маленьких орлят, а шестого принесли в деревню. Девушка, возможно, под влиянием рассказов Чеке прониклась глубокой жалостью к орленку, вокруг которого собирались толпы подростков и мучили птицу. Она купила орленка и, за-

вернув в плед, принесла свою ношу к Кызыл-тасу, где выпустила на свободу. Сама она здесь же умирает. Слепой старик, услышав тревожный клекот беркутов, догадался, что случилось с больной девушкой.

В рассказе «В тиши степей»⁷⁵ Гребенщиков сравнивает степь с полем, покрытым ковром-текеметом. Казахские аулы, расположенные на берегу Иртыша, автору представляются «черною строкой арабской надписи» (91). Подробно описав «приплюснутые к земле» сырые и темные избушки аула с маленькими подслеповатыми окнами, писатель останавливает внимание на отощавших за зиму телятах и лошадях. Старый Коппай, сын которого Мендыбай уехал в город, полон тревоги за его судьбу: вскрылся Иртыш, а в водах его каждую весну тонуло немало смелых джигитов. Коппай, согнувшись и распустив края ушастого и островерхого малахая, прихрамывая, пошagal за скотом. «Редкая седая борода его тряслась, а смуглое изрытое годами лицо кривилось, морщилось от солнца». «Защитив ладонью свои подслеповатые глаза», старик пристально смотрел на восток, откуда должен был приехать сын.

Старый Коппай вспоминает, как прошлое лето русский чиновник каждый день ездил по степи «с железной веревкой» и «хитрой штукой на трех ногах», как он много ругался... Оказалось, чиновник замерял землю под будущий поселок для переселенцев. Вспоминая «обрывки прошлой жизни», Коппай начинал негромко и тягуче петь какую-то «простую песню-жалобу...»

Благополучно возвратился Мендыбай, молодой и рослый джигит. Из города он привез железный плуг. Его соседи по аулу знали, что Мендыбай «всегда что-нибудь знает новое, парень сметливый». Однако жителей аула тревожил слух, что всех казахов «в крестьян обратить хотят» (104). Между тем Мендыбай, копируя голос какого-то городского начальника, говорил: «Не разговаривать! Пахать приучайтесь! Довольно вам жиреть от лени...» (105).

Рассказ интересен не только великолепными этнографическими зарисовками, но и реалистической картиной того нового, что пришло в степь: распространение земледела среди казахов, появление людей, подобно Мендыбаю, тянувшихся к новому. Такие люди, несмотря на молодость, пользуются уважением и почетom среди аульчан.

Примечателен рассказ «На Иртыше», в котором показано волчье лицо кулака из казачьей станицы, расположенной на правом берегу реки. Автор подчеркивает, что «станичникам привольно», что «станица благоденствует» (107).

Старый казак Никита Столяров нещадно эксплуатирует работников-казахов, потому что они «везут, как кони», его большое хозяйство (109). Есть у него и батрачки-казашки (109). На них покрикивает сноха. А когда-то покрикивала, «как атаман», на казахов-работников его покойная жена. У кулака-миroeда «деньжонки повелись» (109). Стал он казахам в «долг... верить под работу», но требовал «за рубль — стог сена». Если должник не поставлял в срок, долг нарастал вдвое. Это была жестокая кабала. Между тем Никита Столяров считал, что «киргизишки (казахи.— К. К.) работать удалы, терпеливы. Его бьют, а он не крикнет» (109).

Казахи-работники таскали тяжелые гранитные плиты для фундамента, крыльца, дорожек двора большого дома Никиты. Сам хозяин стал настолько паразитом, что «бывало и поругать киргизов за труд считал» (110). Престарелый кулак раз в год ездил со всеми станичниками делить сенокос. Выезжали вместе с ним сыновья, внуки и другие близкие родственники. Против богатых Столяровых открыто боялись выступать беднейшие станичники.

...Во время перехода через Иртыш на пароме Никита заметил бедного казаха Джауке. Это был «черный и сухой» человек, в старом бешмете, с открытой бронзовой грудью. Вместе с ним на пароме были жена и дети. Но всемогущий богач избил на глазах у всех несчастного должника, назвав его «собакой», «собачьей головой». Ни просьбы самого «Джауканки» (так кличет его кулак), ни слезы жены, ни плач детей не остановили озверевшего кулака перед расправой. Вот как описана эта сцена: «Кончив бить киргиза, Никита сплюнул и, запыхавшись, похвалился: Я их, собак, не так, бывало, чистил. В аул приедешь сам-друг с нагайкой, перещелкаешь всех до одного, и ни один пикнуть не смеет...— и старик волчьим взглядом снова взбурил на киргиза.— Я те, песья голова, погоди, вот отдохну... Я те шкуру-то спущу» (114).

Однако нагайку кулак пускал в ход не только по отношению к бедному казаху. Никита учил свою многочис-

ленную родню не робеть перед беднейшими станичниками во время дележа сенокоса. Старый волк учил волчат: «Нечего робеть, ребята. А в случае чего — прямо их нагайкой по рылу... Нас много, бить не бойсь, не кинутся» (118). Между тем нашелся смельчак-бедняк Яков Старков, который прямо заявил мироеду: «Хочу поглядеть, как Никита Столяров начнет хватать пайки из горла у других» (119). Отъехав в сторону, Яков прокричал, обращаясь к тому же Никите Столярову: «Горлохват! Куда ты хватаешь: ведь скоро сдохнешь» (119). Взбешенный Никита погнался за Яковым. Но его старый конь не смог перескочить канаву и упал вместе с седоком. Никита умер тут же, на лугу.

В этом небольшом произведении исторически достоверно и художественно убедительно показан образ хищника, нещадно грабившего не только «киргизишек», как он пренебрежительно называл казахов, но и «своих» беднейших станичников, «убедительным» методом обращения с которыми он считал... «нагайкою по рылу».

Совершенно в иной тональности написано эссе «На лыжах». Во время трудного утомительного перехода через горы два человека — один русский (автор. — К. К.), другой казах — не теряют лучшие человеческие качества и проникаются друг к другу чувствами большой дружбы и товарищества. Писатель создает реалистический портрет проводника и «сотоварища» казаха Акпая. Низенький и коренастый тридцатилетний Акпай показан человеком высоких нравственных качеств. Он радуется рассказу своего товарища о том, что в день пасхи «все русские делаются добрыми» (126), и выражает свои чувства восклицаниями: «А, корошя, корошя!... Ета корошя» (126). Но когда ему сообщают, что «после пасхи опять забывают бога и делаются злыми», Акпай огорчается, говоря: «А, ета кудой, кудой...» (127).

И автор заканчивает свое эссе словами: «И был он (Акпай. — К. К.) мне в это время таким понятным, близким, будто брат родной. И я разговорился с ним, как давно ни с кем не говорил и проговорил до зари» (127). И вопреки кулакам-мироедам типа Никиты Столярова, видевшим в кочевниках лишь безропотных батраков, писатель раскрывает богатый духовный мир простого казаха, способного к восприятию высоких человеческих чувств.

Тяжелой и трагической судьбе казахского труженика посвящен рассказ Гребенщикова «Степные вороны» (1915)⁷⁶. Убогий аул... Старший сын Кракпая Емекей, рослый и угрюмый молодой человек, пятый день лежал без дела в юрте. Он вставал лишь, чтобы поругаться с женой... Ругаясь, Емекей говорил, что они скоро всех баранов поедят, что хлеба в юрте нет, что высохла вся степь и он, молодой и сильный Емекей, не знает, что делать и куда деваться от нужды (91).

К Емекею приходит его друг Мамыр, низенький, широкоплечий и веселый парень. Он рассказывает о своей работе у русских. Мамыр жаловался на притеснения со стороны казаков, шепотком ругал переселенческих чиновников, разъезжавших по степи, высмеивал неповоротливых и бородатых мужиков, питающихся свиньями (92).

Сообщил Мамыр и важную новость — о строительстве железной дороги, которая идет к Иртышу. Строительство дороги как будто открывало перспективы. «Простой человек», говорит Мамыр, денег может много заработать, если будет землю копать, камень возить, лес рубить — всякой работы на строительстве будет много.

Мамыр набирает «артель» из своих аульных товарищей, в числе которых был и Емекей. Одиннадцать джигитов выехали из родного аула в поисках работы. Приехали в Омск, а оттуда на пароходе отправились по Иртышу. Но подходящей работы не было. В одном ауле молодые люди нанялись купцу копать колодец «за семь с полтиною». Но за два дня работы купец дал им «полкирпича чая, пуд черных сухарей».

Не повезло им и на строительстве. Там было много опытных рабочих, привезенных специально из России. Подрядчики воспользовались дешевой рабочей силой казахов, чтобы снизить заработок русским рабочим. Естественно, последние озлобленно смотрели на казахов. Тогда джигиты решили вернуться в аул. Но в родной очаг из 11 ушедших на заработки возвратились лишь двое: остальные умерли или утонули в реке. Погиб и Емекей, переправляясь через Иртыш.

Такова трагическая история жизни одного бедного казахского аула. Подобных аулов было великое множество в степи. В рассказе Гребенщикова нашла правдивое

отражение суровая жизнь казахских трудящихся в пред-
революционные годы.

Именно с этих позиций подошел Гребенщиков и к переводу поэмы «Киргиз»⁷⁷, представляющему собой пример высокого творческого вдохновения русского переводчика. Поэма является не только одним из интересных памятников польско-казахских отношений, возникших в результате пребывания в казахских степях польских патриотов, сосланных царизмом, но представляет и важный факт в истории русско-казахских литературных связей. В предисловии Гребенщиков указывал, что «чуткий и талантливый автор поэмы», польский поэт Густав Зелинский «бурею событий 1831 года»⁷⁸ был заброшен в Сибирь, а затем в казахские степи.

Польского поэта вдохновили яркие образы казахов-героев, их звучные мелодии и необъятные просторы степей. Гребенщиков писал, что, «уважая автора и любя с детства знакомую степную жизнь», он сделал все возможное, чтобы сохранить ту верность и колоритность картины, какую он «почувствовал в подлиннике». ...Из неволи, из черного рабства совершает побег юноша-казак. Он был рабом богатого таксыра⁷⁹, жившего «в юртах каменных». Но джигит берег в душе надежду:

Сбросить рабства гнет тяжелый
И на крыльях смелой воли
Улететь в родные степи.

Возможно, что и в душе польского поэта горела ярким пламенем надежда «сбросить рабства гнет тяжелый и на крыльях смелой воли улететь в родные» края...

После тяжелой неволи беглец «жадно пил... степи воздух, ароматом насыщенный». Перед джигитом

...рыспой пробежали
Детства дни невозвратно:
Шалость детская — прыжками...
И галопом — дни веселья...
Годы ж молодости милой
Мчатся бешеным карьером
И уносят в край неволи,
В черный карай тоски унылой...

Вспомнив «горечь злой неволи», он решает мстить злодею. Но вскоре молодость прогнала тяжелые думы, и джигит запел песню радости-привета Восходу:

Серебристо-нежной нотой
Полилась она из сердца,
Колокольчиком далеким
Зазвенела переливно
И, как жаворонок к небу,
Трепеща, взлетела тихо...

В связи с песней джигита польский поэт восторженно писал о казахских напевах:

О, киргизские напевы,
Сердцу близкие мотивы!
Вы грустны, как степи осень,
И, как гладь небес, раздольны...
Вы стремительны, как стрелы,
Будто месть неотразимы.
Как пожар степной, вы жгучи
И прекрасны, как восходы...
О, когда поет ваш вольный
Сын степей свободной грудью —
Вся природа умолкает,
В сладкой дреме цепenea.
И как будто в том напеве
Плачет степь в тоске по небу...

Между тем юноша мчался все дальше в степь. И хотя он устал и был голоден, но

Он смеялся светлой воле,
С юных лет привыкший к горю,
Он умел сносить невзгоды.

Джигит обладал и «взором соколиным» и «чутко-тонким обонянием». Он не страшится грозы, которая застала его в степи:

Вновь померяться готов он
С силой гроз и мощью бури...

И хотя страшный гром сотрясает степь, а

Дождь рекой обильной хлынул,
Точно в небе прорвалась
Плотина, грозя потопом...

Но без страха пред грозою,
На кургане одиноко,
Неподвижной черной точкой
Конь со всадником стояли!..

Таким образом, в поэме ярко показаны наиболее сильные стороны характера юноши-казаха: его ум и

находчивость (удачный побег из плена), свободолюбие и патриотизм, способность видеть далеко и тонко понимать родную природу, мужество и бесстрашие, позволяющие противоборствовать слепой силе стихии, утонченность души и поэтичность природы... Наконец, беглец добирается до аула, где

У бай-бия⁸⁰ в пышной юрте
Все аульцы⁸¹ собирались
И на мягких текеметах⁸²
Кругом тесным мирно сели...
И аульцы, чтоб приветить,
С гостем ласково толкуют,
Вопрошая о здоровье,
О скоте и о семействе...

Между тем «безмолвно у казана⁸³ в белых джавлуках⁸⁴ хлопочут» женщины. Затем «заботливые катын⁸⁵ на агач-аяк⁸⁶ проворно из котла кладут палаву...»⁸⁷

И несут уж слуги в юрту
Кумысом турсук⁸⁸ налитый
И шипит он белой пеной
На глазах гостей веселых.

Гостя все угощали дружно, а он ел «махан⁸⁹ и баурсаки, палву, рис с изюмом, пил сурпу, кумыс ядреный...»

Между молодым джигитом и дочерью бия внезапно вспыхивает любовь. Зелинский рисует поэтический портрет юной девушки-казашки:

Бия дочка кыз⁹⁰— Джамеля,
В полтора десятка с годом,
Так свежа, легка, прекрасна,
Как бутон цветка поутру...
Стройный стан, колебля гибко,
Белой ручкой подпирает,
А другою грациозно
Прядь волос с лица снимает...
А волос — семь кос тяжелых
Отливают блеском черным
И звенят на них монеты,
Что нанизаны богато.
И лучами блещут очи,
Будто угли раскаляясь,
И украдкой на джигита
Смотрят с ласкою ответной.

Интересно отметить, что польский поэт умело пользуется знанием устной казахской поэзии, в которой воспевание подвига героя или красоты девушки всегда сопро-

вождается привлечением для сравнения данных об обширных районах, в которых «никогда» не совершался подобный подвиг или там «никогда не встречалась подобная красавица...»

Мы не будем приводить поэтические строки, посвященные красавице Джамеле. Упомянем лишь, что поэт воспевает любовь степи, где она, «как пламень, в пороховавший, в миг объемлет оба сердца бурей страсти». Но любовь джигита омрачена тем, что убийцей его отца оказался бай-бий, гостеприимством которого он пользовался. Он же продал осиротевшего ребенка в рабство. Теперь два чувства борются в джигите: любовь к Джамеле и кровная месть к ее отцу.

Юноша случайно подслушал заговор бия и баксы: они сговаривались убить его. Сцена гадания баксы — одна из впечатляющих в поэме. Баксы играет на кобызе, вызывает дух предков, гадают на кости, — и в конце концов дает коварный совет бию, как избавиться от гостя. Влюбленные, узнав о заговоре, решают бежать. Но злобный бий, преследуя молодых людей, поджигает с трех сторон степь — и в огне степного пожара погибают и джигит и красавица Джамеля:

Как две ивы над прозрачным
Ручейком сплетают ветви,
Так в последнем поцелуе
Обнялись джигит с Джамелей...

Так завершается поэма о любви степных Ромео и Джульетты, родители которых, подобно Монтекки и Капулетти, находились в непримиримой вражде. Кровь отца джигита, убитого во время баранты, не дает покоя юноше, но ее пересиливает всепоглощающая любовь. Любовь сильнее кровной мести. Однако коварный бий губит счастье молодых. На обугленных степных просторах весной вновь расцветут душистые цветы, которые будут оплакивать смерть джигита и Джамели.

В поэме Зелинского много великолепных описаний казахской степи. Пейзаж играет роль не только фона, на котором происходят трагические события, но он непосредственный и активный атрибут, одно из действующих лиц поэмы. Как гостеприимно и широко раскрывает степь свои объятия сыну, бегущему из неволи: даже степные травы прикрывают следы коня джигита! Но предстоит неожиданная встреча героя со злодеем,

убившим его отца и продавшим мальчика в рабство,— и природа грозно предупреждает смельчака о предстоящей жестокой и трагической схватке: и удары молнии, и гром небесный, и ливень — все как будто бы пытается остановить и повернуть вспять движение юноши.

Сколько лирики в описании ночного аула! И, наконец, превосходная картина степного пожара, в пламени которого сгорают влюбленные... Но степь в следующую весну вновь пышно расцветает. Продолжается вечная жизнь на земле, несмотря на трагические коллизии между людьми.

Таким образом, поэма «Киргиз» Зелинского привлекла внимание Гребенщикова прежде всего высоким романтизмом, благодаря которому поэма звучит как гимн степи и ее смелым, отважным сынам. Эти мотивы были близки и сердцу русского переводчика, переживавшего распад патриархального уклада степняков как большое несчастье, вследствие которого исчезла, по его мнению, романтика из жизни кочевников. Однако Г. Гребенщиков оказался неправ: неизбежный ход исторических событий привел к необратимым изменениям в жизни казахского народа, вовлек его в русло общечеловеческого развития и цивилизации.

В 10-х годах XX в. русская печать продолжает уделять постоянное внимание различным сторонам общественной и семейной жизни казахов. Некоторые русские авторы отмечают незначительное влияние шариата на жизнь кочевников, объясняя это «безразличным» отношением последних к религии: казахи в большинстве своем не знали даже тех молитв, из которых состоит мусульманский намаз (молитва).

В семейной и общественной жизни казахи руководствовались не шариатом, а адатом, то есть народными обычаями, которые передавались устно из поколения в поколение. Шариат не привился кочевому народу. Между тем адат существовал среди них еще со времен язычества...

В течение первого десятилетия XX в. в печати усилилась критика деятельности царской администрации в казахских степях. Правда, эта критика носила умеренный характер, разоблачая лишь отдельных представителей администрации края. Местная печать обходила молчанием ту социально-экономическую и политическую систему, которая порождала клику администраторов-

взяточников. Тем не менее критика даже отдельных сторон существовавшей системы имела определенное позитивное значение, хотя и была половинчатой, односторонней.

В многочисленных в это десятилетие очерках и рассказах, статьях и заметках на казахскую тему их авторы сообщали разнообразную информацию. Однако в основном произведения «малого» жанра затрагивали следующие проблемы: социально-экономическую жизнь трудящихся казахов (положение джатаков, появление переселенцев, проблема землепользования и т. д.), семейные отношения казахов, «новые» реформы правительства по управлению степью, просвещение казахского народа и его будущее и др. Эти произведения внесли определенный вклад в развитие русско-казахских литературных связей.

В. В. Радлов.

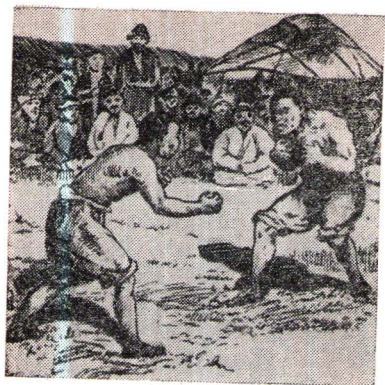
А. И. Левшин.

Н. И. Вессловский.

В. И. Даль.

Борцы.

Джумагали за едой.

(Рисунки Н. И. Ткаченко из книги Д. Л. Иванова
«По киргизской степи» Пгр., 1914.
Следующие рисунки художника взяты из этой же книги),

*Промыслы у казахов. Продажа кибиток
(из «Туркестанского альбома»).*

Рабочий стан на озере Татыр (рис. Н. И. Ткаченко),

*Габидулла в неутешном горе возле погибшей лошади
(рис. Н. И. Ткаченко),*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изучения и анализа обширных литературных и архивных материалов, относящихся к русско-казахским литературным отношениям за период со второй половины XIX по первое десятилетие XX вв., можно сделать следующее заключение.

Исследование истории взаимосвязей русской и казахской литератур позволяет понять общие закономерности этого процесса, оценить по-новому значение опыта великой русской реалистической литературы в целом и роль многих выдающихся ее деятелей в становлении и развитии казахской национальной литературы, особенно демократического направления в ней. И здесь решающее значение имел исторический акт добровольного присоединения Казахстана к России, благодаря чему возникли благоприятные предпосылки для взаимного сближения, а затем взаимовлияния и взаимодействия двух литератур. Именно в этом следует видеть главный итог русско-казахских литературных связей второй половины прошлого столетия.

Обращение многих выдающихся русских писателей, таких, как А. С. Пушкин, В. И. Даль, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Л. Михайлов, Г. И. Успенский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. С. Лесков, В. Г. Короленко и другие, к инонациональной тематике, в частности, к изучению жизни, быта, устного поэтического творчества казахов, определялось гуманным отношением к казахскому народу, стремлением постичь его духовный мир, его прошлое и настоящее, изучить социальные корни окружавшей его действительности. И не случайно, что именно русские классики оставили нам подлинные об-

разцы глубинного проникновения в инонациональный характер.

Конкретные формы проявления русско-казахских литературных отношений весьма многообразны. Так, под непосредственным влиянием прогрессивной русской литературы формировались новые жанры, расширялись традиционные представления о тематике, рождались новые типы литературных героев — людей из народа.

В свою очередь, нарождающаяся казахская литература не только воспринимала художественный опыт русских писателей-реалистов, их демократические традиции, но и сама в известной мере воздействовала на их творчество. Обогащение русской литературы шло по линии возникновения в ней инонациональных мотивов и необычных образов. В русский язык, например, вошел ряд поэтических средств, реалий, понятий, терминов и т. д., взятых из жизни казахского народа и его поэтического творчества.

Результаты изучения взаимоотношений русской и казахской литератур позволяют подчеркнуть ведущую роль русской литературы в этом процессе, ибо она сумела отразить на своих страницах важнейшие события из жизни казахов. Ее воздействие на становление и развитие казахской литературы было интенсивным, длительным и эффективным.

* * *

Со второй половины XIX в. усилился процесс перевода художественных произведений с казахского на русский и наоборот. Художественный перевод становился главным фактором интенсивного взаимодействия двух литератур.

Родоначальниками переводческого искусства в казахской литературе явились выдающиеся просветители Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин.

Классик казахской литературы Абай, проявляя исключительный интерес к русской поэзии и прозе, справедливо считал, что изучение языка, культуры и искусства русских является ключом к лучшей жизни для его народа. Желая приобщить казахов к миру великих русских писателей, Абай первым перевел на родной язык произведения И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Глубоко демократическая направленность их творчества была близка классику национальной литературы.

Возлагая большие надежды на свои поэтические переводы, Абай ввел одиннадцать не существовавших до него стихотворных форм. В казахской поэзии зазвучала новая тематика, отражающая борьбу против социальной несправедливости, гражданский пафос. В этом можно видеть глубокое влияние революционно-демократических традиций прогрессивной русской литературы.

Целеустремленной была и переводческая деятельность Ибрая Алтынсарина, стремившегося с помощью своих переводов произведений И. А. Крылова, Л. Н. Толстого и других приобщить родной народ к русской культуре. Алтынсарин впервые создал небольшую школу переводчиков из числа своих воспитанников. Так, в 1864 г. он с удовлетворением отмечал, что «два воспитанника, прежние еще мои питомцы... читают «Детский мир», из которого также делают переводы». И. Алтынсарин мечтал о составлении алфавита казахского языка на основе русской графики и в 1879 г. в Оренбурге опубликовал свою «Киргизскую хрестоматию» для казахских детей русскими буквами. Борьба шла не только за русский алфавит, но и за русский метод обучения казахских детей, и эта борьба со стороны И. Алтынсарина была прогрессивным явлением, ибо через мусульманские медресе шло влияние архиреакционных идей панисламизма.

Кроме Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, Чокана Валиханова, следует назвать имя Испандияра Кубеева, принимавшего деятельное участие в переводе произведений русской литературы. В 1910—1911 гг. Кубеев выпустил сборник «Образцовый перевод», в котором были помещены переводы басен И. А. Крылова и рассказов для детей Л. Н. Толстого.

Таким образом, в исследуемый период в Казахстане возникли основы переводческого искусства, заложенные первыми казахскими просветителями. Однако в то время вопросами перевода систематически никто не занимался. Никаких теоретических обобщений и практических выводов из переводческой деятельности Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева сделано не было. Развитие переводческой традиции казахских просветителей получило свое полное выражение лишь в советское время.

Велико значение перевода в сближении народов, в создании единой культуры будущего коммунистического общества. Анализ основных этапов развития казахского переводческого искусства позволяет подчеркнуть, что

художественный перевод стал одним из основных факторов, содействовавших дальнейшему развитию взаимосвязи и взаимовлияния двух литератур. Так, первое крупное прозаическое произведение казахской литературы роман И. Кубеева «Калым» (1913) несет на себе отчетливое влияние Н. В. Гоголя. Сам Кубеев признавал, что он до создания «Калыма» пересказал аульным слушателям содержание «Мертвых душ».

Произведения Гоголя были и остаются предметом самого пристального внимания и изучения советских казахских писателей. Широкое обобщающее влияние многих гоголевских образов нашло отражение в творчестве М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова и др.

На развитие жанра рассказа в казахской литературе несомненное воздействие оказало творчество А. П. Чехова. М. О. Ауэзов писал: «Я читаю и перечитываю его (А. П. Чехова.— К. К.) книги, напоенные удивительной душевной красотой писателя, глубоко поэтичные по своему художественному строю, и, может быть, поэтому Чехов представляется мне светлой вершиной, озаренной утренним солнцем... Восхищенными взорами тянутся к ней люди разных народов...» («Мысли разных лет», стр. 279).

Читали и перечитывали произведения А. П. Чехова и другие казахские мастера прозы, чувствуя его особую «притягательную силу».

После Великой Октябрьской революции и особенно с победой социализма в жизни народов СССР усилилась и постепенно стала ведущей тенденция к их взаимному сближению, к всестороннему укреплению сотрудничества. Вместе с тем крепнущая новая историческая общность людей — советский народ — отнюдь не исключает национальной самобытности, не растворяет в себе нации и народности, а представляет их интернациональное единство, цельный живой организм, которому все более становятся присущи новые общесоветские черты.

«Социально-политическое единство советского народа вовсе не означает исчезновения национальных различий, — говорил товарищ Л. И. Брежнев на сессии Верховного Совета СССР, утвердившей новую Конституцию страны (4 октября 1977 г.). — Благодаря последовательному проведению ленинской национальной политики мы, построив социализм, одновременно — впервые в истории — успешно решили национальный вопрос. Нерушима дружба со-

ветских народов, в процессе коммунистического строительства неуклонно происходит их сближение, взаимное обогащение их духовной жизни. Но мы встали бы на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать этот объективный процесс сближения наций. От этого настойчиво предостерегал В. И. Ленин, и от его заветов мы не отступим»¹.

Пронизывая всю совокупность общественных отношений, сближение народов СССР интенсивнее происходит ныне в сфере культуры. Сущность этого неуклонно развивающегося процесса заключается в том, что любая национальная культура, питаясь прежде всего из собственных родников, берет в то же время все лучшее, что есть в духовном богатстве других братских народов. В результате сложилась и расцветает единая по духу и содержанию социалистическая культура.

В братском союзе наций и народностей СССР наибольшим интернационалистским опытом обладает русский народ, по праву снискавший уважение всех советских людей за непоколебимую верность принципам солидарности, идеалам коммунизма, за щедрость души, за высокую объединительную миссию, которую он выполнял и выполняет. Растущее влияние русского народа на жизнь всех национальностей нашей страны всемерно содействует и подъему их культуры. Яркое подтверждение этому — выход советской казахской литературы за рубежи нашей страны. Он обусловлен, прежде всего, творческим содружеством русских и казахских писателей как одним из многих проявлений дружбы и доверия.

«Мне не известно подходящего примера в истории мировой цивилизации,— пишет советский казахский писатель Герой Социалистического Труда Габит Мусрепов,— когда глубоко плодотворное и последовательное влияние культуры одной какой-либо нации проходило бы в прошлом и настоящем по законам братской помощи, заботы и дружеского внимания. Это, на мой взгляд, делала и делает лишь великая русская реалистическая культура». И далее Габит Мусрепов продолжает: «Нам, казахам, в свое время было просто привыкнуть к священному слову «товарищ». Оно звучало как слово революции, слово эпохи. И это, вероятно, потому, что судьбы наших народов настолько сплетены и взаимозависимы, что мы еще до революции пели песню Татьяны, песни Пушкина. Это и потому, что самый большой русский писатель Л. Н. Тол-

стой и от нашего имени писал «Не могу молчать», а другой великий русский поэт М. Ю. Лермонтов в «Споре» прозорливо отметил прогрессивную роль России в экономической и культурной жизни народов Востока. Но в его голосе мы слышим боль и сочувствие нашим народам, которых угнетал царизм. Это были слова русского человека, слова против царизма, слова за нас, за народы российской окраины»².

Исследование русско-казахских литературных отношений представляет собой часть проблемы развития нашей многонациональной литературы, служит делу интернационального воспитания советских людей, способствует взаимообогащению и сближению братских литератур нашей Родины. Тему дружбы народов СССР, «чувство семьи единой» хорошо выразил Н. А. Тихонов: «Я люблю свою Советскую родину за то, что она дала мне чувство необъятной семьи, гигантского родного дома: куда бы я ни поехал, в юрте казахов, во льдах Арктики, в городах севера и юга...— всюду я дома...»³

В 1979 г. исполнилось 45 лет со дня первого Всесоюзного съезда советских писателей. Основоположник литературы социалистического реализма А. М. Горький говорил на этом съезде о единой целой «разноплеменной, разноязычной литературе всех наших республик». Дружба советских народов оказала плодотворное воздействие на дружбу и единство братских литератур.

В докладе на XIV съезде Компартии Казахстана (февраль 1976 г.) тов. Д. А. Кунаев отмечал: «Многонациональная семья народов нашей республики монолитная и здоровая, их братство становится еще более крепким и спаянным. Нам надо и впредь не ослаблять внимания к вопросам интернационального воспитания, рассматривая ленинскую дружбу народов как величайшее завоевание нового мира, как основу всех успехов нашего государства.

Важно глубже раскрывать суть процессов расцвета и сближения социалистических наций, взаимообогащения и взаимовлияния их культур в русле общесоветской культуры, подчеркивая общенациональную гордость советских людей»⁴.

Окидывая взором широкую панораму русско-казахских литературных отношений в историческом прошлом России и Казахстана, мы с уверенностью смотрим в замечательное будущее братских литератур народов СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 250.

² О казахах писали как о «хазаках», «казаках», «киргиз-кайсаках», «кайсаках» и т. д., а о киргизах — как «кара-киргизах», «дикко-каменных киргизах» (имелось в виду, что киргизы живут в горах, среди диких камней). Киргизов также называли «бурутами». Однако общеупотребительным в то время было понятие «киргизы», которое применялось и по отношению к казахам. В книге слово «киргиз» переводится словом «казах». Автор исходит при этом из исторических, географических и других данных. Следует подчеркнуть, что казахи и киргизы — это народы-братья, связанные историческими узами дружбы.

Различные стороны жизни казахов нашли особое отражение в трудах русских ученых-писателей XVIII, первой половины XIX вв. П. П. Рычкова, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Г. Георги, В. Могутова, Н. П. Рычкова, Н. Р. Мамышева, А. Д. Боровикова, Г. Спаского, Ф. С. Ефремова и др. (См.: К. Ш. Кереева-Канафиева. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963).

³ В этом плане определенный интерес представляет и статья проф. С. Машинского, в которой отмечается, что «зыбкость общетеоретических позиций этих ученых (речь идет об А. Веселовском и др. — К. К.), даже прямые ошибки, случавшиеся в отдельных трудах, не должны мешать нам по достоинству, объективно оценить их заслуги перед отечественной филологией». «Правда», 1974, 27 февраля.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 99—105; т. 20, стр. 19—41, 70—71; т. 17, стр. 206—213; т. 1, стр. 262.

⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 6. М., 1978, стр. 580—581.

⁶ Д. А. Кунаев. В борьбе за укрепление мира и дружбы между народами. Ж. «Коммунист», 1977, № 10, стр. 22.

⁷ См.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, стр. 7 (статья П. П. Беркова «М. П. Алексеев — историк и теоретик литературы»).

⁸ М. А. Сулов. Дело всей партии. «Правда», 1979, 17 октября.

⁹ Современное течение компаративистов очень широко пользуется методом параллелей, уподоблений и иногда черт сходства, стремясь показать, что один автор знал и читал другого. И. И. Анисимов справедливо считал, что «компаративисты отделяют литературу от социальной борьбы, отрицают ее активную роль в развитии общества». (сб.: «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур». М., 1961, стр. 7).

¹⁰ Сб.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961, стр. 3.

¹¹ В Оренбурге В. И. Даль служил чиновником особых поручений при генерал-губернаторе В. А. Перовском. Имя Даля получило известность как писателя после выхода в свет его четырехтомных «Былей и небылиц» (1833—1839). Как врач он был известен своими статьями в пользу гомеопатии. Чрезвычайно важной стороной его деятельности в Оренбургском крае следует считать широкую разработку им казахской темы в своих произведениях. Не только в повестях «Майна» и «Бикей и Мауляна» В. И. Даль писал о казахах. В своем «Толковом словаре...» Даль указывал, что «киргизы сами себя зовут «казак». Происхождение этого слова автор связывал с тюркским («вероятно от среднеазиатского») «казмак», что означает скитаться, бродить. О глубоком интересе Даля к устному творчеству казахов можно судить и по его «Письмам из похода в Хиву». Они представляют и исторический интерес для понимания некоторых сторон хивинского похода. Как известно, поход проходил в условиях суровой зимы 1839—1840 гг. Русскому отряду большую помощь оказывали казахи. Так, Даль писал, что для отряда «сено покупали у кайсаков, которые по Илеку удивительно много накопили сена». Генерал Перовский купил у казахов несколько юрт с тем, чтобы «поместить в них часть больных и здоровых». Даль, как врач, отметил, что «в кибитках, с огоньком, жить гораздо здоровее». Казахское население, находившееся в местах продвижения русского отряда оставалось спокойно на своих местах, ничего не боясь, поскольку «доселе их никто не тронул». «К чести отряда,— заметил с удовлетворением Даль,— никто не тронул кайсаков пальцем».

Весьма важно, что именно в период пребывания в Оренбургском крае у В. И. Даля возникает глубокий интерес к устному поэтическому творчеству казахов. И не случайно, что именно в связи с казахской былиной о Чур-батыре Даль размышляет над вопросом «Что такое народная поэзия?» (В. И. Даль. Письма к друзьям. «Русский архив», 1867, стр. 428—430). В Оренбурге с В. И. Далем встречался поэт В. А. Жуковский. Возвращаясь в июне 1837 г. из поездки в Сибирь, В. А. Жуковский познакомился с жизнью коренных обитателей края. К сожалению, дневниковые записи поэта написаны весьма кратко, отрывочно и по ним трудно судить о многом. 11 июня 1837 г. в три часа пополудни поэт приехал в Оренбург. «Тот час с Далем на берег. Роша за Уралом. Киргизы (казахи.—К. К.). Соль. Азия». В другом месте дневника записано: «Киргизское кочевье (кибитка). Диван. Решетка. Стрелы, или уины. Круг. Кошма или войлок. Скачка вокруг холма. Выигрыши. Верблюды, лошади, кафтаны. Скачка на верблюдах. Борьба башкир с киргизами. Баксы, или колдун киргизский; чай в кибитке» (стр. 326; «Дневник В. А. Жуковского», «Русская старина», т. 110, № 4—6. СПб, 1902). По мнению В. И. Даля, В. И. Жуковский заинтересовался поэтическим богатством казахского народа.

¹² Печатающая самую разнообразную информацию, местные газеты даже позволяли себе иногда высказывать либеральные идеи. Так, в «Особом прибавлении к Акмолинским областным ведомостям» (1889, № 12) было помещено стихотворение неизвестного автора, осуждавшего богатей за их стремление к высоким должностям, за бездеятельность и неспособность принести пользу народу:

Вы, простофили, имеете мало ума,
А такими быть управителями трудно;
Если же вы неспособны к делу,
Зачем тогда стремились на должности?

В критической заметке «Киргизы-помещики» («Оренбургский край», 1894, № 219) говорилось, что «богатые и сильные» казахи захватили заливные луга. И хотя «свободной» земли в степи много, однако наиболее ценные для скотоводства пойменные или заливные луга недоступны большинству населения, которое остается ежегодно без сена для скота и страдает от джута (бескормицы). Но прямые обвинения все же были редкостью. Чаше говорили за себя факты.

¹³ «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению Туркестанского военного генерал-губернатора В. И. Межовым (в 591 томе)». Ташкент, 1867—1916. Хранится ныне в Государственной публичной библиотеке им. Навои.

¹⁴ «Кто постоянно следит за литературой,— писал Межов,— тот знает, как бедна она сочинениями, относящимися к отдаленным странам, лежащим в глубине Средней Азии. Всего три сочинения в год — вот весь «умственный вклад» в сокровищницу знаний о Туркестанском крае. Между тем этот край становится для России все более и более интересным. Если книг выходит мало, то в «повременных» изданиях недостатка нет. Межов высказывает пожелание, чтобы эти публикации были «полезнее и посерьезнее».

¹⁵ Е. К. Бетгер. «Туркестанский сборник» и участие в нем А. А. Семенова. Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии. Труды АН ТаджССР. Душанбе, 1953, т. XVII, стр. 43—47.

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 1396, оп. 1, ед. хр. 24, л. 15.

¹⁷ В государственной публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина находятся 28 томов «Туркестанского сборника», составленных, по-видимому, В. И. Межовым уже после его возвращения из Ташкента.

¹⁸ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (архив В. В. Григорьева), ф. 224, ед. хр. 15.

¹⁹ В. В. Стасов. Фотографические и фототипические коллекции публичной библиотеки. СПб, 1885.

²⁰ С. Морозов. Русские путешественники-фотографы. М., 1958.

²¹ «Известия РГО», т. 11, вып. 6, 1875, стр. 237.

²² См.: «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур». М., 1961; «Из истории литературных связей». М., 1962; «Из истории русско-славянских литературных связей XIX века». М.—Л., 1963; «Международные связи русской литературы». М., 1963;

«Русско-европейские литературные связи». М.—Л., 1966; «Международные связи казахской литературы». Алма-Ата, 1970; «Казахская литература и ее интернациональные связи». Алма-Ата, 1973, и др.

²³ Г. И. Ломидзе. Проблемы творческого взаимодействия литератур народов СССР. М., 1960; Его же. В поисках нового. М., 1963; И. Неупокоева. Проблемы взаимодействия современных литератур. М., 1963, и др.

²⁴ М. О. Ауэзов. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961; З. А. Ахметов. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964; Т. Бейсов. Некоторые вопросы горьковских традиций в казахской советской литературе. Алма-Ата, 1953; К. Бейсембиев. Идеино-политические течения в Казахстане конца XIX и начала XX века. Алма-Ата, 1961; Х. Бекхожин. Пути развития казахской печати. Алма-Ата, 1964; И. Х. Габдиров. М. Горький и казахская советская литература. Алма-Ата, 1966; А. Дербисалин. О литературном наследии И. Алтынсарина. Сб. статей о казахской литературе. Алма-Ата, 1957, стр. 31—42; М. Т. Дуйсенов. Роль литературных связей в развитии казахской прозы. В сб.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных культур. М., 1961; И. Г. Евстратов. В. И. Даль и Западный Казахстан. Уральск. 1957; А. Жиренишин. Абай и его русские друзья. Алма-Ата, 1949; Е. Исмаилов. Акыны. Алма-Ата, 1956; М. Каратаев. Казахская литература. М., 1960; Его же. Мировоззрение и мастерство. Алма-Ата, 1965; Его же. От домбры до книги. М., 1970; С. Кирабаев. Октябрь жэне казак адабиеті, Алматы, 1966; Его же. Литературная деятельность И. Кубеева. Сб. статей о казахской литературе. Алма-Ата, 1957; Е. В. Лизунова. М. Ауэзов о проблемах взаимосвязей национальных литератур. В сб.: Межнациональные связи казахской литературы. Алма-Ата, 1970; С. Муканов. Осу жолдарымыз, Алматы, 1957; С. Н. Нурушев. Творческое наследие И. А. Крылова в казахской литературе XIX в. Алма-Ата, 1951; М. С. Сильченко. Творческая биография Абая. Алма-Ата, 1957; Н. С. Смирнова. О роли РГО в развитии казахской фольклористики. В сб.: «Вопросы казахской филологии». Алма-Ата, 1964; Ш. К. Сатпаева. Казахско-европейские литературные связи XIX в. и первой половины XX в. Алма-Ата, 1972; М. Фетисов. Литературные связи России и Казахстана (30—50-е годы XIX века). М., 1956. Его же. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. Алма-Ата, 1959; М. Айтбакина. Взаимообогащение национальных культур развитого социализма. Алма-Ата, 1979; и др.

²⁵ И. Джансугуров. Что дал перевод А. С. Пушкина на казахский язык. «Литературный Казахстан», 1937, № 2—3; Т. Какишев. Орыс ориенталистері Абай туралы. «Қазак адабиеті», 1963, 29. IX; С. Муканов. Наш учитель и друг. «Казахстанская правда», 1951, 17 июня; Г. Мусрепов. Наедине с Достоевским. «Казахстанская правда», 1971, 11 ноября; А. Х. Маргулан. Ч. Ч. Валиханов по отзывам русских и западноевропейских ученых. «Вестник АН КазССР», 1966, № 10; А. Тажибайев. Наставник казахских поэтов (О Т. Шевченко). «Казахстанская правда», 1964, 10 марта; Б. Шалабаев. К вопросу об отношении Абая к Пушкину. «Вестник АН КазССР», 1949, № 16.

КАЗАХСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ КЛАССИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, 1926, стр. 88—89.

² Там же, стр. 89.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

⁴ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. 3. М., 1948, стр. 793

⁵ Сергей Федорович Дуров (1816—1869)— поэт-петрашевец, противник самодержавия и крепостничества, пропагандист по призванию, до конца жизни преданный передовым идеалам.

С. Ф. Дуров активно участвовал в «пятницах» Петрашевского, затем вместе с А. Н. Плещеевым организовал самостоятельный кружок (1848), в состав которого вошел и Ф. М. Достоевский. На собраниях высказывались революционные идеи, особенно обсуждался наболевший вопрос — освобождение крестьянства путем восстания. В конце апреля 1849 г. С. Ф. Дуров, как и другие члены кружка, был арестован и заключен в одиночную камеру Петропавловской крепости. Смертный приговор суда был заменен каторгой. Закованных в кандалы Дурова и Достоевского препроводили в Омскую военно-кааторжную тюрьму. Тяжелые годы подорвали здоровье С. Ф. Дурова, но не сломили его духа, не изменили убеждений.

Писатель-демократ занимал определенное место в истории русско-казахских отношений, был одним из идейных учителей Ч. Ч. Валиханова. Дружба с Дуровым в известной мере определила последовательность пути великого казахского просветителя к демократическим прогрессивным позициям.

О влиянии С. Ф. Дурова на формирование мировоззрения Ч. Ч. Валиханова в утвердительной форме писал русский ученый-этнограф Г. Н. Потанин, который был близким другом казахского просветителя и ученого.

⁶ История КПСС, изд. 4-е. М., 1972, стр. 9.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

⁹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 3-х томах, т. III. М., 1936, стр. 227—228.

¹⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XVI. М., 1953, стр. 32.

¹¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVII, Пгр., 6, 1922, стр. 88.

¹² Там же, стр. 25—26.

¹³ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, стр. 255.

¹⁴ С. Машинский. Примечания. В кн.: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в 5 томах, т. 5. М., 1966, стр. 457—465.

¹⁵ С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. 5. М., 1966, стр. 31.

¹⁶ Там же.

- ¹⁷ С. Т. Аксаков. Семейная хроника. Собр. соч.; т. I. М., 1955, стр. 83.
- ¹⁸ Ю. Ф. Самарин. Соч., т. I. М., 1877, стр. 263.
- ¹⁹ С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. 2. М., 1966, стр. 397—405.
- ²⁰ С. Т. Аксаков. Семейная хроника, стр. 308—309. Далее постраничные ссылки на это произведение даны в тексте.
- ²¹ С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. 2. М., 1966, стр. 304.
- ²² С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. 3. М., 1956, стр. 47.
- ²³ Уфимское наместничество (1781) состояло из двух областей: Оренбургской и Уфимской. В 1796 г. оно преобразовано в Оренбургскую губернию.
- ²⁴ К. Покровский. Историко-бытовой и этнографический материал в произведениях Аксакова. М., 1911, стр. 18.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ С. Машинский. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1961.
- ²⁷ См. Запись песни об Ораке у Ч. Ч. Валиханова. Образ Орака (Урака) воссоздан и в романе современного казахского писателя И. Есенберлина «Заговоренный меч» (1970 г.).
- ²⁸ П. Фатеев. Русский революционный демократ Михаил Илларионович Михайлов. В кн.: М. И. Михайлов. Собр. соч. (в 5-ти томах), т. I, Чкалов, 1957, стр. 5—127.
- ²⁹ Н. В. Щелгунов. Воспоминания. М.—П., 1923, стр. 94.
- ³⁰ М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—Пгр., 1923, стр. 106—107.
- ³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 28.
- ³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 30.
- ³³ М. Л. Михайлов. Полн. собр. соч., т. I. Спб. 1912, стр. XI.
- ³⁴ П. Пашина. «Минута», 1882, № 128.
- ³⁵ Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.—Л., 1940, стр. 446.
- ³⁶ П. Фатеев. Русский революционный демократ Михаил Илларионович Михайлов. В кн.: М. И. Михайлов. Собр. соч., т. I.
- ³⁷ Кн.: «Материалы для будущей истории Сибири и ссылки Михайлова». Лейпциг, 1881, стр. 22.
- ³⁸ М. Михайлов. Киргизская степь. «С-Петербургские ведомости», 1886, № 155. Е го же. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком и дорогою через киргизскую степь до форта № I. Спб. 1886. Е го же. Области сибирских киргизов и Семипалатинская. «Литературная библиотека», 1867, № 1. Е го же. Киргизы. Там же, № 12.
- ³⁹ М. Михайлов. Киргизы. Туркестанский сборник, т. 16, 1869, стр. 121—131. В тексте (стр. 34—35) цитируется этот очерк писателя.
- ⁴⁰ А. В. Кушаков. М. Л. Михайлов. В кн.: М. Михайлов. Собрание стихотворений. Л., 1953, стр. 5—44.

⁴¹ М. Дикман, Ю. Левин. М. Л. Михайлов. В кн.: М. Л. Михайлов. Соч., т. I. М., 1958, стр. 5—47.

⁴² М. Л. Михайлов. Соч., т. I. М., 1958, стр. 410.

⁴³ М. Л. Михайлов. Стихотворения А. Н. Плещеева. Соч., т. 3. М., 1958, стр. 203—217.

⁴⁴ Там же, стр. 207.

⁴⁵ Там же, стр. 208.

⁴⁶ Н. С. Лесков. Очарованный странник. Избр. соч. Л., 1947, стр. 187.

⁴⁷ Там же, стр. 194.

⁴⁸ Там же, стр. 209. Далее постраничные ссылки на произведение даны в тексте.

⁴⁹ М. Горький. Собр. соч., т. 24. М., 1953, стр. 288.

⁵⁰ Там же, стр. 235.

⁵¹ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 10. М., 1958, стр. 397.

⁵² «Русские ведомости», 1881, № 288.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 488.

⁵⁴ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., т. 10, стр. 397.

⁵⁵ И. П. Потапенко. Несколько лет с А. П. Чеховым. В кн.: «Чехов в воспоминаниях современников». М., 1954, стр. 286—287.

⁵⁶ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., т. 10, стр. 398.

⁵⁷ Д. Мамин. На кумысе (из летних экскурсий).— «Русская мысль», кн. IX. 1891. Этот очерк не вошел в собрание сочинений, изданное в 1958 г.

⁵⁸ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., т. 10, стр. 18—25.

⁵⁹ Там же, стр. 25.

⁶⁰ Там же, стр. 36.

⁶¹ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Исповедь, ж. «Мир божий», 1894, № 11, стр. 1—10.

⁶² Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., т. 10, стр. 83—95.

⁶³ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8. М., 1955.

⁶⁴ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., т. 10, стр. 86. В тексте (стр. 49—50) даны постраничные ссылки на этот том.

⁶⁵ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови. Повесть. «Русская мысль», 1892, кн. 8, 9; Собр. соч. в 8-ми томах, т. 6, стр. 311—428.

⁶⁶ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., в 8-ми томах, т. 6, стр. 316. Далее в тексте (51—53) даны постраничные ссылки на этот том.

⁶⁷ Письма Д. Н. Мамин-Сибиряка к родным за 1891—1892 гг. Рукописный отдел ГПБ СССР им. В. И. Ленина.

⁶⁸ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1958, т. 7. стр. 450.

⁶⁹ Ф. Гладков. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка. В кн.: Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10-ти томах, т. I, стр. 9.

⁷⁰ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 6, стр. 740. Факты широкого участия казахов в движении Е. Пугачева засвидетельствованы и другими русскими авторами. Так, в «Справочной книжке Оренбургской губернии на 1870 год» (Оренбург, 1870) появилась небольшая статья «Пугачевский бунт», в которой имеются данные по исследуемому вопросу. В статье отмечается, что вождь Крестьянской войны в мае 1774 г., после взятия Магнитной крепости, «с великою ласковостью принял» представителей казахского народа («киргизских старшин») и «приказал им все оставшиеся от разорения крепости до основания разорить, ничего не опасаясь».

Указанные сведения были получены автором статьи от 85-летнего жителя Екульской станицы Оренбургского казачьего войска поручика Андрея Поспелова, умершего в 1811 г. Он — современник и очевидец войны — и передал автору рукопись, в которой были приведены подробности осады и взятия Троицкой крепости (20 мая 1774).

Отдельная глава рукописи, посвященная участию казахов в движении Пугачева, названа «Киргизская депутация к самозванцу... Осада крепости киргизами. Киргизские набеги».

⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 263.

⁷² А. М. Горький. Письма начинающим литераторам. Сб.: «О литературе». М., 1937, стр. 303.

⁷³ Г. И. Успенский. Собр. соч., т. 8. М., 1949, стр. 298.

⁷⁴ Г. И. Успенский. Кочевники и русские переселенцы. — «Русская мысль». М., 1891, кн. 3, стр. 41—47. В тексте (стр. 56—59) анализируется и цитируется этот очерк писателя.

⁷⁵ О переселенческом движении, охватившем значительные массы крестьян, писал, например, путешественник и беллетрист В. Л. Дедлов (псевдоним В. Л. Кинга. — К. К.), которого А. Е. Алекторов называл почтенным писателем и тонким наблюдателем. Действительно, в его художественно-документальных произведениях «По русскому востоку» («Книжки недели», 1891, № 7, 8, 9, 10), «В переселенческой крепоте» (там же, 1892: № 1, 2), «Зигзаги по русскому востоку» (там же, 1892, № 8) внимание читателей было обращено как на положение переселенцев, среди которых было немало и самовольно занимающих земли казахов, так и на обеднение кочевников. Причину последнего автор видел в том, что «долгий ряд неурожайных годов превратил Оренбургскую губернию в нищую... Обнищали мужики, обнищали казаки, башкиры, киргизы; обнищали даже суслик и сурок, кое-где околелишие от голода». Вопросы взаимоотношения переселенцев и казахов нашли отражение в книге В. Л. Дедлова «Переселенцы и кочевники. Частные заметки» (СПб, 1894).

Вспомогательная, «бывалого» казака с линии, автор излагает свои наблюдения над жизнью казахских степей. Для «казны» казах не представляет «беды». «Кормить его не надо», потому что «богатые бедных кормят, но зато уж бедные у богачей вроде как в России... крепостные».

Бывалый казак обращает внимание автора на «тревожный» симп-

том: казахи, по его мнению, «в последнее время шибко шустрятся». Оказалось, что кочевники после суровой зимы 1854 г. стали строить зимовки «по примеру русского народа». Немного времени прошло, как «русский народ стал селиться по зимовкам», а «уж теперь многие казахи «сами выучились пахать и сеять!» Вот почему бывалый казак называет казахов шустрым народом.

Автор видел значительное число поселений переселенцев по рекам и озерам, где постройки имели неуклюжий, корявый, нескладный вид. Дедлов высказывал опасение, что казахи выживут переселенцев, если сами «начнут пахать землю, ставить деревни и строить мечети». Он также боялся, что крестьяне-арендаторы «окиргизятся», «чему есть много примеров» (стр. 56).

Вместе с тем Дедлов был, безусловно, прав в том, что земельный вопрос в казахских степях в 90-х годах стал острым.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 19.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Л. Большаков. Л. Толстой (поиски и находки). Челябинск, 1964, стр. 3.

⁸⁰ П. Прянишников. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1946.

⁸¹ А. Д. Столыпин (1821—1899) — сослуживец Л. Н. Толстого по крымской кампании.

⁸² Н. Н. Апостолов. Живой Толстой. М., 1928, стр. 117, 154.

⁸³ С. Берс по этому поводу писал: «Домой в Ясную Поляну я с торжеством привез большие греческие лексиконы, переложенные дикими и необыкновенно ароматными цветами Самарской степи, доказавшими, что лексиконы на кумысе не были в употреблении, потому что классики, наконец, утратили интерес». — С. А. Берс. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Смоленск, 1893.

⁸⁴ Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М., 1936.

⁸⁵ Л. Большаков. Лев Толстой (поиски и находки), стр. 4—5.

⁸⁶ С. А. Берс. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом, стр. 63.

⁸⁷ Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. 13. М., 1953, стр. 424.

⁸⁸ С. А. Берс. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом, стр. 63.

⁸⁹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 83, стр. 226—230, т. 62.

⁹⁰ П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, изд. 3-е, т. 2. М., 1923, стр. 143.

⁹¹ Илья Толстой. Мои воспоминания. М., 1914, стр. 254.

⁹² А. Алекторов. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.

⁹³ Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. 10. М., 1953, стр. 202—203.

⁹⁴ Там же, т. 14, стр. 355.

⁹⁵ Там же, стр. 356.

- ⁹⁶ Там же, стр. 357.
- ⁹⁷ Там же, стр. 359.
- ⁹⁸ *Л. Н. Толстой*. Собр. соч., т. 8. М., 1952, стр. 393.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же, стр. 394.
- ¹⁰² Известно, что в столицу государства направлялись депутации из казахских степей. Сведения об этом публиковались на страницах русской печати.
- ¹⁰³ *Л. Н. Толстой*. Собр. соч., т. 8, стр. 400.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же, стр. 407.
- ¹⁰⁶ Там же, стр. 411.
- ¹⁰⁷ Там же, стр. 461.
- ¹⁰⁸ Записки В. А. Перовского о пребывании его в плену в 1812—1814 гг. «Русский архив», 1865, № 3, В. А. Перовский дважды (1833—1842 и 1854—1857 гг.) был правителем Оренбургского края.
- ¹⁰⁹ *Л. Н. Толстой*. Полн. собр. соч., т. 62, стр. 371.
- ¹¹⁰ *Н. Чернавский*. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем, вып. 2. Оренбург, 1901—1902, стр. 430—431.
- ¹¹¹ *Л. Н. Толстой* в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1960, стр. 136—137.
- ¹¹² *И. Н. Захарьин-Якунин*. Хива. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 г. и первое посольство в Хиве в 1842 г. СПб, 1898.
- ¹¹³ Там же, стр. 83.
- ¹¹⁴ Там же, стр. 76—77.
- ¹¹⁵ Там же, стр. 70.
- ¹¹⁶ Там же, стр. 68—70.
- ¹¹⁷ *Л. Большаков*. Лев Толстой (поиски и находки), стр. 32.
- ¹¹⁸ А. Бекович-Черкасский — руководитель экспедиции (1714—1715 гг.), направленной для отыскания водного пути в Индию. Его поход против Хивы закончился гибелью отряда (см.: *К. Кереева-Кауфиева*. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963, стр. 24).
- ¹¹⁹ *А. И. Мякутин*. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904.
- ¹²⁰ *И. Н. Захарьин-Якунин*. Граф Перовский и его зимний поход в Хиву, ч. 2., СПб, 1901.
- ¹²¹ *Л. Н. Толстой*. Полн. собр. соч., т. 62, стр. 383—384.
- ¹²² Там же, т. 17.
- ¹²³ *Л. Н. Толстой*. Собр. соч., т. 14, стр. 367.
- ¹²⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 40.

¹²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210.

¹²⁶ Следует заметить, что Л. Толстой, работая над «Воскресением», ряд сведений из жизни и быта ссыльных взял из книг Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872), Д. А. Линева «По этапу» (1886), Л. Мельшина «В мире отверженных» (1896) и др.

¹²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 209.

¹²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210.

¹²⁹ Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. 14, стр. 375.

¹³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

¹³¹ Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. 14, стр. 355.

¹³² Л. Н. Толстой. Декабристы. В кн.: «XXV лет 1859—1884». Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб, 1884.

¹³³ Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. 3, стр. 422.

¹³⁴ Там же, т. 14, стр. 361.

¹³⁵ Там же, стр. 374.

¹³⁶ Там же, стр. 366.

¹³⁷ Архив Института русской литературы (Пушкинский дом), ф. 265 («Русская старина», № 3565), оп. 2, № 1064, л. 16.

¹³⁸ М. И. Семевский — издатель журнала «Русская старина», автор книги «Наши знакомые. Книга автографов. 1880—1888 г.», в которой содержатся биографические сведения о многих русских деятелях Туркестанского края.

¹³⁹ Завалишин Иринарх Иванович (1762—1821) — инженер, генерал-майор, генеральный инспектор путей сообщения, писатель. Архив Института русской литературы (Пушкинский дом). Картотека Модзалевского.

¹⁴⁰ Дмитрий Иринархович Завалишин — известный декабрист, член Северного тайного общества декабристов. По доносу родного брата Ипполита был арестован и осужден на каторгу в Нерчинск. Зимой 1862 г. состоялась встреча старого декабриста с революционером М. Л. Михайловым. По впечатлениям последнего, Д. М. Завалишин был «еще чрезвычайно бодрый старик, живой и бойкий...» (М. Л. Михайлов. Записки. Соч., т. 3. М., 1888, стр. 607—608).

Д. И. Завалишин много писал о казаках Амурского края и о положении Сибири вообще, но цензура препятствовала публикации его статей. Описанная в «Записках» встреча с Завалишиным произвела огромное впечатление на М. А. Михайлова, убедив его в ответственности революционной борьбы в России. Образ старого декабриста был создан в незаконченном романе Михайлова «Вместе». Образ старого декабриста, возвратившегося из длительной ссылки, был использован и Л. Н. Толстым также в незаконченном романе о декабристах.

¹⁴¹ Рылеев К. Ф. — один из видных руководителей декабристов, выдающийся поэт. В архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) сохранилось четверостишие Рылеева, записанное В. М. Бе-

лозерским 20 октября 1889 г. со слов сына товарища Рылеева по службе в Санкт-Петербургской уголовной палате:

Тюрьма мне в честь — не в укоризну —
За дело правое я в ней...
Стыдиться ль мне моих цепей,
Как я ношу их за отчизну!

(Архив Семевого, ф. 274, оп. I, № 399).

¹⁴² Речь, по-видимому, идет о семье помещика Левашова, близко стоявшей к декабристам. В их гостиной собиралась вся литературная молодежь того времени. Посетителями салона Е. Г. Левашовой были Пушкин, Дельвиг, Чаадаев, Дмитриев, Баратынский, декабристы А. и М. Муравьевы и др. (*А. И. Герцен. Собр. соч.*, М., 1956, т. 7, стр. 352—353). Е. Г. Левашова была двоюродной сестрой декабриста И. Д. Якунина, который писал, что «в это время таких людей, как Левашовы... действующих в смысле Тайного общества и сами того не подозревая, было много в России» («Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якунина». М., 1951, стр. 47—48).

¹⁴³ И. Завалишин был автором трехтомного сочинения «Описание Западной Сибири» (т. 1. М., 1862; т. 2. М., 1865; т. 3. М., 1867). В них имеются материалы, характеризующие экономику и этнографические особенности казахских степей и казахов.

¹⁴⁴ *С. В. Максимов. Сибирь и каторга.* СПб., 1891.

¹⁴⁵ *Л. Н. Толстой. Собр. соч.*, т. 14, стр. 187.

¹⁴⁶ Там же, стр. 203.

¹⁴⁷ Там же, стр. 197.

¹⁴⁸ *Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч.*, т. 25, стр. 31.

¹⁴⁹ *В. Г. Короленко. У казаков. «Русское богатство», 1901, кн. XI—XII, стр. 149—150.* В тексте (стр. 81—88) цитируется это издание.

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

¹ Отец Чокана Валиханова доказал свою преданность интересам России во время реакционного движения Кенесары Касымова, находясь в составе русских отрядов, направленных против мятежников. Кенесары сжег родовое имение Валихановых в урочище Сырымбет (*А. К. Гейне. Собрание литературных трудов*, т. 1. СПб., 1897).

² Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович — знаменитый географ, президент Русского географического общества (1873—1914), исследователь Средней Азии и Казахстана. Он первым из европейцев проник (в 1856—1857 гг.) в обширную систему Тянь-Шаня и первым увидел Хан-Тенгри. В его трудах содержатся интересные сведения о жизни, быте, нравах, песнях и легендах казахов.

³ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — русский ученый-славист, академик. С 1900 г. профессор Петербургского университета. Активный деятель этнографического отделения Русского

географического общества. Интерес к общественным вопросам русской жизни сказывался уже в напечатанной в «Современнике» в 1857 г. в статье «О распространении знаний в России». С 1890 г. Ламацкий редактирует издание географического общества «Живая старина» и помещает в ней немало заметок по славянской и русской этнографии.

⁴ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 4, стр. 452.

⁵ После безвременной смерти молодого казахского ученого в 1865 г. его рукописи перешли в руки отличного знатока казахских степей и казахского народа К. К. Гутковского, который предполагал издать их. В связи с кончиной Гутковского рукописи Ч. Ч. Валиханова были переданы П. П. Семенову, который согласился заняться изданием его трудов в «Записках РГО».

⁶ П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества (1845—1895), ч. 1, отд. I, II, III. Сп., 1896.

⁷ Купец Букаш, снарядивший караван, и караван-баши Мусабай были удостоены золотой медали. Заслуги самого Ч. Ч. Валиханова были отмечены присвоением ему внеочередного воинского звания штабс-ротмистра, награждением орденом Св. Владимира 4-й степени и денежным вознаграждением.

⁸ О докладе Ч. Ч. Валиханова в географическом обществе П. И. Небольсин писал, что «извлечение (т. е. доклад, сообщение), полное эрудиции самостоятельной и взглядов истинно гуманных» имело небывалый успех. П. И. Небольсин. «Путешествующие киргизы». — «Русский вестник», 1860, т. 29, стр. 42—43. Доклад Валиханова (от 4 мая 1860) вызвал и другие отклики в русской, английской и немецкой печати (см.: Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 4, стр. 75).

⁹ «Очерки Джунгарии» Ч. Валиханова опубликованы в «Записках РГО» (1861 г., кн. I—II, стр. 35—38, 55—56), «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нань-лу в Малай Бухарии в 1858—1859 гг. (там же, кн. III), «Поездка Ч. Ч. Валиханова в Кашгар». — «Известия РГО», 1868 (IV, отд. 2, стр. 266—278).

¹⁰ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 3, стр. 153—156; 561—562; 578—580.

¹¹ Там же, стр. 157, 163 и 562—564.

¹² Там же, стр. 166—169.

¹³ Там же, стр. 200—231.

¹⁴ Ч. Ч. Валиханов оставил сравнительно небольшое эпистолярное наследие, однако оно содержит разностороннюю и глубокую информацию о взаимоотношениях казахского ученого-писателя с различными русскими деятелями. Письма Валиханова любопытны и как литературные документы: в них и юмор автора, и широкий круг его интересов, и основательное знание нравов, обычаев и эпоса своего народа и многие другие вопросы, в освещении которых автор пользуется своеобразными литературными приемами. В этом плане примечательно письмо Ч. Ч. Валиханова на имя профессора А. Н. Бекетова. (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР).

Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902), ректор и профессор

Петербургского университета (его дочь Александра Андреевна была матерью поэта А. А. Блока). Родная тетка поэта Мария Андреевна Бекетова была писательницей и переводчицей. Именно в ее архиве и хранится письмо Валиханова, в котором упоминаются имена многих видных деятелей русской науки и культуры (Менделеев, Лерх, Потанин, Ядринцев, Усов). С ними был близко знаком и казахский ученый. Своеобразный тон письма и содержащиеся в нем просьбы дают повод думать о близких, дружеских отношениях казахского ученого и петербургского профессора: «...Ваш покорный слуга, находясь в обстоятельствах, требующих удовлетворения деньгами, и сам не имея ни раба, ни вола, ни даже осла, желал бы продать некоторое свое произведение о Кашгаре, не имеющее никакого применения в бродячем быту, ...и потому просит г-на профессора... если это только будет возможно, продать в Общество целиком свои заметки о Кашгаре...

Дмитрию Ивановичу (речь идет о великом русском химике Дмитрии Ивановиче Менделееве, близком друге А. Н. Бекетова — К. К.) передайте мой поклон... Достоевскому тоже. Я сам скоро буду (ему) писать...»

¹⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 1—5. Алма-Ата, 1961—1965.

¹⁶ Сочинения Ч. Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского. «Записки РГО». СПб., 1904, т. XXIX, стр. 1—3.

¹⁷ Левшин А. И. (1799—1879) — русский общественный и научный деятель, один из основателей Русского географического общества. Широкую известность получила его работа «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832).

¹⁸ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 3, стр. 39—41 (замечания на третью часть описания киргиз-казахских орд А. И. Левшина).

¹⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 4, стр. 40.

²⁰ Там же, т. 3, стр. 42—49.

²¹ Там же, стр. 48.

²² Н. И. Веселовский. Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. 15, вып. I. СПб, 1903, стр. VII—XVI. См. также «Известия археологической комиссии», вып. 2. СПб, 1902, прибавление, стр. 5.

²³ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 3, стр. 555. Следует заметить, что переводы образцов казахской поэзии в русской литературе появились еще в конце XVIII — начале XIX в. Еще в 1820 г. было опубликовано предание об «Идиге», значительная часть которого переведена в стихотворной форме («Сибирский вестник». СПб, 1820, стр. 189—204). И хотя переведены лишь отдельные отрывки эпоса, тем не менее они представляют большой интерес как первые образцы перевода поэтического творчества казахов. Несмотря на вольный характер перевода и своеобразную стилизацию под русские былины («Даст коня тебе с золотым седлом, с золотой гривой, с золотой главой...»), в них сохранены особенности казахской поэзии.

²⁴ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 2, стр. 101.

²⁵ Там же, стр. 34.

²⁶ Д. И. Романовский (1828—1881) — начальник азиатской части департамента Генерального штаба, редактор газеты «Русский инва-

лид» (1862—1865), член Географического общества и Степной комиссии. После взятия Ташкента (1865) был военным губернатором Туркестанской области.

²⁷ Г. Н. Потанин. Воспоминания. Сибирский критик в Петербурге. «Сибирская жизнь», 1913, № 93.

²⁸ См.: К. Губарев. Киргизская степь (посвящается Чокану Валиханову). «Современник», 1864, № 6, стр. 373—374.

²⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 4, стр. 67—68.

³⁰ В. С. Курочкин был редактором сатирической «Искры». Его родной брат Н. С. Курочкин редактировал журнал «Иллюстрация». На страницах ее появились рисунки Ч. Ч. Валиханова, посвященные бытовым сторонам жизни казахов.

³¹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 4, стр. 46.

³² Ф. М. Достоевский. Письма. т. 1. М.—Л., 1928, стр. 200—202.

³³ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 4, стр. 56—63.

³⁴ Кашгар (Восточный Туркестан) привлек внимание Валиханова своим историческим прошлым, важным торгово-экономическим значением. Кроме того, край манил его сухим климатом, и была надежда, что, может быть, там здоровье поправится.

³⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 4, стр. 62—65.

³⁶ Там же; стр. 63—65.

³⁷ Там же, стр. 65—68.

³⁸ Там же, стр. 113—114.

³⁹ Воспоминания А. Г. Достоевской. М.—Л., 1925, стр. 45—46.

⁴⁰ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. М.—Л., 1934.

⁴¹ М. Ауэзов. Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов. В кн.: «Мысли разных лет». Алма-Ата, 1961, стр. 272—276.

⁴² Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 134, оп. 4, № 561, л. 15. Письмо Ф. М. Достоевского от 27 марта 1854 г.

⁴³ Цит. по кн.: П. Косенко. Иртыш и Нева. Алма-Ата, 1971, стр. 18.

⁴⁴ См.: П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг., т. 2, М., 1946.

⁴⁵ Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. 100, ед. хр. 29811—29813 ССХІ, б. 9. Письма А. Н. Плещеева к Ф. М. Достоевскому (из Оренбурга 20 января 1857 г., 10 апреля и 30 мая 1858 г., из Петербурга — 10 февраля и 10 апреля 1859); ф. 134, оп. 1, № 561. Достоевский Ф. М. Письмо к Плещееву А. Н. от 21 августа 1875 г.).

⁴⁶ Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. 93, оп. 2, № 81, л. 7.

⁴⁷ Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. М.-Пг., 1922, стр. 54—69.

⁴⁸ Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Л., 1962, стр. 762.

⁴⁹ Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома. Л. 1962, стр. 349.

⁵⁰ Там же, стр. 355—356. Ниже разрядки автора.

⁵¹ Там же, стр. 422—423.

⁵² Там же, стр. 374—375.

⁵³ Там же, стр. 376.

⁵⁴ Там же, стр. 229.

⁵⁵ Там же, стр. 399.

⁵⁶ Там же, стр. 141.

⁵⁷ «Правда», 1971, 13 ноября.

⁵⁸ Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. 93, оп. 2, № 81, л. 27.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Ф. М. Достоевский. Избр. соч., т. 2. Л., 1962, стр. 247.

⁶¹ Достоевский. Игрок. В кн.: Повести и рассказы в 2-х томах, т. 2. М., 1956, стр. 409.

⁶² См.: П. Косенко. Иртыш и Нева, стр. 125.

⁶³ «Правда», 1971, 13 ноября.

⁶⁴ Г. Мусрепов. Наедине с Достоевским. «Казахстанская правда», 1971, 11 ноября.

«ТУРКЕСТАНСКИЕ» РОМАНЫ Н. КАРАЗИНА, Н. ИЛЬИНА И ДРУГИХ

¹ О. В. Маслова (составитель). Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. III. Ташкент, 1962, стр. 69.

² Институт русской литературы (Пушкинский дом), АН СССР, ф. 123 (архив С. Е. Добродеева), оп. 2, № 146.

³ Там же, ф. 273, оп. 1, № 260 (архив П. В. Быкова). Письма Н. Н. Каразина к П. В. Быкову.

⁴ Статья «Ташкентские эффекты г. Каразина». «Санкт-Петербургские ведомости», 1872, № 324.

⁵ Н. Никитин. Ташкентские рыцари («На далеких окраинах» и «Погоня за наживой». Романы Каразина). Ж. «Дело». Спб., 1875, № 1, стр. 1—33.

⁶ Н. Н. Каразин. С Севера на Юг. Спб., 1875. Далее постраничные ссылки на роман даны в тексте.

⁷ Рассказ купца Абросимова о поездке его в Хиву.— В кн.: «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 2. Спб., 1873. стр. 374.

⁸ Н. Н. Каразин. Двуногий волк. Роман в двух частях. Полн. собр. соч., т. 14. Спб., 1904, стр. 1—252. Роман впервые вышел в свет в 1876 г. на немецком языке. На русском был опубликован спустя десятилетия. Постраничные ссылки даны в тексте.

⁹ Н. Н. Каразин. Полн. собр. соч., т. 15. Спб., 1904, стр. 30—107.

¹⁰ Н. Н. Каразин. От Оренбурга до Ташкента. Спб., 1886.

¹¹ Эти предположения Каразина нашли свое подтверждение лишь в советское время. Так, исследования советских казахских археологов (К. Акишев и др.) показали, что Отрар, расположенный на границе кипчакских (казахских) степей и Средней Азии, был одним из крупных очагов древней цивилизации. В ближайшие годы будут проведены комплексные исследования Отрара, что позволит открыть завесу над многими вопросами истории народов Средней Азии и Казахстана. К древним городам, расположенным в казахских степях, где чеканили свои монеты, относятся Отрар, Яси (ныне Туркестан), Тараз (г. Джамбул). «Мертвые города» обнаружены даже в пустынях Кызыл-Кума. Методом аэрофотосъемок установлено наличие древних ирригационных сооружений на территории Сунака, Саурана, Сузака, Отрара. В окрестностях последнего обнаружен канал длиной в несколько десятков километров, шириной 15 метров и глубиной 4 метра (Р. Сарбатыров. Отрар туралы энгіме. «Қазақ әдебиеті», 1971, 16 апреля.).

¹² Н. Каразин. Повести и рассказы. Полн. собр. соч., т. 15—16. Спб., 1905, стр. 170—187.

¹³ Такыр — солончаковая равнина с твердой и гладкой поверхностью.

¹⁴ Н. Каразин. Среднеазиатские этюды. «Беседа», кн. 1. Спб., 1872, стр. 74—103.

¹⁵ Н. Н. Каразин. Тьма непроглядная. Спб., 1905. В тексте (стр. 133) дана ссылка на это произведение.

¹⁶ Тюре — господин.

¹⁷ Урус якши — русский хороший.

¹⁸ Н. Н. Каразин. Полн. собр. соч., т. 16. Спб., 1904.

¹⁹ Там же, стр. 3—29. В тексте даны постраничные ссылки на это издание.

²⁰ Е. Гаршин. Критические опыты. Спб., 1888, стр. 110.

²¹ «Туркестанский сборник», т. 495, 1907, стр. 170—171.

²² Николай Николаевич Каразин.—«Туркестанский сборник», т. 501, стр. 11—12.

²³ Рукопись Н. П. Кременцова хранится в библиографическом отделе фундаментальной библиотеки Ташкентского университета.

²⁴ «Живописная Россия», т. 10. Спб., 1885. Под ред. П. П. Семенова.

²⁵ Институт русской литературы (Пушкинский дом), АН СССР, ф. 123, оп. 1, № 405; оп. 2, № 146; ф. 134, оп. 3, № 732, ф. 82, № 83; ф. 1, сп. 17, № 262; ф. 357, оп. 2, № 154.

²⁶ О. В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ташкент, ч. 1, 1953, ч. 2, 1956, ч. 3, 1962.

²⁷ Б. В. Лунин. Научные общества и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент, 1962; Е го же. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.

²⁸ Чабров Г. Н. Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII — первой половины XIX вв. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1966; Е го же. Художник Верещагин в Туркестанском крае, № 5. Ташкент, 1955, стр. 113—124.

²⁹ Н. П. Стремоухов в письме к издателю И. И. Базлову сообщил о себе следующие сведения: служил в министерстве иностранных дел, знает 14 языков, в Туркестанском крае пробыл с конца 1871 до начала 1874 г. Побывал в Коканде, Хиве, Кульдже, Кашгаре. Он совершил путешествие из Ташкента через Афганистан до Пешавара (Индия). В 1872 г. он с секретной миссией ездил в Бухару. С ним возвратилось бухарское посольство во главе с Абдул-Кадыр-Бекон, ездившим в Петербург. Стремоухова в поездке в Бухару сопровождали чиновник Вилькинс, два переводчика, 25 уральских казаков и 10 джигитов-казахов. Его путевые очерки были опубликованы в «Русском вестнике» (1875, № 6, стр. 630—695). В 1889 г. роман-быль Стремоухова под названием «В Бухару» появился в виде приложения к газете «Свет» в двух частях («В Бухаре» и «Среди басурман», 1883) со значительными сокращениями. В 1905 г. этот роман вышел полностью. Второе издание его вышло в трех томах: «В Бухару», «В Бухаре» («Среди басурман») и «Домой из Бухары».

³⁰ Ичиги — мягкие сапожки.

³¹ Кауша — кожаные галоши.

³² Чимбары (искаж.) — брюки.

³³ Малахай (искаж.) — головной убор мужчины-казаха.

³⁴ С. И. В. Аничков. Киргизский батыр Джангоджа Нурмухамедов. «Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XII, вып. 3. Казань, 1894.

³⁵ Н. Стремоухов. Чуть-чуть не попался (эпизод из борьбы русских с киргизами в начале 70-х гг.). «Век», 1882, кн. 5, стр. 933—948.

³⁶ Н. Уралов. На верблюдах. Воспоминания из жизни в Средней Азии. Спб., 1897 (Туркестанский сборник, т. 581, стр. 52—145). Далее в тексте даны постраничные ссылки на это издание.

³⁷ Речь идет о войне между республиканским Севером и рабовладельческим Югом.

³⁸ Н. Уралов. На верблюдах, стр. 61.

³⁹ В 1206 г. Темучин был провозглашен Чингис-ханом.

⁴⁰ См.: А. Е. Алекторова. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань. 1900, стр. 896.

⁴¹ Н. Ильин. В новом краю. Роман-хроника. Ташкент, 1913. Кроме этого романа писатель создал занимательный рассказ «Из записок туркестанского охотника», который привлекает тонким пониманием автором природы и гуманным отношением его к казахскому населению. Н. Ильину не трудно было хронологически достоверно передать события тех лет. В 1876 г. после окончания Медико-хирургической (военно-медицинской) академии он по своему желанию приехал в новый край, где занимал самые низшие должности: помощника делопроизводителя, члена комиссии незадолго до этого открывшейся Ташкентской публичной библиотеки. В 1881 г. Ильин служил судебным следователем в Ташкенте. Честный чиновник, он не ужился с ретивыми представителями официальных органов власти, поэтому в 1883 г. был уволен со службы.

⁴² Название кружка связано с именем Петра Ивановича Хомутова, политического ссыльного, жившего в Ташкенте с 1870 г. и до конца жизни. П. И. Хомутов после окончания Пермской гимназии учился в Медико-хирургической академии. 16 марта 1869 г. за участие в петербургских студенческих волнениях 1868—1869 гг. Хомутов был арестован по так называемому «нечаевскому делу» и выслан в Ташкент. По прибытии в Туркестанский край П. И. Хомутов получил приглашение на должность помощника чиновника по дипломатической части при генерал-губернаторе. Этим чиновником был известный художник-писатель и путешественник Петр Иванович Пашино. Хомутов был по-своему влюблен в новый край, где требовалось проведение в жизнь целой системы реформ и прогрессивных мероприятий. Занимая различные административные посты, он составляет множество проектов и отчетов, обзоров и докладных записок. В этих документах видна их добротная фактическая основа и обобщающая мысль автора. П. И. Хомутов сохранил лучшие качества прогрессивного деятеля до конца жизни. Поэтому вокруг него и его жены Екатерины Львовны (сестры писателя Д. Л. Иванова) стали группироваться передовые деятели края, среди которых были такие крупные ученые, как Н. А. Северцов, знаменитые путешественники супруги Федченко, В. Ф. Ошанин, Н. Ильин и др. Всех их супруги Хомутовы объединяли своим неизменным интересом к общественной жизни, проблемам науки, искусства и литературы.

⁴³ Госархив УзССР, ф. 1, д. 1248, 2283.

⁴⁴ Е. Гаршин. Критические опыты. СПб., 1888, стр. 129—130.

⁴⁵ Е. Гаршин. Критические опыты, стр. 193.

⁴⁶ С. Сычевский. Русский современный исторический роман «Одесский вестник», 1889, 8 апреля.

⁴⁷ П. Инфантьев. Этнографические рассказы из жизни татар, киргизов, калмыков, вогул, башкир и самоедов. СПб., 1909. Эта книга иллюстрирована рисунками: «пожилая казашка», «казахский музыкант» (19), «пирующие казахи» (23), «казахская школа» (32), «отъезд казахской невесты к жениху» (56), «Игры и забавы казахов» (45).

⁴⁸ П. Инфантьев. Тамыр (из серии «Жизнь народов России»). СПб., 1912.

⁴⁹ П. Инфантьев. На родине первых людей (приключение двух гимназистов в Средней Азии). Спб., 1912.

⁵⁰ П. Инфантьев. На родине первых людей, стр. 15, 20, 94.

⁵¹ П. Инфантьев. Беркут Галея. Рассказ из жизни киргизов, изд. 2. С 4 рисунками. М., 1916.

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ О КАЗАХАХ Е. КОВАЛЕВСКОГО, Д. ИВАНОВА И ДРУГИХ

¹ Е. П. Ковалевский. Собр. соч., т. III. Спб., 1871, Биографический очерк.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 234.

³ А. Фет. Мои воспоминания, ч. I, М., 1890, стр. 128.

⁴ Н. А. Некрасов. Собр. соч. и писем. т. V, М., 1952, стр. 341.

⁵ Н. А. Вальская. Путешественник Е. П. Ковалевский и петербургские литераторы (1848—1860).— В кн.: «Доклады восточной комиссии» ГО СССР, вып. 3. Л., 1966.

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. М., 1962, стр. 208—209.

⁸ Е. П. Ковалевский. Собр. соч., т. 3, Спб., 1871. В тексте даны постраничные ссылки на это издание.

⁹ Более подробные данные см.: К. Ш. Кереева-Канафиева. Писатель-революционер Д. Л. Иванов о Казахстане.— В сб.: «Русское и зарубежное языкознание», вып. 3. Алма-Ата, 1970, стр. 357—371.

¹⁰ А. А. Шилов и М. Т. Карнаухов. Деятели революционного движения в России (библиографический словарь), т. I, ч. II. М., 1928, стр. 143—144.

¹¹ А. И. Хлапонин, А. Н. Криштафович. Дмитрий Львович Иванов.— Известия Геологического комитета, т. XLIV, № 8. Л., 1925, стр. 805—812.

¹² ЦГИА СССР (Ленинград). Архив управления коменданта Санкт-Петербургской крепости, ф. 1280, оп. 1, ед. хр. 299, лл. 21, 23, 33.

¹³ Куртина (фр. courtine) — часть крепостного вала между бастионами (воен., устар.).

¹⁴ ЦГИА СССР (Ленинград). Архив управления коменданта Санкт-Петербургской крепости, ф. 1280, оп. 1, д. 578, л. 47; д. 48, № 581.

¹⁵ Там же, д. 611, л. 50.

¹⁶ Д. Л. Иванов. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко. — Известия главного Ботанического сада РСФСР, т. XXIII, вып. 1. Л., 1924.

- ¹⁷ Постраничные ссылки в тексте даны на указанное издание.
- ¹⁸ *И. В. Мушкетов*. Туркестан, изд. 2-е, Пгр., 1915.
- ¹⁹ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки — далее РО ГПБ. Л. (Ленинград), ф. 503, д. 149, л. 128. Письма Д. Л. Иванова (35) И. В. Мушкетову (с 16 июня 1878 г. по 2 апреля 1896 г.).
- ²⁰ РО ГПБ (Л.), ф. 503, д. 149, лл. 70—71. Письмо Д. Л. Иванова.
- ²¹ РО ГПБ (Л.), ф. 503, д. 149, лл. 104—105.
- ²² Госархив УзССР, ф. 2231, оп. 1, д. 268 (архив Н. Г. Малицкого). *О. Н. Малицкая*. Воспоминание о В. Ф. Ошанине.
- ²³ *А. И. Хлапонин, А. Н. Криштафович*. Дмитрий Львович Иванов. — Известия Геологического комитета, т. XLIV, 1925, № 8, стр. 805—812.
- ²⁴ *Д. Л. Иванов*. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко. — Известия главного Ботанического сада РСФСР, т. XXIII, вып. 1, Л., 1924.
- ²⁵ *Д. Л. Иванов*. Дошкольное рисование. Пособие матерям. Младенческий возраст с 636 рисунками в тексте и на 34 табл. Спб., 1912.
- ²⁶ *Д. Л. Иванов*. Зайка-играйка. Глазун-сова и другие рассказы няни Никифоровны. Для самых малых детей от 3-х до 6 лет. С рисунками автора. Спб., 1911.
- ²⁷ *Д. Л. Иванов*. По поводу некоторых туркестанских древностей. — Известия Русского географического общества, т. XXI. Спб., 1884.
- ²⁸ Об Ахыр-таше существует лишь краткое описание П. Лерха.
- ²⁹ *К. Г. Залеман*. Шугнанский словарь Д. Л. Иванова. Восточные заметки. Сборник, посвященный школе живых восточных языков в Париже, ко дню ее столетнего юбилея (1795—1895). Спб., 1895.
- ³⁰ Более подробные данные см.: *К. Ш. Кереева-Канафиева*. Очерки и рассказы Д. Л. Иванова о казахах и казахских степях. — В сб.: «Русское и зарубежное языкознание», вып. 4. Алма-Ата, 1971, стр. 96—120.
- ³¹ *А. С. Уклонский*. Д. Л. Иванов — выдающийся геолог — исследователь Средней Азии. «Узбекский геологический журнал», 1966, № 5.
- ³² *Д. Л. Иванов*. Путешествие на Памир. — Известия РГО, т. XX, Спб., 1884.
- ³³ *Д. Иванов*. Солдатское житье. Спб., 1875.
- ³⁴ «Туркестанский сборник». Ташкент, 1876, № 152.
- ³⁵ *Дм. Львович*. Солдатские рассказы о Туркестанском крае Спб., 1875. Постраничные ссылки на издание даны в тексте.
- ³⁶ «Русский Туркестан». Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. 1. География и статистика (под ред. Н. А. Маева). М., 1872, Приложения к III выпуску сб. «Русский Тур-

кестан» (Спб., 1872). Д. Иванов. Песни туркестанских солдат. стр. 238—246.

³⁷ Дм. Львович. По киргизской степи (путевые очерки) с 22 рисунками художника Н. И. Ткаченко. Петроград, изд. А. Ф. Девриена, 1914.

³⁸ Здесь и дальше транскрипция казахских слов дана по Д. Л. Иванову.

³⁹ Речь идет о шекпене — халате из домотканой верблюжьей шерсти.

⁴⁰ Ак-Мечеть — ныне город Кызыл-Орда.

⁴¹ Интерес русского общества к народам Средней Азии и Казахстана был настолько велик, что в 1874 г. в Петербурге открылась специальная выставка картин В. В. Верещагина, созданных в Туркестанском крае. А. К. Гейнс по просьбе художника написал очерк о Туркестане, который послужил пояснением к его картинам.

⁴² В картине «Апофеоз войны» (1871) художник воспользовался историческим фактом конца XIV и начала XV в., когда по древнему обычаю Тамерлан (Тимур) воздвигал на своем пути пирамиды из человеческих черепов.

⁴³ В. В. Верещагин. На войне в Азии и Европе. М., 1894, стр. 2. Предисловие.

⁴⁴ В. Стасов. Василий Васильевич Верещагин. — Вестник изящных искусств, т. 1, вып. 1—2, 1883; Любопытен следующий эпизод. В конце декабря 1892 г. Москву посетила группа учеников старшего класса Оренбургской казахской учительской школы с целью осмотра города. Группу возглавлял инспектор школы А. И. Тарнавский. Согласно его сообщению, ученики вели записи виденного во время поездки и впоследствии опубликовали свои корреспонденции на страницах «Оренбургского листка». Там же (1893, № 3—10) появились заметки и самого Тарнавского.

Большое впечатление на учащихся произвело посещение Третьяковской картинной галереи. С особым интересом учащиеся знакомились с картинами В. В. Верещагина, изображающими бытовые стороны жизни казахов, а также типы последних.

Внимание юных воспитанников Оренбургской школы несомненно привлекли такие великолепные картины В. В. Верещагина, как «Киргиз-охотник» (мощная, коренастая фигура старика-казаха в роскошном костюме с беркутом на руке), «Киргиз» (в серо-желтом широком костюме, подпоясанным светло-серым платком, в белой войлочной шляпе. На левом бедре его висит кривая сабля, в правой руке — пика. Он весь в ожидании, устремлен вперед; стоит спиной к зрителю и виден острый клин бородки; этюд «Киргизка» (верхом на верблюде, в цветастом халате, держа люльку двумя руками, с напряженным лицом сидит женщина-казашка), «Киргизские кибитки на реке Чу» (1869—1870 гг.; в цветущей долине раскинулись юрты казахов), «Киргизка» (изображена казашка верхом на белой лошади, в пестром халате, с высокой накидкой на голове). «Внутренность юрты богатого киргиза» (полумрак высокой юрты, на сундуках сложены постельные принадлежности, у входа сидит в молитвенной позе женщина). В двух этюдах («Проход Барскаун», «В горах Алатау») показан

«кусочек» буйно цветущего предгорья Алатау. К этой же серии относятся картины «Торжествуют» (1871), «Сцены из войны России с бухарским ханством» (1868), «Представляют трофеи» (1872) и др.

Картины выдающегося художника, своеобразный «живописный» отчет о Туркестанском крае в целом и казахских степях в частности, и сегодня обращают внимание многочисленных посетителей Третьяковской галереи не только живописностью, яркостью костюмов, но и колоритными образами.

⁴⁵ БСЭ, изд. 2, т. 7, стр. 491—493.

⁴⁶ В. В. Верещагин. На войне в Азии и Европе. М., 1894, стр. 76—77.

⁴⁷ От Оренбурга до Ташкента (1867—1868). Из записок г. Верещагина. Рисунки его же. Спб., 1883.

⁴⁸ В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания. Спб., 1883, стр. 49—89.

⁴⁹ Диван — искаж. диуана — юродивый.

⁵⁰ Верещагин. Забытый. Стихотворение. РО ГПБ (Л), ф. 137 (Верещагин В. В.), ед. хр. 2.

⁵¹ Туркестанские полотна В. В. Верещагина в русском обществе вызвали оживленные дискуссии. Кое-кому казалось, что художник изобразил нереальную жизнь. В этом отношении заслуживают внимания воспоминания Валериана Вега, автора книги «В Азию (дорожная пыль)» (Спб., 1900). Попав в Туркестан, автор с удивлением писал: «Небо уже потемнело немного, и в нем постепенно начинают проступать лиловые тени. Я только теперь начинаю понимать, насколько прав Верещагин в своих картинах и насколько правдив их колорит. А некоторые считали их лубочными, и я тоже был в числе этих некоторых, пока воочию не убедился в противном» (стр. 90).

⁵² Н. Н. Апостолов. Живой Толстой. М., 1928.

⁵³ Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии. Спб., 1901.

⁵⁴ Искандер — Александр Македонский.

⁵⁵ Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии, стр. 345.

⁵⁶ Там же, стр. 443.

⁵⁷ Д. Минаев. Рассказ «Пленница» (из записок о хивинской экспедиции 1839 г.). Извлечение из ж. «Историческая библиотека», 1879, № 11, стр. 1—55; — в кн.: «Туркестанский сборник», 1882, № 189, стр. 131—186.

⁵⁸ Ф. Лобысевич. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М., 1891.

⁵⁹ Этот же случай приводит в одной из этнографических статей И. Алтынсарин (см. И. Алтынсарин. Избр. произв. Алма-Ата, 1957, стр. 297).

⁶⁰ М. К. Приоров. История одного киргизского мальчика (быль). «Детское чтение», 1895, № 9, 10, стр. 18—103.

⁶¹ П. Потапов. Тамыр. Из нравов и обычаев киргизов. «Казанский телеграф», 1893, 126—128.

⁶² М. Лавров. Кочевники. «Книжка за книжкой», кн. 48. Спб., 1904.

⁶³ ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, д. 234.

⁶⁴ Транскрипция И. Я. Слоцова.

⁶⁵ Без автора. «Пословицы киргизов Тургайской области». «Правительственный вестник», 1892, № 194.

⁶⁶ А. В. Васильев. Образцы киргизской народной словесности, вып. 1 (киргизская песня о трех молодцах). Оренбург, 1897, стр. 1—32; вып. 2 (киргизские сказки). Оренбург, 1898; вып. 3 (киргизские загадки). Оренбург, 1900.

⁶⁷ А. Васильев. О киргизском языке и его транскрипция (по поводу издания «Киргизской степной газеты»). Оренбург, 1896.

⁶⁸ М. Н. Богданов. Орлиная дума.— В кн.: «Из жизни русской природы». Изд. 2-е. Спб., 1893.

⁶⁹ П. Антонов. По Туркестану. М., 1911.

⁷⁰ Б. Смирнов. В степях Туркестана. Путевые очерки. М., 1914.

⁷¹ «Учитель». В киргизской степи. Газ. «Московские ведомости», 1906 («Туркестанский сборник», т. 522, стр. 119).

⁷² А. Изотов, Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882—1964) «Простор», 1966, № 10.

⁷³ Густав Зелинский. Киргиз. Поэма. Перевод с польского Г. Гребенщикова. «Бытовая Сибирь». Томск, 1910.

⁷⁴ Г. Зелинский. Киргиз, стр. 5.

⁷⁵ Из цикла «Степь да небо». Томск, 1910. Далее постраничные ссылки даны в тексте (стр. 235—238).

⁷⁶ Г. Гребенщиков. Степные вороны. «Ежемесячный журнал». Пгр., 1915, № 9—10, стр. 90—114.

⁷⁷ Г. Зелинский. Киргиз. Иллюстрации к поэме сделаны Гр. Гуркиным и Виктором Белослюдовым.

⁷⁸ Речь идет о польском восстании 1830—1831 гг.

⁷⁹ Таксыр — господин, повелитель.

⁸⁰ Бай — богач, феодал; бий — одна из главных фигур казахского рода, творивший на основе обычного права (адата) суд и расправу. В сочетании бай — бий автор подчеркивает и богатство и власть хозяина волости.

⁸¹ Аульцы — жители казахского аула.

⁸² Текемет — шерстяной палас ручной работы.

⁸³ Казан — чугунный круглой формы котел.

⁸⁴ Джавлук (вернее: жаулык. — К. К.) — закрытый головной убор из бязи для женщин.

⁸⁵ Катыш (простореч.) — баба (здесь: бабы. — К. К.).

⁸⁶ Агач-аяк (вернее: агаш-аяк. — К. К.) — деревянная чашка.

⁸⁷ Палав (вернее: палау.— К. К.)— плов.

⁸⁸ Турсук — сосуд из прокопченной кожи для хранения кумыса.

⁸⁹ Махан (искаж.) — конина.

⁹⁰ Қыз — девушка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 6. М., 1978, стр. 525.

² Габит Мусрепов. Мы ждем вас, русские друзья! Ж. «Простор», 1964, № 10, стр. 2.

³ «Наш современник», 1977, № 30.

⁴ Д. А. Кунаев. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 332.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
КАЗАХСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ КЛАССИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.	20
Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ	90
«ТУРКЕСТАНСКИЕ» РОМАНЫ НА КАЗАХСКУЮ ТЕМУ Н. КАРАЗИНА, Н. ИЛЬИНА И ДРУГИХ	113
ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ О КАЗАХАХ Е. КОВАЛЕВСКОГО, Д. ИВАНОВА И ДРУГИХ	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	249
ПРИМЕЧАНИЯ	255

Кальсим Шакировна Кереева-Канафиева

РУССКО-КАЗАХСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

(Вторая половина XIX — первое десятилетие XX в.)

Редактор Э. А. Бычкова.

Художник А. К. Садвокасов.

Худож. редактор Д. А. Безруков.

Техн. редактор А. Е. Арестова.

Корректор И. С. Митина.

ИБ № 1312

Сдано в набор 16.11.79. Подписано к печати 25.07.80. УГ13339.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура,
печать высокая. Усл. п. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 6000 экз.
Заказ № 1353. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государст-
венного комитета Казахской ССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфиче-
ских предприятий «Кітап» Государственного комитета Казах-
ской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

5

35T 00

35T

35T

18